

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: теория и практика
PRAVOVOE GOSUDARSTVO: teoriya i praktika
THE RULE-OF-LAW STATE: theory and practice

№ 3 (57) 2019 Общественно-политический и научно-правовой журнал

Издается с 2005 года

Журнал выходит ежеквартально [12+]

УДК 340.1+34(091)(05)

ББК 67.0я5

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель:

Макаренко Илона Анатольевна – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа)

Члены редакционного совета:

Арзамаскин Николай Николаевич – д.ю.н., профессор (ФГБОУ ВО "Ульяновский государственный университет");

Балашенко Сергей Александрович – д.ю.н., профессор (Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

Боголюбов Сергей Александрович – д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

Галиев Фарит Хатипович – д.ю.н. (директор НИИ ППГ, г. Уфа);

Еникеев Зуфар Иргалеевич – д.ю.н., профессор (Председатель Конституционного Суда Республики Башкортостан, г. Уфа);

Комаров Сергей Александрович – д.ю.н., профессор (АНОВО «Международный университет в Москве», г. Москва);

Леруа Кристоф – доктор права, профессор (Université de Perpignan, Франция);

Липинский Дмитрий Анатольевич – д.ю.н., профессор (Тольяттинский государственный университет);

Макарова Тамара Ивановна – д.ю.н., профессор (Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

Нигматуллин Ришат Вахидович – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Петров Александр Васильевич – д.ю.н., профессор (ФГАОУ ВО "Южно-Уральский государственный университет);

Раянов Фанис Мансурович – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Сальников Виктор Петрович – д.ю.н., профессор (главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», г. Санкт-Петербург);

Саттарова Нурия Альвановна – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Семятко Алексей Павлович – д.ю.н., профессор (Гуманитарный университет, г. Екатеринбург);

Тарасов Александр Алексеевич – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Тлепина Шолпан Валерьевна – д.ю.н., профессор (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан);

Тужилова-Орданская Елена Марковна – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

Эксархопуло Алексей Алексеевич – д.ю.н., профессор (Башкирский государственный университет, г. Уфа);

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Галиев Фарит Хатипович – доктор юридических наук, доцент

Члены редакционной коллегии:

Азнагулова Гузель Мухаметовна – доктор юридических наук, доцент;

Гиззатуллин Равиль Хасанович – доктор юридических наук, доцент;

Касимов Тимур Салаватович – кандидат юридических наук, доцент

УЧРЕДИТЕЛИ

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»;

Учреждение «Научно-исследовательский институт проблем правового государства»

Выпускающий редактор – А.Ф. Файзуллина

Редактор англоязычных текстов – З.А. Юсупова

Редактор электронной версии – З.Р. Гиниятова

Почтовый адрес издательства и редакции: 450005, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, 131, к. 319

THE RULE-OF-LAW STATE: theory and practice

№ 3 (57) 2019 Socio-Political and Academic Law Journal
Since 2005

The Journal is published quarterly [12+]

УДК 340.1+34(091)(05)
ББК 67.0я5

EDITORIAL COUNCIL

Chairperson:

Ilena A. Makarenko – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa)

Editorial Council Members:

Nikolai N. Arzamashkin – Doctor of Law, Professor (Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

Sergey A. Balashenko – Doctor of Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Sergej A. Bogoljubov – Doctor of Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);

Farit Kh. Galiev – Doctor of Law (Director of the Rule-of-Law State Research Institute, Ufa);

Zufar I. Enikeev – Doctor of Law, Professor (Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Bashkortostan, Ufa);

Sergei A. Komarov – Doctor of Law, Professor (Moscow International University, Moscow);

Christophe Leroy – Doctor of Law, Professor (Université de Perpignan, France);

Dmitry A. Lipinskiy – Doctor of Law, Professor, (Togliatti State University);

Tamara I. Makarova – Doctor of Law, Professor (Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

Rishat V. Nigmatullin – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);

Alexander V. Petrov – Doctor of Law, Professor (South Ural State University);

Fanis M. Rayanov – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);

Victor P. Salnikov – Doctor of Law, Professor (Editor-in-Chief of the Journal “Legal Science: History and Modernity”, St. Petersburg);

Nuriya A. Sattarova – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);

Alexey P. Semitko – Doctor of Law, Professor (Liberal Arts University, Yekaterinburg);

Alexander A. Tarasov – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);

Sholpan V. Tlepina – Doctor of Law, Professor (L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan);

Elena M. Tuzhilova-Ordanskaya – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa);

Alexey A. Eksarkhopulo – Doctor of Law, Professor (Bashkir State University, Ufa)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief:

Farit Kh. Galiev – Doctor of Law, Associate Professor

Editorial Board Members:

Guzel M. Aznagulova – Doctor of Law, Associate Professor;

Ravil Kh. Gizatullin – Doctor of Law, Associate Professor

Timur S. Kasimov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor

FOUNDERS

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Bashkir State University»;
Institution «Research Institute of the Rule-of-Law State»

Executive Editor – A.F. Faizullina

Translation Reviewer – Z.A. Yusupova

On-line Editor – Z.R. Giniyatova

Postal address: 450005, Republic of Bashkortostan, Ufa, Dostoevskiy St, 131 – 319

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА.
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

<i>Гайдай М.К.</i> <i>Гальцев С.А.</i>	Деятельность полиции в оценках студенческой молодежи г. Иркутска	7
<i>Галикеева И.Г.</i>	Источники права: сложившиеся в нашей стране представления и проблемы их переосмысления	13
<i>Еникеев Р.Н.</i>	Историческая судьба государства: новая трактовка	17
<i>Зорина Н.В.</i>	Генезис понятия свободной воли как правового принципа в эпоху Средних веков	20
<i>Латыпова Н.С.</i>	Форма правления в США в условиях гражданской войны (1861-1865 гг.)	25
<i>Попова А.В.</i> <i>Горохова С.С.</i> <i>Азнагулова Г.М.</i>	К вопросу о необходимости определения цели и задач правового регулирувания в сфере искусственного интеллекта, киберфизиче- ских систем, роботов и объектов роботехники	31
<i>Попова А.В.</i> <i>Горохова С.С.</i> <i>Азнагулова Г.М.</i>	Теоретико-правовые подходы к определению системы принципов законодательного регулирования искусственного интеллекта на современном этапе развития правового государства	37
<i>Раянов Ф.М.</i>	Естественно-исторические закономерности становления и развития гражданского общества и правового государства	44
<i>Третьяков И.Л.</i>	Современные социальные технологии в области правовой защиты лиц пожилого возраста	53
<i>Чудин-Курган Ф.О.</i>	Проблема императивной природы правовых норм в контексте дискуссии Герберта Харта и Рональда Дворкина	60
<i>Шабуров А.С.</i>	Правотворчество как вид юридической деятельности	68

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

<i>Кузнецов И.А.</i>	Государственно-правовое развитие Российской Федерации: этапы, проблемы, особенности	80
----------------------	--	----

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

<i>Ахтямова Е.В.</i> <i>Алсынбаева Э.М.</i> <i>Хусаинова Р.И.</i>	Правовое регулирование преимплантационной и пренатальной генетической диагностики в Российской Федерации: проблемы и перспективы развития	86
---	---	----

КРИМИНАЛИСТИКА

<i>Аминев Ф.Г.</i>	О необходимости принятия федерального закона «о всеобщей геномной регистрации в российской федерации» в целях улучше- ния качества раскрытия и расследования преступлений	94
<i>Галимханов А.Б.</i>	Тактика очной ставки с участием защитника	99
<i>Хомутов С.В.</i>	Об этических аспектах криминалистической оценки заключения эксперта	102

НАЛОГОВОЕ ПРАВО

<i>Вершило Т.А.</i>	Налоговые расходы публично-правового образования как средство эффективного управления расходами бюджетов бюджетной системы в условиях становления цифровой экономики (правовой аспект)	107
---------------------	--	-----

МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

<i>Ларина Л.Ю.</i>	Уголовно-правовое обеспечение транспортной безопасности в странах СНГ	114
<i>Мокосеева М.А.</i> <i>Бакун А.С.</i>	Некоторые вопросы трансформации российского и белорусского законодательства под влиянием актов международных межправительственных организаций	121
<i>Мухаметгареева Н.М.</i> <i>Юсупова З.А.</i>	Развитие экологического законодательства Франции: достижения и новые вызовы второго десятилетия 21 века	129

К АВТОРАМ		138
------------------	--	-----

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE.

HISTORY OF THE DOCTRINES OF LAW AND STATE

<i>Gaidai M.K.</i> <i>Galtsev S.A.</i>	Police activities in the estimation of young students of Irkutsk	7
<i>Galikeeva I.G.</i>	Sources of law: ideas existing in our country and problems of their re-thinking	13
<i>Enikeev R.N.</i>	Historical fate of the state: a new interpretation	17
<i>Zorina N.V.</i>	The genesis of the concept of free will as a legal principle in the Middle Ages	20
<i>Latypova N.S.</i>	The form of government in the USA in the conditions of civil war (1861-1865)	25
<i>Popova A.V.</i> <i>Gorokhova S.S.</i> <i>Aznagulova G.M.</i>	To the issue of the necessity to define the purpose and objectives of legal regulation in the field of artificial intelligence, cyber-physical systems, robots and robotics	31
<i>Popova A.V.</i> <i>Gorokhova S.S.</i> <i>Aznagulova G.M.</i>	Theoretical and legal approaches to the definition of the system of the principles of legislative regulation of artificial intelligence at the present stage of development of the rule-of-law state	37
<i>Rayanov F.M.</i>	Natural and historical regularities of the formation and development of civil society and rule-of-law state	44
<i>Tretyakov I.L.</i>	Social technologies in the sphere of legal protection of elderly people	53
<i>Chudin-Kurgan F.O.</i>	The problem of the imperative nature of legal norms in the context of the discussion of Herbert Hart and Ronald Dworkin	60
<i>Shaburov A.S.</i>	Law-making as a form of legal activity	68

CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

<i>Kuznetsov I.A.</i>	State law development of the Russian Federation: phases, problems, features	80
-----------------------	---	----

CIVIL AND FAMILY LAW

<i>Akhtyamova E.V.</i> <i>Alsymbaeva E.M.</i> <i>Khusainova R.I.</i>	Legal regulation of preimplantation and prenatal genetic diagnostics in the Russian Federation: problems and development prospects	86
--	--	----

FORENSICS

<i>Aminev F.G.</i>	On the need for adopting the Federal Law "On the universal genomic registration in the Russian Federation" in order to improve the quality of crime solution and investigation	94
<i>Galimkhanov A.B.</i>	Tactics of face-to-face confrontation in the presence of the defender	99
<i>Khomutov S.V.</i>	On ethical aspects of forensic evaluation of expert findings	102

TAX LAW

- Vershilo T.A.* Tax expenses of a public law entity as a means of effective management of budgets expenses of the budget system in the conditions of formation of digital economy (legal aspect) 107

INTERNATIONAL AND EUROPEAN LAW

- Larina L.Y* Criminal law provision of transport security in the CIS countries 114
- Mokoseeva M.A.*
Bakun A.S. Certain issues of transformation of Russian and Belarussian legislation under international intergovernmental organizations acts 121
- Mukhametgareeva N.M.*
Yusupova Z.A. The development of French environmental legislation: Achievements and new challenges of the second decade of the 21st century 129

- TO THE AUTHORS** 138

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

УДК 340.1+34(091)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ
В ОЦЕНКАХ СТУДЕНЧЕСКОЙ
МОЛОДЕЖИ Г. ИРКУТСКА**

ГАЙДАЙ Мария Константиновна
*доктор социологических наук, доцент,
начальник кафедры философии, психологии и
социально-гуманитарных дисциплин ФГКОУ
ВО «Восточно-Сибирский институт МВД
России», г. Иркутск, Россия.
E-mail: mkgfip@mail.ru*

ГАЛЬЦЕВ Сергей Александрович
*кандидат философских наук, профессор, до-
цент кафедры физической культуры ФГБОУ
ВО «Иркутский национальный исследова-
тельский технический университет»,
г. Иркутск, Россия. E-mail: mkgfip@mail.ru*

Статья посвящена изучению мнения студенческой молодежи о деятельности полиции. Загравивается рассмотрение конструкта «общественное мнение» как уникального социального, политического и философского феномена, а также как законодательно признанного критерия оценки деятельности государственных структур в целом и полиции в частности. В основу работы легли данные анкетного опроса студенческой молодежи города Иркутска. Авторами отмечается зависимость в оценках деятельности полиции от социальной и экономической ситуации в регионе, уровня образованности, сформированности правосознания и правовой культуры. Подчеркивается значительное влияние средств массовой информации на оценки деятельности государственных органов. Указывается важность выстраивания благоприятных отношений между полицией и населением, обусловленная необходимостью их взаимодействия по охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности, защиты прав, свобод и законных интересов граждан, а также при выполнении иных, возложенных государством на полицию обязанностей.

**POLICE ACTIVITIES IN THE
ESTIMATION OF YOUNG STUDENTS
OF IRKUTSK**

GAIDAI Maria Konstantinovna
*Doctor of Sciences (Sociology), Associate Pro-
fessor, Head of the Department of Philosophy,
Psychology and Humanities and Social Studies
of the East Siberian Institute of the MIA of Rus-
sia, Irkutsk, Russia. E-mail: mkgfip@mail.ru*

GALTSEV Sergey Aleksandrovich
*Candidate of Sciences (Philosophy), Professor,
Assistant Professor of the Department of Phys-
ical Education of the Irkutsk National Research
Technical University, Irkutsk, Russia.
E-mail: mkgfip@mail.ru*

The paper is devoted to studying young students' opinion on police activities. "Public opinion" is considered as a unique social, political and philosophical phenomenon and as a legally recognized criterion to assess public authorities' activities in general and police in particular. This paper is based on a questionnaire survey of young students of Irkutsk. The authors note dependence in the estimation of police activities on a social and economic situation in the region, the level of education, legal conscience and legal culture. The paper underscores a major impact of mass media on the estimation of public authorities' activities. The authors demonstrate the importance of creating supportive relationships between the police and the population caused by the need of their cooperation in protection of public order, public security, and protection of citizens' rights, freedoms and legitimate interests and during performing other duties assigned to police by the state.

Ключевые слова: полиция, деятельность полиции, общественное мнение, молодежь, студенческая молодежь, имидж полиции, доверие полиции.

Key words: police, police activities, public opinion, youth, young students, police image, trust to police.

Одной из составляющих общественного контроля за работой правоохранительных органов считается оценка их деятельности со стороны общества. А в соответствии с Федеральным законом «О полиции» «общественное мнение является одним из основных критериев официальной оценки деятельности полиции, определяемых федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел» (п. 6 ст. 9). Приказ МВД России №777 от 1 декабря 2016 г. «Об организации постоянного мониторинга о деятельности полиции», созданный для реализации указанной выше статьи Федерального закона «О полиции» не только утвердил и ввел в действие Инструкцию об организации постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции, но и определил формы организации такого мониторинга. Всего предложено шесть форм мониторинга: опросы, проводимые Федеральной службой охраны России; опросы по их результатам проводимые Всероссийским научно-исследовательским институтом МВД России; опросы, проводимые в территориальных органах МВД России на районном уровне; интернет-опросы в субъектах России с использованием аппаратно-программного комплекса «Официальный интернет-сайт МВД России»; опросы российских социологических организаций, опубликованные в средствах массовой информации (СМИ) и сети Интернет; опросы в рамках подготовки диссертационных и научно-исследовательских работ на базе образовательных и научных организаций системы МВД России.

Таким образом, общественное мнение сегодня законодательно признано критерием оценки деятельности полиции. В то же время следует отметить, что сам феномен «общественное мнение», а также его наличие и возможность объективного исследования и замера ставится под сомнение рядом исследователей. Так, известный французский социолог XX века П. Бурдьё в книге «Социология политики», отмечал, что общественного мнения не существует: «Зондаж общественного мнения в сегодняшнем виде, – это инструмент политического действия; его, возможно, самая важная функция состоит во внушении иллюзии, что существует общественное мнение как императив, получаемый исключительно путем сложения индивидуальных мнений; и во внедрении идеи, что существует нечто вроде среднего арифметического мнений или среднее мнение» [1, с. 163]. В то же время, при изучении оценки эффективности той или иной деятельности в обществе современными исследователями данное понятие активно применяется. Так, И.А. Кибак, рассматривая общественное мнение как критерий оценки эффективности законотворческой деятельности, рассуждает о роли, значении и возможностях влияния общественного мнения на законотворческий процесс, полагая, что использование общественного мнения в законотворческой деятельности характеризует степень гуманизации общества. Он пишет: «Сформированное общественное мнение имеет интегративный характер. Это не простая сумма индивидуальных мнений, а концентрированное выражение коллективного разума, результат обмена мнениями между людьми, сплав, репрезентирующий мнение общества... Социальная сущность общественного мнения проявляется в оценке субъектом того или иного процесса, события с точки зрения их соответствия интересам субъекта» [2, с. 103].

Сложность, но объемность, а также противоречивость самого конструкта «общественное мнение» не позволяет нам в рамках статьи углубиться в анализ этого феномена. В данной статье будет представлено мнение определенной общественной группы – студенческой молодежи о деятельности полиции. В основу исследования положены данные анкетного опроса студенческой молодежи города Иркутска в 2018 году. Выбор респондентов не случайно пал именно на студенческую молодежь. Это обусловлено рядом факторов: во-первых, сегодняш-

няя молодежь – это наше завтра и от того, как часть нашего общества, которой присущ юношеский максимализм, оценивает работу полицейских, зависит в какой-то степени бесконфликтность взаимодействия при оказании помощи и охране общественного порядка. Во-вторых, именно студенческая молодежь имеет потенциал, направленный на реформирование государственного аппарата и полиции в частности, в будущем. В-третьих, молодежь, это самая незащищенная часть нашего общества в плане информационной экспансии. Распространение криминальной субкультуры, пропаганда присущего ей образа жизни и менталитета выходящая за пределы пенитенциария, в первую очередь имеет своей целью молодежь. А одной из особенностей данной субкультуры является неприятие государственных органов и полиции в частности. В то же время, молодежь, обучающаяся в образовательных организациях высшего образования, имея перед собой пример в лице педагогов и работников этих учреждений в большей степени, нежели не учащаяся молодежь способны оценить необходимость и востребованность деятельности государства в лице правоохранительных органов, а также минимизировать влияние тюремно-лагерной романтики в отношении себя.

Один из вопросов анкеты, представленной респондентам, так и звучал: «Как Вы сегодня оцениваете деятельность полиции?». Результаты ответа на который показали, что более половины опрошенных, а именно 61,2% оценивают деятельность полиции в целом положительно. При этом однозначно «положительно» оценило 13% респондентов и «скорее положительно, чем отрицательно» 48,2%. Категорично негативную оценку деятельности полиции дали лишь 4,7%, выбрав вариант ответа «отрицательно». И еще 17,6% указали, что оценивают деятельность полиции «скорее отрицательно, чем положительно». Оценивая деятельности государственных органов, в том числе полиции граждане нередко делают замеры не только самой деятельности и ее эффективности, сколько сопутствующим социальным обстоятельствам: процессам, происходящим в экономике страны, социальном секторе (инфляция, безработица, здравоохранение и т.п.). Негативная оценка деятельности полиции в какой-то мере переносится на общую ситуацию в стране и в регионе в частности. Так, высокий уровень безработицы молодежи, которая по некоторым данным у лиц в возрасте 20-24 лет составляет более 50% [4], способствовал скорее отрицательной, нежели положительной оценке работы государства в лице полиции. Из всех опрошенных затруднились оценить работу полицейских 16,5% (затруднились с ответом).

Мнение студенческой молодежи г. Иркутска о том, что должно быть решающим в оценке деятельности полиции отражено в таблице 1.

Таблица 1

Результаты ответа на вопрос: «Как вы считаете, что должно быть главным при оценке деятельности полиции?»

№	Варианты ответа	%
1	Раскрываемость преступлений	22,2
2	Оказание помощи населению по любым вопросам	28,2
3	Обеспечение общественного порядка на улицах	22,2
4	Оперативность реагирования на сообщения граждан	26,8
5	Иное	0,6

Как видно из таблицы, самым многочисленным, хотя и с не большим отрывом является вариант ответа «оказание помощи населению по любым вопросам». Достаточно широкая формулировка данного варианта ответа предполагает и большой спектр выполняемых сотрудниками полиции функций, начиная от охраны общественного порядка, раскрытия преступлений до реализации государственных услуг, предоставляемых МВД России. Следующим из вариантов стал ответ «Оперативность реагирования на сообщения граждан», что связано с желанием незамедлительного принятия решения по законному обращению в полицию. Однако в связи с загруженностью сотрудников, быстрота в реагировании на сообщения граждан иногда отсутствует. «Обеспечение общественного порядка на улицах» и «Раскрываемость преступлений», будучи наиболее типичными из функций полиции при оценке ее деятельности набрали равное число ответов. Таким образом, и оказание помощи населению, и оперативность реагирования на сообщения граждан, и обеспечение общественного порядка, и раскрываемость преступлений признаются значимыми в оценке деятельности полиции.

В то же время, наряду с самой работой различных служб и подразделений полиции, при оценке деятельности полиции существенное значение имеют следующие факторы. Как было отмечено выше, это социально-экономическое состояние общества.

Сильное влияние на оценки полиции имеют средства массовой информации (СМИ), нередко однобоко освещая ее деятельность. Отражение в новостях и публикациях, в первую очередь негативных примеров деятельности полиции, обуславливается значительно большим читательским интересом именно к негативной информации [5, с. 124]. Влияние СМИ на оценку деятельности полиции связано также с тем, что многие опрошенные (среди наших респондентов таких **65,9%**) **получали информацию о деятельности правоохранительных органов и состоянии преступности из интернета, телевидения, радио и газет.** «...В общественном сознании зачастую рост, либо снижение авторитета правоохранительных органов тесно увязаны с деятельностью СМИ...» [6, с. 144-145].

Уровень образованности, общей и правовой культуры населения страны, степень сформированности правового сознания также оказывают влияние на оценки деятельности полиции.

Таким образом, в формировании определенных стереотипов и влиянии на оценку деятельности полиции в массовом сознании граждан ведущая роль принадлежит средствам массовой информации. В условиях современного общества, достижение информационного превосходства связано, с широким распространением СМИ в XX-XXI веках, значение которых трудно переоценить.

Поэтому, необходимо искать различные пути согласования и налаживания отношений, предотвращения трений между общественностью и полицией, с целью выполнения последней своих функций и по защите прав и свобод граждан, а также поддержанию правопорядка в целом. Взаимодействие полиции и общества способно стимулировать социальное мышление для осознания населением социальной миссии полиции в обществе. Только двигаясь в данном направлении можно оптимально сформулировать цели функционирования правоохранительных органов и видеть реальные перспективы их развития на благо общества и государства. Именно во взаимодействии видится возможность осознания общественностью необходимости оказания помощи полиции при выполнении стоящих перед ней задач, а также социальной ответственности за бездействие перед другими людьми.

Прозрачность деятельности полиции предполагает не только понятность всем и каждому, но и открытость для широкого сотрудничества, которое необходимо направлять в русло взаимной благожелательности, которой, к сожалению пока нет. Сотрудники полиции сталкиваются с необходимостью разрешения сложных ситуаций в ограниченные сроки, а их деятельность нередко носит экстремальный характер, что требует от них существенных затрат физических и психических сил и организационных ресурсов. А в условиях роста технических

возможностей на сотрудников обрушивается дополнительная проблема связанная не только с повышенным вниманием к людям в форме со стороны населения, но и со свойственной времени фокусировкой внимания в отношении полиции через объектив современных гаджетов (сотовый телефон, планшет, камера и т.д.). Более того, блогерами, полученная информация о полиции распространяется (несмотря на запреты) и выставляется приоритетно в негативном плане. Поэтому некоторые исследователи говорят о необходимости и актуальности изучения и формирования позитивного индивидуального имиджа полицейского. Так, А.В. Соловьева отмечает, что «именно позитивный индивидуальный имидж способствует установлению стабильных доверительных отношений между субъектами взаимодействия и, как следствие, оказывает положительное влияние на эффективность стоящих перед ними задач» [7, с. 78]. В конечном итоге как индивидуальный, так и социальный имидж полицейского будет влиять на оценки деятельности полиции, в том числе и рассматриваемой нами социальной группой – студенческой молодежью. «Положительный имидж способствует повышению уровня доверия населения к органам внутренних дел, готовности оказывать помощь и сотрудничать с полицией, профилактике преступных проявлений» [3, с. 44]. Такой образ включает в себя: образ руководителя ведомства (персональный, социальный, символический); образ персонала (физические, социальные, культурные, профессиональные и другие качества сотрудника); социальный образ ведомства (роль в жизни общества и место среди иных органов государства); имидж «услуг», которые предоставляются обществу, внешнюю атрибутику (символика, знаки отличия, униформа и т.д.); образ исторического прошлого. Автором также отмечается, что «при реализации информационной политики в сфере внутренних дел необходимо готовить больше материалов аналитической и публицистической направленности, художественных фильмов, посвященных деятельности полиции с момента ее создания и до наших дней, рассказывать о руководителях ведомства, показывать место и роль МВД в системе становления государственности в нашей стране» [3, с. 44].

Подводя итог, отметим, студенческая молодежь оценивает деятельность полиции, в большинстве своем положительно, при этом полагая, что оказание помощи населению, оперативность реагирования на сообщения граждан, обеспечение общественного порядка, раскрываемость преступлений имеют практически равное значение при формулировании самой оценки. Существенное влияние на отношение к полиции и ее деятельности оказывают СМИ, а так же социально-экономическое состояние региона, уровень образования, общей и правовой культуры населения страны и степень сформированности правового сознания. В этой связи формирование позитивного социального облика полицейского, основанного на реальной обстановке видится обоснованным и практически значимым. Необходимо также отметить, что проблема предупреждения преступности молодежи, особенно в крупных городах, находится в центре внимания мирового сообщества и социологические опросы являются той необходимой объективной базой для выстраивания эффективной стратегии правоохранительной деятельности [8, с.42].

Библиографические ссылки

1. Бурдые П. Социология политики : пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М. : Socio-Logos. 1993.
2. Кибак И.А. Общественное мнение как критерий оценки эффективности законотворческой деятельности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 1 (60).
3. Михеев Е.А. Информационно-психологические технологии формирования имиджа органов внутренних дел Российской Федерации // Закон и право. 2015. № 10. С. 44-47.
4. Названы регионы с самым высоким уровнем молодежной безработицы // Российская газета. 2019. 11 марта.

5. Ребрий В.А., Черепанов П.Ф. Практика работы пресс-служб органов внутренних дел с критическими публикациями в отношении полиции в средствах массовой информации // Закон и право. 2016. № 6. С. 124-127.
6. Родимушкина О.В., Яковлев О.В., Чупс И.Н. Особенности формирования общественных оценок работы полиции в современных условиях // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 1 (84). С. 136-148.
7. Соловьева А.В. Роль диагностики исходных личностных потенциалов в формировании позитивного имиджа сотрудников ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 3 (58). С. 78-81.
8. Нигматуллин Р.В. Одиннадцатый Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями и проблемы координации международного сотрудничества по борьбе с преступностью // Международное публичное и частное право. 2006. № 5. С. 41-43.

References

1. Burd'ye P. Sotsiologiya politiki (Sociology of politics), per. s fr., sost., obshch. red. i predisl. N.A. Shmatko. Moscow, Socio-Logos. 1993.
2. Kibak I.A. Obshchestvennoye mneniye kak kriteriy otsenki effektivnosti zakonotvorcheskoy deyatelnosti (Public opinion as a criterion for evaluating the effectiveness of legislative activity). *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*, 2015, No. 1 (60).
3. Mikheyev Ye.A. Informatsionno-psikhologicheskiye tekhnologii formirovaniya imidzha organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii (Information-psychological technologies of image formation of internal affairs bodies of the Russian Federation). *Zakon i pravo*, 2015, No. 10, pp. 44-47.
4. Nazvany regiony s samym vysokim urovnem molodezhnoy bezrabortitsy (They named the regions with the highest level of youth unemployment). *Rossiyskaya gazeta*, 2019, 11 mar.
5. Rebriy V.A., Cherepanov P.F. Praktika raboty press-sluzhby organov vnutrennikh del s kriticheskimi publikatsiyami v otnoshenii politzii v sredstvakh massovoy informatsii (The practice of press services of internal affairs agencies to deal with critical publications regarding the police in the media). *Zakon i pravo*, 2016, No. 6, pp. 124-127.
6. Rodimushkina O.V., Yakovlev O.V., Chups I.N. Osobennosti formirovaniya obshchestvennykh otsenok raboty politzii v sovremennykh usloviyakh (Features of the formation of public assessments of police work in modern conditions). *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, 2018, No. 1 (84), pp. 136-148.
7. Solov'yeva A.V. Rol' diagnostiki iskhodnykh lichnostnykh potentsialov v formirovanii pozitivnogo imidzha sotrudnikov OVD (The role of the diagnosis of initial personal potentials in the formation of a positive image of police officers). *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh*, 2014, No. 3 (58), pp. 78-81.
8. Nigmatullin R.V. Odinnadtsatyy Kongress OON po preduprezhdeniyu prestupnosti i obrashcheniyu s pravonarushitelyami i problemy koordinatsii mezhdunarodnogo sotrudnichestva po bor'be s prestupnost'yu (Eleventh United Nations Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders and the Problems of Coordination of International Cooperation on the Fight against Crime). *Mezhdunarodnoye publichnoye i chastnoye pravo*, 2006, No. 5, pp. 41-43.

Дата поступления: 11.08.2019

Received: 11.08.2019

УДК 340.1+34(091)

**ИСТОЧНИКИ ПРАВА: СЛОЖИВШИЕСЯ
В НАШЕЙ СТРАНЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ****ГАЛИКЕЕВА Ирина Гаязовна***кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.**E-mail: galikeeva_notary@mail.ru*

Впервые за постсоветское время сделана попытка оценить сложившееся за долгое время в нашей стране понимание источников права с точки зрения новых положений Конституции Российской Федерации 1993 года. В результате сформировавшиеся в отечественной юридической науке представления об источнике права автор считает не соответствующими современным научным представлениям. По мнению автора, имеющиеся на сегодняшний день представления об источниках права игнорируют положение Конституции Российской Федерации о народе как носителе суверенитета и единственном источнике власти в российском обществе. Сформулированы предложения, направленные на изменение этих представлений в области понимания источников права и приведения их в соответствие с новыми положениями действующей Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: источников права, юридической науке, государственная воля, конституция, общественный договор, выражающая волю, государственно организованного народа.

Тему «источники права» вряд ли можно отнести к числу не изученных и претендующих к какой-то новизне. Ответы на вопрос об источнике права можно найти не только в отечественной дисциплине «Теория государства и права», но и во всех отечественных отраслевых юридических дисциплинах. Возможно, именно по причине широкой известности этой темы, в последние десятилетия проблемами, относящимися к источникам права, на солидном монографическом уровне также перестали заниматься. Однако, как нам представляется, такое «затишье» вовсе не означает, что с теоретическими проблемами, относящимися к теме источников права у нас все в порядке. Более того, даже беглый взгляд на понимание и использование понятия «источники права» в различных учебниках и монографических работах показы-

**SOURCES OF LAW: IDEAS EXISTING IN
OUR COUNTRY AND PROBLEMS OF
THEIR RETHINKING****GALIKEEVA Irina Gayazovna***Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Civil Law of the Institute of Law of the FSBEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia.**E-mail: galikeeva_notary@mail.ru*

For the first time in post-Soviet time, an attempt has been made to assess the understanding of the sources of law existing in our country in terms of the new provisions of the 1993 Constitution of the Russian Federation. As a result, the author considers that the ideas of the sources of law existing in national legal science are inconsistent with modern scientific notions. According to the author, the current understanding of the sources of law ignores the provision of the Constitution of the Russian Federation on people as the bearer of sovereignty and the only source of power in Russian society. The proposals are formulated aimed at changing these perceptions in the field of understanding the sources of law and bringing them into line with the new provisions of the current Constitution of the Russian Federation.

Key words: sources of law, legal science, state will, constitution, social contract, expressing the will, state-organized people.

вает, что и в этой области появились немало вопросов, нуждающихся в теоретико-методологическом осмыслении.

Так, в одном из распространенных учебников по дисциплине «Теория государства и права» вопрос «источники права» сразу же раскрывается следующим образом: «нормы права как общеобязательные правила, подлежащие исполнению широким кругом лиц, должны быть известны ими. Поэтому государственные органы, принимая то или иное нормативно-правовое предписание, должны, во-первых, изложить его в форме, доступной для восприятия другими лицами, и, во-вторых, обеспечить возможность ознакомления с ним самых широких слоев населения, организаций и иных лиц» [1, с. 109].

Не совсем согласившись с такой трактовкой понятия «источники права», мы решили обратиться к другому учебнику, выполненному коллективом ученых-правоведов и названному «Проблемы общей теории права и государства». Здесь читаем: «под источником права можно понимать социальные факторы, определяющие содержание правовых норм; государство как непосредственную силу, творящую право; источники информации о праве (законодательные памятники, учебники по праву и т.д.). Приведенное выше определение юридического источника права есть результат известного «джентельменского соглашения» между юристами (как практиками, так и учеными), призванного избежать многозначности этого понятия. Чтобы подчеркнуть формально-юридический смысл, обычно понятие «источники права» уточняют в скобках понятием «формы»» [2, с.265].

Однако суждения об источниках права, приводимых и в этом учебнике, не могут нас удовлетворить. Прежде всего, потому, что здесь тоже, без каких-либо объяснений, утверждается, что именно государство играет исключительную роль государства в сфере творения права. Чтобы как-то обосноваться в этом вопросе мы обратились еще к одному учебнику по теории права и государства. В этом учебнике выделяется целая глава, посвященная источникам права. Что же касается самого понятия источника права, то здесь сказано: «По существу речь идет о внешней форме права, означающей выражение государственной воли вовне» [3, с. 144]. Этого небольшого предложения уже достаточно, чтобы понять основную мысль авторов учебника относительно природы и сущности источника права: источник права – это форма, выражающая волю государства. Далее в этом учебнике подробно раскрываются особенности отдельных видов источников права. Характеризуя закон в качестве особого вида источника права, авторы учебника еще раз подчеркивают мысль об источнике права как внешней форме выражения воли государства. В частности, они пишут: «Закон – это принимаемый в особом порядке и обладающий высшей юридической силой нормативный правовой акт, выражающий государственную волю по ключевым вопросам общественной жизни» [3, с. 145].

Увлечшись выяснением проблемы понимания вопроса об источниках права, и считая достаточным приведенных примеров из учебников по дисциплине «Теория государства и права», мы решили заглянуть и к учебникам отраслевых юридических дисциплин. Вот перед нами учебник «Аграрное право», где в главе, посвященной источникам аграрного права и параграфе под названием «Понятие источников аграрного права» читаем: «Источники аграрного права служат формой выражения и закрепления аграрной политики государства как важного фактора, влияющего на формирование и развитие юридических институтов в сфере правового регулирования аграрных отношений. Аграрная политика государства складывается в форме социальных ориентации, совокупности целей, идей, принципов, методов регулирования отношений между городом и деревней, экономических отношений в деревне, программ решения продовольственного вопроса» [4, с. 27]. На следующей странице этого учебника исключительная государственная прерогатива правотворчества утверждается уже открытым текстом. Здесь написано: «юридические акты, регулирующие аграрные отношения являются лишь результатом деятельности государства, без которого не может возникнуть ни один

юридический нормативный акт. Тем самым решающее значение приобретает проблема формирования и осуществления государственной воли» [4, с. 28].

Как видно из приведенных примеров в нашей стране, довольно твердо и однозначно сложилось представление об источниках права в качестве явления, выражающего вовне лишь волю государства и оформляющего его в виде определенных текстов. Если продолжать соглашаться с таким, сложившимся только в нашей стране представлением о природе и сущности источников права, то все это, как нам представляется, будет не только прямым продолжением игнорирования важнейшего конституционного положения о народе как о носителе суверенитета и единственном источнике власти, но и неправильным, по существу. Потому, что положение о народе как носителе суверенитета и единственном источнике власти в обществе – это великое и очень позитивное явление, достигнутое лишь в постсоветской Российской Федерации. К тому же, если мы согласимся со сложившимися представлениями об источниках права, как актах, исходящих только от государства, то придется считать конституцию так же нормативно – правовым актом, исходящим не от общества, а от государства! Между тем сегодня уже является очевидным положение о том, что в современном мире именно конституция рассматривается актом, выражающим волю государственно организованного народа, и только в этом качестве она выступает основным законом общества. Ко всему этому яркий пример: ведь и наша действующая сегодня Конституция Российской Федерации также была принята на референдуме, т.е. всенародным голосованием, а вовсе не государственным органом. Осмысливая эти нюансы проф. Ф.М. Раянов пишет: «Во времена творчества Дж. Локка и Д. Юма писанных конституций на планете еще не было. Однако с помощью их трудов в обществах англо-саксонских стран довольно твердо было усвоено положение о том, что конституция – это любой акт, исходящий от общества для ограничения прав и возможностей создаваемой им государственной власти» [5, с. 11]. Отсюда прямо вытекает, что акт, исходящий от общества, является не только юридическим нормативно-правовым актом, но и основным законом, обязательным для всех органов государства. В этом как раз и проявляется верховенство общества перед государством, да и верховенство права в обществе.

Таким образом, для выхода к современному и правильному пониманию источника права, рассуждения нужно начинать не столько с анализа каких-то письменных источников, содержащих определенные правила поведения, а с анализа истории взаимоотношения между обществом и государством. Как раз используя такой подход проф. Ф.М. Раянов приходит к следующему выводу: «Исторически сложилось так, что необходимая взаимосвязь общества и государства, где общество является первоосновой государственной власти, а государственная власть является структурой, обслуживающей интересы общества, может оптимально оформляться только правом, исходящим от общества. Право в данном случае выступает формой выражения воли государственно образующего (гражданского) общества. Где-то это право проявляется в форме общего права или народного разума, а где-то в форме Конституции или иных писанных источников» [6, с. 10].

И последнее. Как видно из различных источников, касающихся проблем взаимоотношения между обществом и государством, само научно-правильное общественно-политическое устройство достигается лишь при научно-правильном подходе к понятию «гражданское общество». Как пишет тот же проф. Ф.М. Раянов, который больше всех в нашей стране занимался проблемами гражданского общества и правового государства, «в современной России трудно понять, что гражданское общество – это то общество, которое учреждает государство, государственную власть. В России такого общества не было, и нет до сих пор, поэтому подлинное гражданское общество, в духе локковского варианта его толкования, для нас все еще остается незнакомым» [7, с. 153]. Отсюда и до действительного научно-обоснованного понимания подлинного источника права в нашей стране мы можем прийти

лишь тогда, когда доберёмся до правильного понимания природы институтов гражданского общества и правового государства.

Библиографические ссылки

1. Сырых В. М. Теория государства и права : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : «Юридический Дом «Юстицинформ», 2004.
2. Проблемы общей теории права и государства : учебник для вузов / под общ. ред. члена-корр. РАН, д-ра юрид. наук, проф. В.С. Нерсесянца. М. : Издательская группа НОРМА–ИНФРА–М, 1999.
3. Теория государства и права : учебник / под ред. В.В. Лазарева, 2-е изд. перераб. и доп. М. : Право и закон, 2002.
4. Аграрное право : учебник для вузов / С.С. Акманов и др. ; под ред. проф. Г.Е. Быстрова и проф. М.И. Козыря. М. : Юрист, 2000.
5. Раянов Ф.М. Сущность правового государства: историко-цивилизационный подход // Правовое государство: теория и практика. 2012. № 4 (30). С. 8-16.
6. Раянов Ф.М. Доктрина правового государства: истоки, распространенность, проблемы в России // Правовое государство: теория и практика. 2012. № 3 (29). С. 7-15.
7. Раянов Ф.М. От земства к гражданскому обществу: современное государственное-правовое измерение местного самоуправления // Правовое государство: теория и практика. 2014. № 3 (37). С. 151-153.

References

1. Syrykh V. M. Teoriya gosudarstva i prava (Theory of state and law), uchebnik. 3-ye izd., pererab. i dop. Moscow, «Yuridicheskiy Dom «Yustitsinform», 2004.
2. Problemy obshchey teorii prava i gosudarstva (Problems of general theory of law and state), uchebnik dlya vuzov, pod obshch. red. chlena-korr. RAN, d-ra yurid. nauk, prof. V.S. Nersesyantsa. Moscow, Izdatel'skaya gruppa NORMA–INFRA–M, 1999.
3. Teoriya gosudarstva i prava (Theory of state and law), uchebnik, pod red. V.V. Lazareva, 2-ye izd. pererab. i dop. Moscow, Pravo i zakon, 2002.
4. Agrarnoye pravo (Agricultural law), uchebnik dlya vuzov, S.S. Akmanov i dr., pod red. prof. G.Ye. Bystrova i prof. M.I. Kozyrya. Moscow, Yurist', 2000.
5. Rayanov F.M. Sushchnost' pravovogo gosudarstva: istoriko-tsivilizatsionnyy podkhod (The essence of the rule-of-law state: a historical-civilizational approach). *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2012, No. 4 (30), pp. 8-16.
6. Rayanov F.M. Doktrina pravovogo gosudarstva: istoki, rasprostranennost', problemy v Rossii (The doctrine of the rule-of-law state: origins, prevalence, problems in Russia). *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2012, No. 3 (29), pp. 7-15.
7. Rayanov F.M. Ot zemstva k grazhdanskomu obshchestvu: sovremennoye gosudarstvenno-pravovoye izmereniye mestnogo samoupravleniya (From Zemstvo to civil society: the modern state law dimension of local government). *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2014, No. 3 (37), pp. 151-153.

Дата поступления: 25.08.2019

Received: 25.08.2019

УДК 340.1+34(091)

**ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА
ГОСУДАРСТВА: НОВАЯ ТРАКТОВКА**

ЕНИКЕЕВ Рафаэль Наилевич

*кандидат юридических наук, доцент Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: rnenikeev@yandex.ru*

**HISTORICAL FATE OF THE STATE:
A NEW INTERPRETATION**

ENIKEEV Rafael Nailevich

*Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor at the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia.
E-mail: rnenikeev@yandex.ru*

Раскрываются особенности подхода к пониманию государственности в истории России. Осмысливаются и переоцениваются роль, значение и перспективы теории особого пути развития России. Обосновывается необходимость переосмысления исторических факторов, побудивших к появлению теории особого пути развития России. В результате автор приходит к выводу о необходимости полного восприятия и в нашей стране идей правового государства. Тогда, по мнению автора, отойдёт и необходимость в самой проблеме, связанной с исторической судьбой государства.

The features of the approach to understand statehood in the history of Russia are revealed. The role, significance and prospects of the theory of the special development path of Russia are interpreted and reassessed. The necessity of rethinking the historical factors that prompted the emergence of the theory of the special development path of Russia is substantiated. As a result, the author concludes that it is necessary to fully perceive the ideas of the rule-of-law state in our country. Then, according to the author, there will be no problem related to the historical fate of the state.

Ключевые слова: история, российская государственность, пути развития, международная практика, учение Дж. Локка, правовое государство, историческая судьба государственности.

Key words: history, Russian statehood, development paths, international practice, teaching of J. Locke, rule-of-law state, historical fate of statehood.

Мы уже как-то писали, что в нашей стране теория особого пути развития России в свое время возникла и развивалась вполне закономерно и обоснованно. Время возникновения в России теории особого пути развития как раз пришлось на тот период, когда перед Россией, действительно, встала острая проблема: по какому пути дальше развиваться. Тогда у России еще не было, не только своей Конституции, но и почти ничего не было известно и о подлинном конституционализме. В то время еще не было и разговоров и об общечеловеческих ценностях, перед человечеством не встала и проблема неминуемой глобализации. Да, не было многого другого по сравнению с сегодняшним периодом развития России [1, с. 18-22]. В этой статье хотелось бы добавить, что, несмотря на происшедшие в постсоветской Российской Федерации фундаментальные изменения, ее государственно-правовой системы, теория особого пути развития России продолжает и сегодня оказывать значительное влияние на отечественное обществоведение, в целом, и на юридическую науку, в частности. На сегодня влияние этой теории чувствуется не только в области теории государства и права, но и в отечественных отраслевых юридических дисциплинах. Так, например, авторы учебника по аграрному праву, считая необходимым особого государственного регулирования агропромышленным производством, сформулировали не очень корректные претензии к действующей государственной власти. В частности, они пишут, что в российском государстве «вместо создания оптимальных по размерам крестьянских хозяйств, способных использовать существующую

сельскохозяйственную технику, идет процесс парцелляризации, возвращения к ручному труду» [2, с. 116]. При этом авторы этого учебника даже не задумываются о том, что именно такое направление вмешательства государства в дела крестьян в 30-годы XX века в нашей стране и привело к созданию искусственных колхозов, которые как раз и оказались не жизнеспособными. Получается, что исторический урок мобилизационной коллективизации в сельском хозяйстве остается до сих пор не выученным.

По нашему мнению, в этом же ряду находятся и встречающиеся отклонения от общих требований, предъявляемых к строительству федеративного государства. Однако именно в нашей стране появились попытки отклонения от международных стандартов федеративного государства путем внедрения таких понятий, как «экономический федерализм», «бюджетный федерализм» и т.д. Возражая подобным «нововведениям» проф. Ф.М. Раянов пишет: «Подобное употребление понятия «федерализм» не только уводит от действительного, общепризнанного во всем мире его содержания, но и искажает нормальное представление об экономической структуре государствообразующего общества. Ведь рациональный выбор вертикальной структуры необходим не только в федеративных, но и в унитарных государствах, где тоже существует проблема оптимизации предоставления общественных благ. Поэтому термин «федерализм», используемый в приведенном контексте (впрочем, как и в словосочетании «бюджетный федерализм»), не только не объясняет, но и запутывает политологов, юристов, философов в понимании экономической структуры государствообразующего общества» [3, с. 111]. Отсюда и в области формирования федеративного государства нам необходимо ориентироваться на общепризнанные начала государственного строительства, воспринятые во всем мире. Тем более, особого федеративного государства только для нашей страны мы также не сможем создать.

В то же время, отрицая дальнейшую перспективность теории особого пути развития России, нельзя уклониться и от выработки научно-обоснованного пути дальнейшего развития государства в нашей стране. Ведь здесь то же самое, как и с теорией коллективизации сельского хозяйства и искусственно-созданными колхозами, к настоящему времени всем стало ясно, что марксистско-ленинская теория об отмирании государства окончательно обанкротилась. Поэтому сегодня необходимо вести поиски об оптимальных, научно-обоснованных путях дальнейшего развития российского государства. И в этой связи, нам опять же, без учета широкой международной практики вряд ли что-то и получится. Поэтому нам и сегодня не следует увлекаться собственными, причем, особыми теориями: российское общество и его общественные науки, как и в производственно-технологических сферах, и в области дальнейшего государственно-правового строительства, должны ориентироваться на практику развитых стран мира. Учитывая вышеотмеченный опыт, связанный с изобретениями особых путей развития для нашего отечественного государства, сразу хотелось бы подчеркнуть, что, в первую очередь, здесь мы должны вписаться в естественно-исторически складывающиеся общечеловеческие закономерности становления и развития совместной жизнедеятельности людей. Конечно, такой наш призыв нельзя понимать в том смысле, что мы выступаем совершенно против учета особенностей развития нашей страны. Мы лишь исходим из того, что особенностями развития обладают все государства мира: сегодня трудно назвать какие-то государства с совершенно одинаковой исторической судьбой. В этих условиях перед отечественной обществоведческой наукой, напротив, стоит задача поиска того общего, присущего всем или большинству государствам мира естественно-исторических закономерностей развития жизнедеятельности людей. Если мы найдем эти общие точки становления и развития, воспримем их, то только тогда мы сможем развиваться так же, как и те страны, которые в обеспечении высокого уровня качества жизни своим гражданам ушли далеко от нас вперед. То есть и нам в дальнейшем, не придумывая никаких новых теорий в области государствен-

но-правового обществоведения, необходимо развиваться в соответствии с естественно-правовыми правилами человеческого общежития.

Однако, для того, чтобы встать на естественно-правовой путь развития и нашего общества нам необходимо полностью переосмыслить те теоретико-методологические основы, базируясь на которых и создавались в свое время особые обществоведческие теории. Важнейшим среди них, по нашему мнению, является методологический подход, в соответствии с которым все государственно-правовые институты в России создавались с ориентацией на мобилизационный тип развития нашей страны. Такая ориентация продолжает функционировать и сегодня, но в несколько завуалированном виде. Конечно, сегодня прямого «насильственного» вмешательства государства в сферу экономики, каковыми были они в царское-императорское время или даже в советские времена (имеются в виду всякие продрозверстки и раскулачивания), мы не наблюдаем. Однако сказать, что российское государство сегодня не вмешивается в экономическую деятельность, тоже не можем. В этом отношении государство в нашей стране все еще больше, чем государство в развитых западных странах мира: своеобразный патернализм во взаимоотношениях между обществом и государством никуда не делся. Да и от своеобразного этатизма, как в теории, так и на практике мы еще не освободились. Ярким проявлением современного этатизма в нашей стране все еще является возвышение государства над обществом. Осмысливая процессы возвышения государства над обществом, проф. Ф.М. Раянов из этого состояния предлагает выйти на основании учения английского философа Дж. Локка. В частности, он пишет: «По Дж. Локку, государство формируется свободными гражданами на основании общественного договора. Такое государство, по Дж. Локку, и есть, по существу, правовое общество, в отличие от естественного состояния людей. Общественный договор – это и есть инструмент формирования и одновременно ограничения пределов деятельности правителей. Получается, что в отличие от всевозможных других способов возникновения государств, государство, формируемое свободными гражданами на основании общественного договора, и есть правовое государство» [4, с. 11].

При таком подходе к формированию правового государства само собой отпадает проблема не только легитимации государства, но и проблема исторической судьбы такого государства: правовое государство – это государство, формируемое самими свободными гражданами, и это государство будет функционировать до тех пор, пока будет функционировать само гражданское общество.

Библиографические ссылки

1. Еникеев Р.Н. Теория особого пути развития российского государства и ее перспективы // Юридическая мысль. 2017. № 2. С. 18-22.
2. Аграрное право : учебник для вузов / С.С. Акманов и др. М. : Юрист, 2000.
3. Раянов Ф.М. Развитие современных представлений о сущности федеративного государства // Российский юридический журнал. 1999. № 1 (21). С. 110-118.
4. Раянов Ф.М. Сущность правового государства: историко-цивилизационный подход // Правовое государство: теория и практика. 2012. № 4 (30). С. 8-16.

References

1. Yenikeev R.N. Teoriya osobogo puti razvitiya rossiyskogo gosudarstva i yeye perspektivy (Theory of a special way of development of the Russian state and its prospects). *Yuridicheskaya mysl'*, 2017, No. 2, pp. 18-22.
2. Agrarnoye pravo (Agricultural law), *uchebnik dlya vuzov*. S.S. Akmanov i dr. Moscow, Yurist', 2000.

3. Rayanov F.M. Razvitiye sovremennykh predstavleniy o sushchnosti federativnogo gosudarstva (The development of modern ideas on the essence of the federative state). *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 1999, No. 1 (21), pp. 110-118.
4. Rayanov F.M. Sushchnost' pravovogo gosudarstva: istoriko-tsivilizatsionnyy podkhod (The essence of the rule-of-law state: a historical-civilizational approach). *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2012, No. 4 (30), pp. 8-16.

Дата поступления: 19.07.2019

Received: 19.07.2019

УДК 340.1+34(091)

ГЕНЕЗИС ПОНЯТИЯ СВОБОДНОЙ ВОЛИ КАК ПРАВОВОГО ПРИНЦИПА В ЭПОХУ СРЕДНИХ ВЕКОВ

ЗОРИНА Наталья Владимировна
адвокат Коллегии адвокатов «Санкт-Петербургская Адвокатская Коллегия Нарышкиных», г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: Maxsh777@mail.ru

Теоретические предпосылки и содержательные элементы понятия свободной воли, вытеснившего в эпоху Нового времени в качестве основного правового принципа, начали формироваться в богословских и философско-правовых дискуссиях Средних веков, прежде всего, связанных с оппозицией интеллектуализма и волюнтаризма в праве. Если в Средние века доминирующей была позиция интеллектуализма, развивавшаяся под прикрытием безусловного авторитета Фомы Аквинского, то в эпоху Нового времени, в условиях нарастающей секуляризации общественного сознания и секуляризации политической жизни, на первый план вышла волюнтаристская парадигма, разработанная Иоанном Дунсом Скоттом.

Ключевые слова: свобода воли, право, личность, интеллектуализм, волюнтаризм.

THE GENESIS OF THE CONCEPT OF FREE WILL AS A LEGAL PRINCIPLE IN THE MIDDLE AGES

ZORINA Natalya Vladimirovna
Attorney at the Bar Association "St. Petersburg Bar Association of the Naryshkins", St. Petersburg, Russia. E-mail: Maxsh777@mail.ru

Theoretical premises and substantive elements of the concept of free will, which appeared in the era of the New Age as the main legal principle, began to take shape in theological and philosophical and legal discussions of the Middle Ages, primarily related to the opposition of intellectualism and voluntarism in law. If in the Middle Ages the dominant position was intellectualism, developed under the cover of the unconditional authority of Thomas Aquinas, then in the New Age, in the context of increasing secularization of public consciousness and secularization of political life, the voluntarism paradigm developed by John Duns Scott came to the fore.

Key words: freedom of will, law, personality, intellectualism, voluntarism.

Политико-правовые идеи, сформировавшиеся в XVI–XVII вв., отражают не только содержание своей исторической эпохи, но и всеобщее универсальное содержание понятий личности, общества, права, поскольку сама эпоха первой волны глобализации и формирования ранних капиталистических отношений силой логики своего исторического развития делала эти понятия актуальными. Идея свободной воли личности в условиях кризиса феодальной си-

стемы общественных отношений становится доминантой общественного сознания и она же в трудах классиков Нового времени, прежде всего, у Т. Гоббса и Дж. Локка, выступает как основной правовой принцип. Но, несмотря на всю очевидную революционность правового мышления Нового времени, его создатели, прежде всего, отталкивались от классических учений Античности и позднего Средневековья, что определило глубину их идей.

Космоцентрическая модель права, основы которой заложили Пифагор и Гераклит, а Платон и Аристотель довели до совершенства, идеально соответствовала полисной модели государства и общества [2, с. 165-174]. Она раскрывала всю полноту возможностей (включая и методологические возможности) для теоретического описания органичного единства человека, общества и государства, при том, что общество и государство были слиты в полисе до неразличимости [6, с. 33-37]. На этот момент обращает внимание и проф. Ф.М. Раянов. В частности, он пишет: «По Дж. Локку государство формируется свободными гражданами на основании общественного договора. Такое государство, по Дж. Локку и есть, по существу, правовое общество, в отличие от естественного состояния людей» [5, с. 11]. Такая модель обосновывала и высшие этико-правовые ценности, сконцентрированные вокруг идеалов справедливости, которые трактовались как проявление высших начал бытия космоса. Однако космоцентрические теории права теряют свою былую актуальность вместе с крахом социальной модели самодостаточного города-государства и с утратой этими теориями своей аксиологической функции.

Формирование новой парадигмы политико-правовой мысли, основанной на идее всеобщей свободы, становится возможным лишь тогда, когда ценности и идеалы христианства глубоко укореняются в мышлении ученых и в общественном сознании средневекового общества [9, с. 20-23]. Именно благодаря этим ценностям и идеалам, идея свободы личности и идея ее свободной воли достигнут той степени конкретности, которая необходима для их определения в качестве категорий науки о праве. Однако платой за усвоение новых социальных идей, выражавших дух общественных изменений на исходе античности, станет необходимость расстаться с целым рядом представлений, бывших глубоко органичными античному сознанию. И прежде всего философская и философско-правовая мысль средневековья, приняв христианскую идею Бога как идею личности, должна была отказаться от античного космоса, глубоко спаянного с пантеистической религиозностью древних.

Для античного мышления было свойственно отождествление с реальным космосом божественного разума, являющегося, по Аристотелю, возможностью, формой, источником возникновения и целью космоса. Но для христианского мышления, понимающего Творца мира как личность, было невозможно отождествить его с творимым миром. Средневековые европейски схоласты должны были, поэтому, различать Бога как «*Natura naturans*» (творящую природу) от всего того, что наполняет созданный Богом из небытия мир в качестве «*Natura naturata*», т.е. сотворенной природы. Основанием мира, источником бытия всех сотворенных существ является единая Творящая природа – сам личностный Бог. Поэтому главным вопросом средневековой схоластики был вопрос о характере, о внутренней сущности и о смысле отношения к миру принципиально трансцендентного ему личностного Бога христианской веры. Соответственно тому, как будет трактоваться это отношение, станет выстраиваться и весь комплекс принципов морального и правового мышления.

В этом вопросе об отношении Личности «*Natura naturans*» к совокупности всего, что составляет «*Natura naturata*», средневековые ученые разделились на два лагеря, которые в отечественной историографии принято было обозначать как лагерь реалистов и лагерь номиналистов. Реалисты полагали, что Бог первоначально творит комплекс идей (в общем и целом соответствующий миру идей в платоновской теории бытия). И уже потом, посредством эти идей, Богом творится мир. При этом творческий акт Бога и, соответственно, божественное знание простирается до каждой отдельной вещи и процесса. Но собственная природа каждой

вещи – это индивидуальный способ причастия совершенству божественной Личности и определенность творческой энергии самого Бога [1, с. 26]. Такой подход принято обозначать как креационистский интеллектуализм. Номиналисты же исходили из того, что всемогущему Богу не обязательно промежуточно творить мир идей, когда он может сотворить мир чистым актом своей воли. Здесь мы уже имеем дело с креационистским волюнтаризмом.

Интеллектуализм и волюнтаризм в онтологии сформировали соответствующие альтернативные модели в политико-правовом мышлении. Различие в признании приоритета разума или воли в изначальном моменте существования мира, т.е. в моменте его сотворения, в сфере правовых понятий проявлялось в том, что право могло рассматриваться либо как один из вариантов проявления всеобщей истины, существующей по форме разума, либо как нечто производное от изначального импульса к реализации этой истины в практической форме в Божественной воле. Эти два очень разных представления нашли свое наиболее полное отражение, соответственно: интеллектуализм – в учениях Альберта Великого и Фомы Аквинского, представлявших орден доминиканцев и тяготевших, прежде всего, к классической античности Платона и особенно Аристотеля; волюнтаризм – в трудах францисканцев – Иоанна Дунса Скотта и Уильяма Оккама, апеллировавших к авторитету Августина Блаженного [10, с. 43-44].

В случае интеллектуализма право трактовали, прежде всего, в духе рациональности и целостности, так что признавалось, что интеллект человека (как часть порядка творения, по крайней мере, до тех пока он не был искажен грехопадением) сам в состоянии познать право как одну из форм божественной истины и справедливости. В случае волюнтаризма право понималось, прежде всего, как некий инструмент, посредством которого мы можем составить себе представление о путях следования божественной воли. В первом случае теория права тяготела к конструированию определенных абстрактных мыслительных конструкций, во втором, напротив, к более динамичному и практикоориентированному мышлению в смысле принятия правильных решений в практике правоотношений. Таким образом, индивидуальное и самоопределяющееся волевое начало человека выступало у францисканских теоретиков на первый план, в то время как у доминиканцев всегда подчеркивалось законосообразное разумное начало права, берущее свой исток от всеобщего закономерного порядка творения.

Теоретические основы интеллектуализма в праве были заложены Фомой Аквинском в его основном труде «Сумма богословия». Согласно его основному положению, цель человека состоит в том, чтобы жить по Божественному плану творения, поскольку человек движется по жизни естественным порядком, как бы несущим в себе этот предвечный план. Эта естественная основа («естественная», конечно с богословской точки зрения Фомы и в его особом понимании) поведения человека является также основой права. Право, по мнению Фомы, можно разделить на божественное, естественное и человеческое право [4, с. 73]. Божественное право совпадает с самой Божественной милостью и любовью, поэтому оно непознаваемо, как ядро самой природы Бога, превосходящей человеческий разум. Но Богу угодно в силу своего милосердия открыть часть божественного права человеческому разуму, который и понимает его как естественное право – предвечный образец для позитивного, человеческого, права.

Развитие идей христианского волюнтаризма началось с трудов одного из крупнейших вероучителей Церкви Августина Блаженного. В отличие от естественного образа человека в перипатетической традиции Августин исходил из принципиально негативного образа человека, искаженного по причине грехопадения. В волюнтаристских учениях мир вовсе не предстает чем-то исключительно разумным и до конца рационально постижимым. Однако воля человека должна быть направлена на то, чтобы он смог стать более совершенным, а значит и более справедливым, даже если сам человек не в состоянии определить пути к такому совершенству и не в состоянии определить смысла справедливости.

Волонтаристские идеи Августина были взяты на вооружение в XIII в. францисканским монахом Иоанном Дунсом Скоттом, адаптировавшего их к на новой концептуальной основе, которая была сформирована предшествующими схоластическими дискуссиями [10, с. 49-52]. Если для Фомы познание Бога было первичным актом деятельности человека, направленной на достижение справедливости в нормах права и в государственном устройстве, то Иоанн Дунс Скотт исходил из представления об изначальности чистой, т.е. не связанной никакими прагматическими целями, любви к Богу, которая лишь в конечном итоге ведет к богопознанию. Фома понимал божественную любовь как результат своего рода коммуникативного акта между человеком и Богом. Иоанн Дунс Скотт, напротив, как изначальную, ничем не обусловленную задачу человеческой личности. Эта любовь как раз и содержит в себе, по учению Иоанна Дунса Скотта, изначальный импульс, пробуждающий волю к установлению правопорядка. Соответствующим образом Иоанн Дунс Скотт предлагает понимать также и естественное право, трактуя его познание как прямое следствие акта Божественной воли.

В противоположность Фоме, выводившем право как особенный вид бытия из всеобщего основания, заключенного в естественном праве и в конечном итоге – в Боге, Иоанн Дунс Скотт связывал право с принципом индивидуальности. Согласно его номиналистической установке, истинным бытием обладают только единичные вещи и процессы. Общие имена и принципы – это только знаки, накладываемые нашим разумом на общие классы вещей, но онтологически им ничего не соответствует. Поэтому мы можем обосновать право не ссылкой на общие рациональные принципы, которые находим в естественном праве, а исключительно, апеллируя к Божественной воле, имеющей источник в себе самой. В этой парадигме, скорее, воля, имеющая свои корни во всеобщей воле Бога, призвана повелевать разумом. Из этого следовало, что истинно свободная воля стремится к справедливости и правопорядку не в силу предписаний разума, а ради них самих, следя импульсу любви к истине, заданному в Божественной воле. Эта воля противостоит земному миру, который Иоанн Дунс Скотт также противопоставляет божественной любви совершенно в духе гностического дуализма [3, с. 67-68]. Поэтому, с его точки зрения, основной закон естественного права состоит только и исключительно в том, чтобы любить Бога.

Поскольку содержание естественного права теперь сводится исключительно к требованию любви к Богу, то обоснование позитивного права посредством установления ряда интеллектуальных промежуточных ступеней, связывающих его с «вечным правом» Бога (как у Фомы) или обоснование через указание на природу человека (как у Аристотеля) не признается более возможным. Правоустанавливающая воля и закон справедливости, в конечном счете, совпадают в Боге, в воле которого они получают свой исходный импульс.

В эпоху Нового времени, когда в науке утверждается деизм, признающий две истины – научную и богословскую, прямая апелляция к Божественной воле и любви в теоретико-правовых текстах оказывается под запретом. Тогда воля индивида в некотором роде предоставляется самой себе, определяется, поэтому, как «свободная» воля и в таком качестве оказывается в состоянии выполнять в теории функции «начала» обоснования права. Свободная воля человека стала определяющей категорией для различия добра и зла, справедливости или несправедливости закона. Разрыв с Богом в теологической форме или с Абсолютом в философской форме, который осуществил материализм Т. Гоббса и Дж. Локка, разрушил все преграды для того, чтобы объявить свободную волю человека единственным источником права и этики, а коллективную волю народа – единственным источником суверенитета и конституции государства.

Но здесь, в свою очередь, открывалась прямая дорога для оправдания любого произвола как в правоотношениях, так и в политике. Сами Гоббс и Локк не делали столь релятивистских выводов из своих теорий, подобно тому как и Иоанн Дунс Скотт в своем этико-правовом учении не предлагал отказываться от идеи воли Бога и заменить ее «свободной во-

лей» человека. Тем не менее, именно здесь были заложены основы проблемы абсолютных ценностей в праве, которая в XXI веке стала настоящим камнем преткновения для юридического позитивизма и аналитической юриспруденции [7, с. 70-72; 8, с. 22-26].

Библиографические ссылки

1. Ахутин А.В. Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). М. : Наука, 1988.
2. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Становление логоса права в античной философии // Мир политики и социологии. 2018. № 3-4. С. 164-176.
3. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М. : Юрлитинформ, 2019.
4. История философии права : монография / Альбов А.П. и др.; отв. ред.: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. СПб. : Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998.
5. Раянов Ф.М. Сущность правового государства: историко-цивилизированный подход // Правовое государство: теория и практика. 2012, № 4 (30). С. 8-16.
6. Ромашов Р.А. Античный полис как форма социального устройства и государственного правления // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1999. № 2. С. 32-38.
7. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. 2014. № 4 (84). С. 70-86.
8. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Горбунов М.Д. Абсолютное и относительное в естественном праве // Мир политики и социологии. 2015. № 11. С. 22-29.
9. Сальников В.П., Исмагилов Р.Ф., Сальников М.В. Платон, Аристотель, Фома Аквинский и идея справедливости в естественно-правовой традиции // Мир политики и социологии. 2016. № 9. С. 19-26.
10. Senn M. Historische Fundamente der europäischen, nordamerikanischen, indischen sowie chinesischen Rechts- und Gesellschaftsphilosophie. Eine Einführung mit Quellenmaterial. Zürich : Dike Verlag, 2012.

References

1. Akhutin A.V. Ponyatiye «priroda» v antichnosti i v Novoye vremya («fyusis» i «natura») (The concept “nature” in antiquity and in modern times (“fusus” and “nature”). Moscow, Nauka, 1988.
2. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. Stanovleniye logosa prava v antichnoy filosofii (The formation of the logo of law in ancient philosophy). *Mir politiki i sotsiologii*, 2018, No. 3-4, pp. 164-176.
3. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. Logos prava: Parmenid – Gegel' – Dostoyevskiy. K voprosu o spekulyativno-logicheskikh osnovaniyakh metafiziki prava (Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. To the question of speculative-logical foundations of the metaphysics of law). Moscow, Yurlitinform, 2019.
4. Istoriya filosofii prava (History of philosophy of law), monografiya, Al'bov A.P. i dr., отв. red.: A.P. Al'bov, D.V. Maslennikov, V.P. Sal'nikov. St. Petersburg, Yuridicheskiy institut (Sankt-Peterburg), Sankt-Peterburgskiy un-t MVD Rossii, 1998.
5. Rayanov F.M. Sushchnost' pravovogo gosudarstva: istoriko-tsivilizovannyy podkhod (The essence of the rule-of-law state: a historical-civilized approach). *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2012, No.4 (30), pp. 8-16.

6. Romashov R.A. Antichnyy polis kak forma sotsial'nogo ustroystva i gosudarstvennogo pravleniya (Antique policy as a form of social structure and government). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye*, 1999, No. 2, pp. 32-38.
7. Sal'nikov V.P., Sal'nikov M.V. Pravovaya kul'tura i politiko-pravovyye traditsii v kontekste absol'yutnykh tsennostey (Legal culture and political and legal traditions in the context of absolute values). *Yuridicheskaya mysl'*, 2014, No. 4 (84), pp. 70-86.
8. Sal'nikov V.P., Romanovskaya V.B., Sal'nikov M.V., Gorbunov M.D. Absolyutnoye i otnositel'noye v yestestvennom prave (Absolute and relative in natural law). *Mir politiki i sotsiologii*, 2015, No. 11, pp. 22-29.
9. Sal'nikov V.P., Ismagilov R.F., Sal'nikov M.V. Platon, Aristotel', Foma Akvinskiy i ideya spravedlivosti v yestestvenno-pravovoy traditsii (Plato, Aristotle, Thomas Aquinas and the idea of justice in the natural legal tradition). *Mir politiki i sotsiologii*, 2016, No. 9, pp. 19-26.
10. Senn M. Historische Fundamente der europäischen, nordamerikanischen, indischen sowie chinesischen Rechts- und Gesellschaftsphilosophie. Eine Einführung mit Quellenmaterial. Zürich, Dike Verlag, 2012.

Дата поступления: 28.08.2019

Received: 28.08.02.2019

УДК 342.3

ФОРМА ПРАВЛЕНИЯ В США В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1861-1865 гг.)

ЛАТЫПОВА Наталия Сергеевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: marchrose@yandex.ru

THE FORM OF GOVERNMENT IN THE USA IN THE CONDITIONS OF CIVIL WAR (1861-1865)

LATYPOVA Natalia Sergeyeвна

Candidate of Sciences (Law), Senior Instructor of the Chair of Theory of State and Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia. E-mail: marchrose@yandex.ru

В статье рассматривается сущность американского государства в период Гражданской войны (1861-1865 гг.). Автором предпринята попытка детального историко-правового исследования трансформации формы правления в США в период активных военных действий и острого внутривластного кризиса. Предметом анализа выступила политика и принятые указы Президента США А. Линкольна, способствовавшие смене политического курса, расширению президентских полномочий и, создавших, в конечном итоге, новую правовую доктрину США – доктрину чрезвычайных полномочий Президента. Проведен анализ и выявлено значение президентских прокламаций как нормативных актов,

The paper deals with the essence of the American state during the Civil war (1861-1865). The author makes an effort of a detailed historical and legal study of the transformation of the form of government in the United States in the period of active hostilities and acute internal political crisis. The subject of analysis is the policy and decrees adopted by the President of the United States Abraham Lincoln, contributed to the change of policy, expansion of presidential powers, and creating eventually a new legal doctrine of the United States – a doctrine of emergency powers of the President. The analysis reveals the importance of presidential proclamations as regulations that influenced the expansion of non-constitutional powers of the

повлиявших на расширение внеконституционных полномочий Президента, а также исследовано влияние президентских выборов 1860 года на сецессионные процессы и дальнейшее начало войны Северных и Южных штатов. В результате исследования автором сделан вывод об усилении президентской и исполнительной власти в период Гражданской войны.

Ключевые слова. США, Президент, Конгресс, рабство, гражданская война, чрезвычайные полномочия, Конституция, Верховный суд, государство, форма правления.

President; the author of the paper studies the influence of the presidential elections of 1860 on secession processes and the further outbreak of the war of the Northern and Southern States. As a result, the author states the strengthening of the presidential, executive power during the Civil war.

Keywords: USA, President, Congress, slavery, civil war, emergency powers, Constitution, Supreme Court, state, form of government.

Гражданская война в США (1861-1865 гг.) стала важным периодом американской истории. Ценой больших человеческих потерь было восстановлено единство и целостность страны, ликвидировано рабство и подневольный труд. Существенные изменения претерпела политическая система США и система основных прав и свобод. Нельзя не отметить значимую роль Гражданской войны и ее последствий в процессе становления современной политико-правовой системы Соединенных Штатов. Еще большую научную значимость, заявленная проблема, приобретает в связи с усиливающимися тенденциями сепаратизма во многих странах мира и возникающими вследствие этого противоречиями относительно возможности части отдельно взятого государства самостоятельно принимать решение о выходе из его состава [9, с. 115]. При этом Соединенные Штаты Америки, как одно из крупнейших и влиятельных государств на международной политической арене, как правило, занимает противоречивую позицию на данный счет.

Несмотря на новую выстроенную четкую политическую систему, позиция Президента, как главы государства, широта его полномочий и значимость политического влияния претерпевали трансформацию в течение всего периода американской истории и претерпевают их до сих пор. Период президентства Авраама Линкольна совпал с одним из самых сложных и противоречивых этапов американской истории – периодом раскола страны, сецессии южных штатов и кровопролитной Гражданской войны, унесшей жизни 450 тыс. американцев. В тоже время, сложно отрицать, что победа А. Линкольна на президентских выборах 1860 года сама по себе и стала, отчасти окончательным толчком и предлогом к началу сецессии (самовольному выходу южных штатов из состава США и объявлению об образовании независимого государства – Конфедеративных Штатов Америки).

В 1860 и 1861 годах Джеймс А. Гарфилд, представитель в законодательный орган от штата Огайо, вел переписку со своим бывшим студентом Берком Хинсдалем, в которой обсуждалась ситуация, сложившаяся на тот момент в государстве. В своих письмах они указывали на то, что в США происходит «настоящая революция» и были уверены, что выход Южных штатов из Союза является детерминантом будущей революции по освобождению рабов. В своих доводах А. Гарфилд цитировал знаменитое выступление главы республиканцев Уильяма Сьюарда, в котором тот характеризовал идеологический конфликт между рабовладельческим Югом и промышленным Севером как «непрекращающуюся борьбу между противоположными и непримиримыми силами», которая «означает, что США рано или поздно станут либо рабовладельческим, либо капиталистическим государством». А. Гарфилд был полностью согласен с мнением У. Сьюарда относительно конечного итога такого противостояния. Рост Республиканской партии, по их мнению, был сам по себе уже «революцией» [7, с. 131].

Отделение Южных штатов означало, что эта революция может быть совершена только путем насилия и гражданской войны. А. Гарфилд писал: «Даже в Библии говорится, что без пролития крови не может быть прощения грехов» [6, с. 26]. Или, по выражению Хинсдаля: «Все великие законы человечества были написаны кровью... Англия была омыта кровью Стюартов – США кровью Англии. Скоро, может быть, рабы обретут свободу в крови своих хозяев».

С победой на выборах А. Линкольна выбор между войной и миром стал для южных штатов очевиден. Республиканец и аболиционист, сторонник свободного труда и освобождения рабов, А. Линкольн представлял непосредственную угрозу устоявшемуся укладу жизни рабовладельческих штатов, экономическому благосостоянию зажиточных плантаторов и их абсолютному праву собственности на рабов.

С юридической точки зрения, что в последующем нашло отражение в решении Верховного суда по делу Техас против Уайта, «Ордонанс о сецессии» [10] был незаконным актом, и отделившиеся штаты не переставали быть частью Соединенных Штатов Америки в течение периода его действия. Следовательно, А. Линкольн не прекращал своих полномочий в качестве Президента США в южных штатах даже в период Гражданской войны.

Анализ трансформации научных подходов в исследовании причин Гражданской войны в США в историко-правовой литературе показал, что с 1861 года и по сегодняшний день исследования причин Гражданской войны в США велись по трем основным научным направлениям.

Первое направление, которое мы предлагаем называть «антагонитическим» [8, с. 149], было обусловлено попыткой обеих сторон обвинить противников в развязывании войны и, одновременно постараться оправдать действия своего правительства. Указанное направление исследований сконцентрировало свое внимание на достоинствах и недостатках глав Союза и Конфедерации.

Второе направление исследований Гражданской войны, доминирующее с 1910-х до 1950-х годов, называемое «новой историей» [2, с. 273], отражало влияние Прогрессивистской школы. В рамках данных научных изысканий наибольшее внимание уделялось экономическим, экологическим, и географическим причинам войны. Подобное изменение в методологии перемещало центр внимания историков от сторон и лидеров к партиям и социальным слоям, которые они представляли.

Третьим направлением исследований причин Гражданской войны (1861-1865 гг.), доминировавшим с 1950-х до 2000-х годов стала теория «модернизации» [1, с. 60]. Она, в свою очередь, представляла войну как борьбу между прогрессивным Севером и отсталым Югом и рассматривала рабство в рамках глобального процесса модернизации как основную причину конфликта Севера и Юга.

В отличие от более ранних переходных периодов, новые перспективные исследования XXI века указывают не в одном, а в нескольких направлениях, которые со временем все же должны установить ясные границы для новых исследований.

Говоря о цели Гражданской войны в США можно заключить, что цель захвата власти в стране, фактически не стояла не перед Союзом, не перед Конфедерацией, основным мотивом военного конфликта для одной стороны было коренное изменение всей социальной, экономической и политической системы, для другой – сохранение существующего традиционного уклада жизни. Последствиями же войны стали коренные преобразования в области экономики, политики, а также в социальной и духовной сферах жизни общества [4, с. 80].

Одним из юридических последствий Гражданской войны стало также расширение полномочий Президента страны и превращение ее в период 1861-1865 гг. в президентскую республику.

Полномочия Президента, четко прописанные в Конституции США, явно не отражали реалии военного периода и не позволяли главе государства оперативно и властно решать во-

просы финансового обеспечения военных действий, организации полевых госпиталей, мобилизации армии и задержания дезертиров и членов армии – противника.

Уже с первых дней войны стала очевидной необходимость принятия Президентом США нормативных актов, содержание которых не было предусмотрено в рамках полномочий, предоставленных ему Конституцией США.

Прокламации Авраама Линкольна, которых за период Гражданской войны было выпущено более тридцати, стали «значимой частью американской юридической истории» [3, с. 39] и вкладом А. Линкольна в расширение прерогатив Президента США. Президентские прокламации берут свое начало еще со времен первого Президента США – Д. Вашингтона, и каждый последующий Президент США продолжал нумерацию прокламаций. В настоящее время прокламации, подписываемые Д. Трампом, насчитывают 9800-е порядковые номера, однако всемирную известность и вошла в анналы истории президентская прокламация, подписанная А. Линкольном, под номером 95 (Прокламация об освобождении рабов).

В указанных нормативных актах А. Линкольн дал распоряжение военачальникам установить военную морскую блокаду судов южных штатов [11], объявил всеобщую мобилизацию [12], объявил запрещенным любой подневольный труд и приостановил на период войны действие Habeas Corpus Акта (Постановление о доставлении арестованного в суд) [2, с. 39]. Именно последняя из вышеперечисленных прокламаций стала камнем преткновения Конгресса США и Президента, ведь согласно Конституции, данное право имел только Конгресс США. В тоже время, суд позднее поддержал решение Президента, обосновав свою позицию наличием чрезвычайных обстоятельств (военных действий), которые давали Президенту право действовать во благо и в интересах страны, предпринимая меры, не входящие в его компетенцию. Таким образом, был создан юридический прецедент, породивший так называемые «подразумеваемые полномочия Президента». Данные полномочия, сохранившиеся по сей день у всех Президентов США, позволяют главе государства в период чрезвычайного положения действовать во имя и на благо нации вне пределов своих конституционных полномочий. Данным правом в последний раз воспользовался Президент Д. Буш в период атаки террористов на торговые центры США 11 сентября 2001 года. Приостановка действия Habeas Corpus Акта предполагает наличие определенной этим актом процедуры, при которой ни одно лицо не может быть подвергнуто аресту или заключению под стражу без решения суда [13]. В период военных действий, с целью задержания беглецов и солдат южан, приостановка данного акта была необходимостью, поскольку военно-полевые суды создать на всей территории страны не представлялось возможным.

Расширение полномочий президента, подтвержденное решением Верховного суда [14], позволяет говорить о трансформации США в период Гражданской войны из парламентской республики в президентскую.

По данному вопросу американский исследователь Л. Коуниг отмечал: «Главкомандующий армии и флота Соединенных Штатов и полиции отдельных штатов стал на двенадцать решающих критических недель законодателем нации. Нормальные совместные законодательно-исполнительные процедуры были приостановлены, и Америка получила свой первый опыт диктатуры...» [15, с. 176].

Таким образом, институт президентства становился таким, каким того требовало время и военная ситуация. В США в период 1861–1865 гг. имела место тенденция резкого усиления президентской, исполнительной власти, расширение полномочий Президента за счет урезания прерогатив Конгресса. Форму правления в США в период Гражданской войны, таким образом, можно охарактеризовать как ярко выраженную президентскую республику с доминированием Президента над Конгрессом в вопросе распределения политической власти.

Библиографические ссылки

1. Емцов Г.Н. Государство и право в условиях гражданской войны : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004.
2. Латыпова Н.С. Конституционно-правовое обоснование победы северных штатов в гражданской войне в США // Молодежь и XXI век – 2019 : материалы IX Международной молодежной научной конференции. Курск, 2019. С. 273-275.
3. Конституция США 1787 года // Конституция США и другие законодательные акты / под ред. В.И. Лафитинского. М., 1993.
4. Паречина С.Г. Институт президентства: история и современность. Мн. : ИСПИ, 2003.
5. Рагозин С.А. Конституционное развитие США (1861–1877) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998.
6. Саломатин А.Ю. Государственное и муниципальное управление в США (от эпохи модернизации к постмодернизационному обществу и государству) : курс лекций. Пенза : Информационно-издательский центр ПГУ, 2004.
7. Согрин В.В. Центральные проблемы истории США. М. : Изд. «Весь мир». 2013.
8. Теория государства и права : учебник / под ред. проф. В.Я. Кикотя, проф. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007.
9. Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992.
10. Abraham Lincoln: «Proclamation 80 – Calling Forth the Militia and Convening an Extra Session of Congress». April 15, 1861 // The American Presidency Project [Электронный ресурс]. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=70077> (дата обращения: 20.04.2019).
11. Abraham Lincoln: «Proclamation 81 – Declaring a Blockade of Ports in Rebellious States». April 19, 1861 // The American Presidency Project [Электронный ресурс]. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu> (дата обращения: 20.04.2013).
12. Abraham Lincoln: «Proclamation 83 – Increasing the Size of the Army and Navy». May 3. 1861 // The American Presidency Project.
13. Abraham Lincoln: «Executive Order». April 25, 1861 // The American Presidency Project [Электронный ресурс]. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=70145> (дата обращения: 21.04.2019).
14. Abraham Lincoln: «Executive Order». April 27, 1861 // The American Presidency Project [Электронный ресурс]. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=69748> (дата обращения: 23.04.2019).
15. Koing L. The Chief Executive. N.Y., 1975.

References

1. Yemtsov G.N. Gosudarstvo i pravo v usloviyakh grazhdanskoy voyny (State and law in a civil war), dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnoyarsk, 2004.
2. Latypova N.S. Konstitutsionno-pravovoye obosnovaniye pobedy severnykh shtatov v grazhdanskoy voyne v SSHA (Constitutional and legal rationale for the victory of the northern states in the American Civil War). *Molodezh' i XXI vek – 2019*, materialy IX Mezhdunarodnoy molodezhnoy nauchnoy konferentsii. Kursk, 2019, pp. 273-275.
3. Konstitutsiya SSHA 1787 goda (US Constitution of 1787). *Konstitutsiya SSHA i drugiye zakonodatel'nyye akty*, pod red. V.I. Lafitinskogo. Moscow, 1993.
4. Parechina S.G. Institut prezidentstva: istoriya i sovremennost' (The Institute of the Presidency: History and Present). Minsk, ISPI, 2003.
5. Ragozin S.A. Konstitutsionnoye razvitiye SSHA (1861–1877) (US Constitutional Development (1861–1877)), dis. ... kand. jurid. nauk. St. Petersburg, 1998.

6. Salomatin A.Yu. Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye v SSHA (ot epokhi modernizatsii k postmodernizatsionnomu obshchestvu i gosudarstvu) (State and Municipal Administration in the USA (from the era of modernization to postmodern society and state), kurs lektsiy. Penza : Informatsionno-izdatel'skiy tsentr PGU, 2004.
7. Sogrin V.V. Tsentral'nyye problemy istorii SSHA (Central issues of US history). Moscow, Izd. «Ves' mir». 2013.
8. Teoriya gosudarstva i prava (Theory of state and law), uchebnyk, pod red. prof. V.Ya. Kikotya, prof. V.V. Lazareva. 3-ye izd., pererab. i dop. Moscow, 2007.
9. Tokvil' A. Demokratiya v Amerike (Democracy in America). Moscow, 1992.
10. Abraham Lincoln: «Proclamation 80 – Calling Forth the Militia and Convening an Extra Session of Congress». April 15, 1861. *The American Presidency Project*. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=70077> (accessed date: 20.04.2019).
11. Abraham Lincoln: «Proclamation 81 – Declaring a Blockade of Ports in Rebellious States». April 19, 1861. *The American Presidency Project*. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu> (accessed date: 20.04.2013).
12. Abraham Lincoln: «Proclamation 83 – Increasing the Size of the Army and Navy». May 3, 1861. *The American Presidency Project*.
13. Abraham Lincoln: «Executive Order». April 25, 1861. *The American Presidency Project*. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=70145> (accessed date: 21.04.2019).
14. Abraham Lincoln: «Executive Order». April 27, 1861. *The American Presidency Project*. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=69748> (accessed date: 23.04.2019).
15. Koing L. The Chief Executive. N.Y., 1975.

Дата поступления: 10.07.2019

Received: 10.07.2019

УДК 347; 004.8

**К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ
ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЦЕЛИ И ЗАДАЧ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА, КИБЕРФИЗИЧЕСКИХ
СИСТЕМ, РОБОТОВ И ОБЪЕКТОВ
РОБОТЕХНИКИ**

ПОПОВА Анна Владиславовна

*доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»; профессор кафедры Теория государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»; профессор кафедры конституционного права Юридического факультета им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», г. Москва, Россия.
E-mail: anna0710@yandex.ru*

ГОРОХОВА Светлана Сергеевна

*кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва, Россия.
E-mail: sgorohova@fa.ru*

АЗНАГУЛОВА Гузель Мухаметовна

*доктор юридических наук, доцент, заместитель Директора Института права, профессор кафедры теории государства и права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: agm09@mail.ru*

Авторы статьи, ставя перед собой цель, определить вопросы целеполагания создания законодательного регулирования киберфизических систем, нейронных систем, созданных на основе искусственного интеллекта, робо-

**TO THE ISSUE OF THE NECESSITY TO
DEFINE THE PURPOSE AND
OBJECTIVES OF LEGAL REGULATION
IN THE FIELD OF ARTIFICIAL
INTELLIGENCE, CYBER-PHYSICAL
SYSTEMS, ROBOTS AND ROBOTICS**

POPOVA Anna Vladislavovna

Doctor of Law, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation; Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University; Professor of the Department of Constitutional Law of the Faculty of Law named after M. M. Speransky of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia. E-mail: anna0710@yandex.ru

GOROKHOVA Svetlana Sergeevna

*Candidate of Law, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow, Russia.
E-mail: sgorohova@fa.ru*

AZNAGULOVA Guzel Mukhametovna

*Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Director of the Institute of Law, Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Bashkir state University, Ufa, Russia.
E-mail: agm09@mail.ru*

The authors of the paper, aiming to determine the issues of goal-setting of legislative regulation of cyber-physical systems, neural systems created on the basis of artificial intelligence, robots and robotics objects, believe that the

тов и объектов роботехники полагают, что общее целеполагание обусловлено комплексом внутренних и внешних факторов, связанных с несоответствием нормативной правовой базы новым технологическим условиям и уровню развития науки и техники, появлением новых проблем глобализационного процесса, борьбой за технологическое первенство. В статье делается вывод о том, что постановка задач правового регулирования в исследуемой сфере, напрямую зависит от постановки не только общей, но и частных целей совершенствования законодательства в области применения искусственных интеллектуальных систем и робототехники.

Ключевые слова: искусственный интеллект, робот, объекты роботехники, правосубъектность, правовое регулирование, цели и задачи правового регулирования.

general goal-setting is due to a complex of internal and external factors associated with the discrepancy of the regulatory framework of new technological conditions and the level of development of science and technology, the emergence of new problems of the globalization process, the struggle for technological superiority. The authors of the paper conclude that the formulation of problems of legal regulation in the field under study depends on the formulation of not only general but also specific goals of improving legislation in the field of artificial intelligent systems and robotics.

Key words: artificial intelligence, robot, objects of robotics, legal personality, legal regulation, aims and objectives of legal regulation.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Сам термин «искусственный интеллект» (artificial intellect), определение его главных задач, заключающихся в анализе механизма человеческого мышления, и создание на этой основе электронной машины, способной имитировать мыслительный процесс для развития новой отрасли науки, целью которой провозглашалось моделирование интеллектуальной деятельности человека, были сформулированы в 1950-х гг. Сегодня данное понятие меняется, и искусственный интеллект все чаще трактуется как свойство автоматических систем брать на себя отдельные функции человеческого интеллекта, например, выбирать и принимать оптимальные решения на основе ранее полученного опыта и рационального анализа внешних воздействий [1, с. 7]. В XXI в. в сфере искусственного интеллекта «развиваются фундаментальные исследования, появляется новая технология программирования, новая архитектура технических средств, и все это используется для создания прикладных систем, предназначенных для работы в самых разнообразных областях» [1, с. 11].

Развитие общественных отношений, уже сложившихся на современном этапе научно-технического развития, предопределили необходимость трансформации правовой составляющей социального взаимодействия естественного (человеческого) и искусственного интеллектов, в первую очередь, путем включения новых, выходящих за рамки создаваемого веками правового тезауруса, терминов, категорий, дефиниций в юридический обиход для характеристики нового экономического уклада цифрового общества. Новые возможности, и связанные с ними новые риски и угрозы для государства, общества и отдельных индивидов, формируют ситуацию, когда правовое поле, как минимум, должно подстроиться под воплощаемую реальность, и, как максимум, создать «задел» для дальнейшего соответствия развивающимся технологиям социальным отношениям, в целом, и правовым, в частности. Все это является неоспоримым обоснованием определяемой нами цели развития правового регулирования киберфизических систем, искусственного интеллекта, нейронных сетей на его основе, а также

роботов и объектов робототехники, которое может быть графически представлено в виде следующей схемы.

Формирование потребности в правовом регулировании применения киберфизических систем, искусственного интеллекта, нейронных сетей на его основе, роботов и объектов робототехники напрямую зависит от появившихся с конца XX в. новых факторов, как позитивного, так и негативного толка, воздействующих практически на все сферы общественной жизни. Эти факторы, будучи весьма разноплановыми по своей сути, в свою очередь, определяют такие же разные цели совершенствования правового регулирования. Так, целью актуализации законодательства о труде и занятости населения, социального обеспечения является обеспечение минимизации негативных последствий для работников, вызванных изменениями организации их труда (и возможной потерей рабочих мест) в связи с массовым привлечением к производственным процессам ИИ и роботизированной техники. Так, например, целью совершенствования гражданского права должно служить, исходя из новых реалий, включение в правовой массив данной отрасли норм, определяющих целый агломерат позиций, начиная с вопросов определения самого понятия искусственного интеллекта в купе с конструированием его правового статуса, и заканчивая вопросами принадлежности интеллектуальной собственности на результаты деятельности ИИ, в том числе, правом промышленной собственности.

В сфере уголовного и административного законодательства, актуальной целью его совершенствования служит уточнение видового состава субъектов права в данных сферах правового регулирования, параметров и условий юридической ответственности за действия и возможный вред, причиненный системами, оснащенными искусственным интеллектом, различного рода роботами и объектами робототехники. Кроме того, под юрисдикцию указанных отраслей права и отраслей законодательства подпадают вопросы обеспечения законных прав и свобод человека и гражданина, в том числе, на неприкосновенность частной жизни, тайну корреспонденции, честь и достоинство личности. Так что здесь усматривается и еще одна, отдельная цель – обеспечение и охрана законных интересов, прав и свобод различных субъектов права.

Отдельно, в рамках административного права, можно говорить о создании модернизированной системы государственного управления, включающей новые органы исполнительной власти, нацеленные на преодоление сложившихся административных барьеров на пути разработки и внедрения интеллектуальных цифровых систем, которые будут заниматься вопросами этического контроля над разработками (в том числе и двойного назначения), лицензированием производства и готовых к эксплуатации устройств, их стандартизацией и другими, сопряженными с этими, вопросами. Одним из наиболее успешных применений аналитики искусственного интеллекта является обнаружение «беловоротничковых» преступлений, таких, например, как мошенничество с кредитными картами. Инструменты ИИ могут также оказаться полезными в оказании помощи полиции в контроле за потенциальными местами совершения преступлений или в поисково-спасательных мероприятиях. Со своей стороны, отметим, что камеры, развернутые сегодня почти везде в мире, в том числе, и в России, как правило, больше способствуют раскрытию преступлений, а не их предотвращению, что связано с низким качеством идентификации событий из видео файлов и отсутствием рабочей силы для просмотра массовых видеопотоков. Однако по мере совершенствования ИИ в этой области он будет более эффективно содействовать предупреждению преступности и судебному преследованию посредством повышения точности классификации событий и эффективной автоматической обработки видео для обнаружения аномалий, в том числе, и потенциального доказательства халатности полиции.

Не стоит забывать и о таких отраслях системы права, как финансовое право, где предстоит, во-первых, обновить формы статистической отчетности, предоставляемые субъектами хозяйственной деятельности, в целях отражения в них позиций, касающихся применения си-

стем, оснащенных ИИ, с указанием влияния на производительность труда и на динамику численности рабочих мест. Во-вторых, принимая во внимание полученные данные, скорректировать систему налогообложения и пополнения внебюджетных фондов с учетом высвобождения работников (либо создания новых рабочих мест) на предприятиях, использующих ИИ. Такая мера, полагаем, станет необходимой для обеспечения социальной политики государства на должном уровне. В-третьих, важно скорректировать инвестиционное законодательство, для создания специальных режимов для частных инвестиций в сферу разработки и внедрения искусственного интеллекта и робототехники. И, в-четвертых, необходимо изменить правила и условия страхования ответственности, принимая во внимание специфические страховые риски, которые могут быть связаны с использованием и деятельностью ИИ.

Банковский сектор российской экономики уже сегодня является флагманом в использовании нейронных сетей, киберфизических систем и др. Достаточно привести в пример Сбербанк России, специалисты которого применяют ИИ в различных сферах банковского сектора. Так, разработано «техническое решение для прогнозирования выручки компаний малого, среднего и крупного бизнеса» – особую модель прогнозирования, построенную с использованием алгоритмов машинного обучения, (...) основанную на алгоритме Random Forest, применяющемся для задач классификации, кластеризации и регрессии и использующем большое количество деревьев решений» в целях «предсказания неплатежей и банкротств компаний и индивидуальных предпринимателей» [2]. С февраля 2019 г. «работает» чат-бот, в основе которого находится ИИ платформы NLP (Natural Language Processing), для развития системы электронной торговли Sberbank Markets, задачей которого является общение с пользователями площадки, консультирование их о ходе торгов, заключение сделок и др.

Изменение материальных норм, устанавливающих или, по крайней мере, допускающих юридическую ответственность для систем, основанных на искусственном интеллекте, неизбежно повлечет за собой обновление процессуального права, в том числе, в части допустимости и достоверности применяемых доказательств, доступа к технической информации при их получении, и т.д.

Безусловно, требует обновления законодательство в сфере образования и проведения научно-исследовательских работ различного типа (фундаментальных, поисковых, прикладных), целью которых должна стать разработка специальных программ, обеспечивающих определенный образовательный уровень и качество научных разработок, отвечающих требованиям цифровизации экономики с учетом расширения спектра возможностей применения искусственного интеллекта и роботизированных устройств.

Трансформации должно быть подвергнуто и транспортное право в силу того, что одно из самых эффективных направлений доменного применения искусственного интеллекта, непосредственным образом связано с развитием беспилотных (автономных) транспортных средств. Такой транспорт скоро станет обычным явлением и как и первый опыт с физическим воплощением систем ИИ, сильно повлияет на его восприятие общественностью. Как только физическое оборудование будет сделано достаточно безопасным и надежным, его введение в повседневную жизнь станет вопросом времени, причем достаточно скорого.

Полагаем, мало найдется отраслей, которые не будут затронуты процессом модернизации всей правовой системы исходя из необходимости ее перестройки для целей инкорпорации норм об искусственном интеллекте как данности нового времени. Поэтому, детерминируя общее целеполагание правового регулирования искусственного интеллекта роботов и объектов робототехники, отметим, что оно обусловлено комплексом внутренних и внешних факторов, связанных с несоответствием нормативной правовой базы новым технологическим условиям и уровню развития науки и техники, появление принципиально иного спектра рисков и угроз социального, психологического, экономического и юридического характера, вопросами обострения глобальной конкуренции и борьбы за технологическое первенство, и вы-

текающей из этого необходимостью сохранить технологический и цифровой суверенитет нашего государства в области развития искусственного интеллекта, киберфизических систем, нейросетей, роботов и объектов робототехники. Для реализации поставленной цели необходимо последовательное решение следующих частных задач.

1. Создание стратегического плана действий (Национальной стратегии) дорожной карты развития искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники в Российской Федерации.

2. Теоретическое осмысление и создание категориально-понятийного правового аппарата в целях правового регулирования различных сфер общественной жизни, взаимодействующих с искусственным интеллектом.

3. Определение правового статуса ключевых категорий «искусственный интеллект», «киберфизическая система», «нейронная сеть», «бот», «объект робототехники», «робот», «андроид», «юнит искусственного интеллекта», «цифровая личность», «электронное лицо» и др., установление их места в структуре правоотношений.

4. Формирование двух агломераций принципов в сфере развития ИИ, роботов и объектов робототехники, один из которых должен быть адресован проектировщикам, производителям и операторам роботов, другой – правотворческим инстанциям, отвечающим за разработку и принятие регулирующих их нормативных правовых актов.

5. Мониторинг и прогнозирование возможных социальных, экономических, правовых и иных последствий распространения интеллектуальных искусственных систем в различных сферах общественной жизни.

6. Внесение соответствующих изменений в систему гражданского законодательства с учетом ранее выработанных теоретических концепций базового терминологического аппарата, классификации «умных» роботов, определения их правового статуса и места в структуре правоотношений.

7. Подстройка права интеллектуальной собственности и патентного права под новые условия, с учетом изменений в гражданском законодательстве.

8. Совершенствование законодательства в сфере науки и образования, для обеспечения требованиям соответствия параметрам цифровой экономики и поддержания конкурентоспособности государства в сфере развития ИИ и робототехники.

9. Включение в транспортное законодательство норм, регулирующих правила эксплуатации автономных (беспилотных) транспортных средств, и других положений, связанных с применением ИИ в транспортной сфере.

10. Определение видов юридической ответственности ИИ, роботов, объектов робототехники в различных сферах правового регулирования, в том числе, определение виновного лица, как наиболее важного аспекта для данного института права. Внесение соответствующих изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации.

11. Внесение новелл в процессуальное законодательство Российской Федерации, сопряженных с вышеизложенными изменениями в отраслях материального законодательства.

12. Формирование новых подходов в статистике, налогообложении, инвестиционной и страховой деятельности.

13. Модернизация системы государственного администрирования, с внесением соответствующих изменений в нормы административного права.

14. Обновление нормативной базы, регулирующей деятельность правоохранительных органов, в целях обеспечения и защиты законных прав и интересов личности, в том числе, права на конфиденциальность.

Таким образом, общее целеполагание правового регулирования искусственного интеллекта, роботов и объектов робототехники обуславливается комплексом внутренних и внеш-

них факторов, связанных с несоответствием нормативной правовой базы новым технологическим условиям и уровню развития науки и техники, появлением нового спектра рисков и угроз социального, психологического, экономического и юридического характера, вопросами обострения глобальной конкуренции и борьбы за технологическое первенство, и вытекающей из этого необходимостью сохранить технологический суверенитет нашего государства в области развития искусственного интеллекта и объектов робототехники. Постановка задач правового регулирования в исследуемой сфере, обуславливается общей и частными целями совершенствования законодательства в области применения искусственных интеллектуальных систем и робототехники. В качестве частных целей правового регулирования можно выделить необходимость трансформации отдельных отраслей права, вызванную специфическими факторами, сопутствующими внедрению искусственного интеллекта в разнообразные сферы общественной жизни. В первую очередь, речь здесь идет об изменениях в гражданское, уголовное, административное право, в процессуальные отрасли и ряд других отраслей и институтов права.

Библиографические ссылки

1. Романов П.С. Основы искусственного интеллекта. Коломна : КИ (ф) МГОУ, 2010.
2. Касми Эльяс Сбербанк научился с помощью ИИ предсказывать выручку любой компании в России. [Электронный ресурс] URL: http://www.cnews.ru/news/top/2019-07-15_sberbank_nauchil_iskusstvennyj_intellekt_prognozirovat (дата обращения: 20.07.2019).

References

1. Romanov P.S. Osnovy iskusstvennogo intellekta. (Fundamentals of artificial intelligence). Kolomna, KI (f) MGOU, 2010.
2. Kasmi El'yas. Sberbank nauchilsya s pomoshch'yu II predskazyvat' vyruчку lyuboj kompanii v Rossii. (Sberbank has learned to use AI to predict the revenue of any company in Russia). URL: http://www.cnews.ru/news/top/2019-07-15_sberbank_nauchil_iskusstvennyj_intellekt_prognozirovat (accessed date: 20.07.2019).

Дата поступления: 21.07.2019

Received: 21.07.2019

УДК 347; 004.8

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ
К ОПРЕДЕЛЕНИЮ СИСТЕМЫ
ПРИНЦИПОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА НА СОВРЕМЕННОМ
ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО
ГОСУДАРСТВА**

ПОПОВА Анна Владиславовна

доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»; профессор кафедры Теория государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»; профессор кафедры конституционного права Юридического факультета им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Россия, г. Москва, Россия. E-mail: anna0710@yandex.ru

ГОРОХОВА Светлана Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Россия, г. Москва, Россия. E-mail: sgorohova@fa.ru

АЗНАГУЛОВА Гузель Мухаметовна

доктор юридических наук, доцент, заместитель Директора Института права, профессор кафедры теории государства и права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия. E-mail: agm09@mail.ru

В статье авторы исследуют проблему выявления и обоснования принципов правового регулирования киберфизических систем, искусственного интеллекта, различных видов роботов и объектов робототехники в нацио-

**THEORETICAL AND LEGAL
APPROACHES TO THE DEFINITION OF
THE SYSTEM OF THE PRINCIPLES OF
LEGISLATIVE REGULATION OF
ARTIFICIAL INTELLIGENCE AT THE
PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT
OF THE RULE-OF-LAW STATE**

POPOVA Anna Vladislavovna

Doctor of Law, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation; Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University; Professor of the Department of Constitutional Law of the Faculty of Law named after M. M. Speransky of the Institute of Law and National Security of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia. E-mail: anna0710@yandex.ru

GOROKHOVA Svetlana Sergeevna

Candidate of Law, Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Russia, Moscow, Russia. E-mail: sgorohova@fa.ru;

AZNAGULOVA Guzel Mukhametovna

Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Director of the Institute of Law, Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Bashkir state University, Ufa, Russia. E-mail: agm09@mail.ru

In the paper, the authors investigate the problem of identifying and substantiating the principles of legal regulation of cyber-physical systems, artificial intelligence, various types of robots and robotics objects in national and supra-

нальном и наднациональном праве. На основе сравнительно-правового анализа существующих подходов к определению искусственного интеллекта, авторы настоящей статьи формируют систему принципов в зависимости от определения технологических систем в качестве объекта или субъекта права и правоотношений в различных отраслях права и законодательства.

Ключевые слова: искусственный интеллект, робот, робототехника, правовое регулирование, принципы законодательства, общие принципы права, цифровая экономика.

national law. On the basis of comparative legal analysis of existing approaches to the definition of artificial intelligence, the authors of this paper form a system of principles depending on the definition of technological systems as an object or subject of law and legal relations in various fields of law and legislation.

Key words: artificial intelligence, robot, robotics, legal regulation, principles of legislation, general principles of law, digital economy.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Президент России Владимир Владимирович Путин в своём Послании к Федеральному собранию Российской Федерации в марте 2018 г. отметил, что в нашей стране должна быть запущена масштабная национальная программа по развитию искусственного интеллекта (далее по тексту – ИИ). Необходимо создать продвинутую научную инфраструктуру, которая поможет России войти в число стран-лидеров по научным технологическим направлениям. Свою сформированную в Послании позицию В.В. Путин подтвердил и в ходе проведенного им совещания о развитии технологий в области искусственного интеллекта 30 мая 2019 г., указав на то, во-первых, борьба за технологическое лидерство в сфере искусственного интеллекта уже стала полем глобальной конкуренции, во-вторых, скорость создания новых продуктов и решений растет в геометрической прогрессии, в-третьих, если кто-нибудь сможет обеспечить монополию в сфере искусственного интеллекта, тот обеспечит собственную власть над миром.

Начинать работу по подготовке к изменению законодательства Российской Федерации в части правового регулирования искусственного интеллекта, киберфизических систем, нейронных сетей, роботов и объектов робототехники следует и незамедлительно, пока есть возможность хорошо все обдумать, подготовить общество к предстоящей трансформации фундаментальных основ правовой системы, которая, как уже прогнозируется в российской и зарубежной научной литературе, пополнится новыми субъектами права, автономными от людей, с собственными правами, обязанностями, ответственностью, и потенциальной возможностью конкурировать с человечеством, совершать правонарушения и деликты. Отметим, что на текущем этапе, просто невозможно спрогнозировать все возможные последствия включения искусственного интеллекта в правовое поле и в практически каждую сферу общественной жизни. Нельзя также предсказать, какого уровня достигнет развитие искусственного интеллекта в будущем, по той простой причине, что на текущий момент, его совершенствование ограничено техническими возможностями по обеспечению «софтом», однако, в случае решения этой проблемы, его развитие, по мнению ученых-техников, не будет ограничено уже ничем. В этой связи, наиболее важным аспектом в деятельности ученых-юристов становится не формулирование конкретных правовых установлений, дающих определение искусственного интеллекта, включающих его в правовые конструкции, и снабжающих узаконенными правами (поскольку все эти положения могут очень быстро устареть, если или когда появится ис-

кусственный интеллект способный к самопознанию, саморазвитию, и собственным представлением о своем месте в мире), а формулирование правильных принципов правового регулирования, сопровождаемое надеждой, что и искусственный интеллект будет ими руководствоваться и соблюдать в той же мере, что и человечество.

Для определения принципиальных подходов необходимой правовой трансформации; исполнению поставленных цели и задач, особое значение имеет теоретико-правовая основа определения места и роли киберфизических систем, ИИ, основанных на нем нейронных сетей, различного вида роботов и робототехники в системе права и системе законодательства национального и наднационального уровня правового регулирования. Основопологающим принципом правового регулирования является гуманизм, образующий антропоцентрическую правовую оболочку, которая строится вокруг незыблемости прав и свобод человека, их высшей ценности, по отношению к другим (всем), менее значимым категориям. Такой подход, помимо прочего, обосновывался исключительностью человеческого сознания (естественного интеллекта), его превосходством над всеми иными явлениями, объективно существующими в реальном мире, ибо как утверждал софист Протагор: «человек – мерило всех вещей». Однако в конечном счете существует вероятность того, что в течение нескольких десятилетий ИИ сможет превзойти человеческий интеллектуальный потенциал, что поставит перед людьми ряд серьезных вопросов, связанных со способностью контролировать свое собственное творение, реакцией на возможность «ремонта» и улучшения людей, возможностью замены межличностных отношений (дружбы, любви, товарищества) на отношения другого рода, объединяющих творение и творца.

Такие глобальные изменения экспозиции будущего мира, просто нельзя отразить в точечных, неполных и бессистемных изменениях законодательства. Поэтому, формируя фундаментальные основы правовой системы с поправкой на существование искусственного интеллекта, необходимо начинать с коррекции (или с подтверждения) философской канвы, с определения парадигмы выстраивания взаимодействия между искусственным и естественным интеллектами. В рамках достижения поставленной цели для дальнейшего развития искусственного интеллекта, нейронных сетей, роботов и объектов робототехники и их практического применения в отраслях народного хозяйства в различных сферах цифровой экономики, необходимо планомерно реализовывать намеченные задачи, создавая обновленную нормативную правовую базу. Первоочередной задачей, очевидно, является определение самих категорий «искусственный интеллект», «робот», «киборг», и других, востребованных в новом технологическом ключе. Для верного определения их статуса необходимо четко определить каждый из предлагаемых к правовому регулированию элементов.

Для России урегулирование нового типа общественных отношений, в которых будет участвовать технологический элемент в виде разного рода киберфизических систем, роботов, объектов робототехники, искусственного интеллекта, аватаров и др. представляет собой первостепенную задачу. Несмотря на отсутствие легального определения искусственного интеллекта в законодательстве Российской Федерации, сам термин широко используется [1; 2; 3; 4; 5], что актуализирует его закрепление в нормативных правовых актах. Вопрос определения содержания этих дефиниций в научной литературе является дискуссионным. В.В. Архипов и В.Б. Наумов полагают необходимым определять робототехнику как «совокупность общественных отношений, предметом которых являются производство, распределение и, немного перефразируя классическое определение экономики, использование автоматизированных технических систем» [6, с. 46], поэтому законодательство, его регулирующее должно носить комплексный характер. В силу данного определения, они предлагают разделять две категории:

1. «Робот», определяемый как «устройство, способное действовать, определять свои действия и оценивать их последствия на основе информации, поступающей из внешней сре-

ды, без полного контроля со стороны человека», и являющийся в силу данного обстоятельства объектом правоотношений.

2. «Робот-агент» выступающий в роли квазисубъекта, наделенного специальной правосубъектностью, т.к. он «предназначен по решению собственника и в силу конструктивных особенностей для участия в гражданском обороте, обладающий обособленным имуществом и отвечающий им по своим обязательствам, обладающий правом от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности» [6, с. 50-51].

А.А. Васильев и Д. Шпопер по этому поводу отмечают, что в первом случае искусственный интеллект понимается всего лишь как техническое средство с правовым режимом вещи, а во втором случае за ним признается статус электронного лица по аналогии с юридическим лицом «через использование приема правовой фикции». Однако такая трактовка не вполне отвечает самой сущности искусственного интеллекта, т.к. «квалификация искусственного интеллекта как объекта права не учитывает наличия некой субъектности – способности к мышлению и принятию самостоятельных решений. Во втором случае поднимается более глубокий вопрос мировоззренческого порядка: искусственный интеллект – это личность, подобная человеку» [7, с. 24]. В Модельной конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте «Правила создания и использования роботов и искусственного интеллекта» [8], разработанной А.В. Незнамовым и В.Б. Наумовым, отмечается, что «роботы могут выступать в гражданском обороте как самостоятельные лица, в том числе выступать собственниками других роботов, если это прямо установлено применимым законодательством». Однако авторы не определяют правовой статус таких «самостоятельных лиц».

Исходя из вышеизложенного, особое внимание следует уделить принципам правового регулирования исследуемой тематики. На наш взгляд, в число этих принципов (помимо общеправовых, таких как гуманизм, законность, запрет дискриминации и стигматизации), должны войти основные начала правового регулирования, способные задать правильный вектор выстраиванию взаимодействия между двумя видами интеллектов. Полагаем, первым, здесь должен стать принцип недопустимости причинения вреда человеку. Отметим, что этот принцип, опосредованно сформулировал еще в 1943 году в рассказе «Хоровод» [9] Айзек Азимов, через свои три закона робототехники. Интересным фактом здесь является то, что эти законы дословно приведены со ссылкой на источник в пункте М введения к Докладу Европарламента с рекомендациями Комиссии по нормам гражданского права в области робототехники: «(1) робот не может причинить вред человеку или своим бездействием допустить причинения вреда человеку. (2) робот должен подчиняться приказам, данным ему людьми, за исключением случаев, когда такие приказы противоречат Первому Закону. (3) робот должен защищать свое существование до тех пор, пока такая защита не противоречит Первому или Второму Законам (см. Runabout, I. Asimov, 1943) и (0) робот не может причинить вред человечеству или, бездействием, позволить человечеству прийти к вреду» [10].

Однако, в данном случае, следует учитывать то обстоятельство, что системы ИИ, уже нашли свое применение не только в гражданской, но и в военной сфере, что накладывает определенные ограничения на применимость указанного принципа. Далее следуют принципы уважения человеческого достоинства и конфиденциальности, обусловленные тем, что частная информация о человеке может быть раскрыта через решения и прогнозы, сделанные ИИ, более того, от применения некоторых возможностей технологий на основе ИИ, может пострадать и человеческое достоинство, так как ИИ позволяет все более реалистичные фото, аудио и видео подделки, или «глубокие подделки», которые могут быть использованы для дискредитации граждан.

Кроме того, кредитные организации уже используют интеллектуальные системы для прогнозирования кредитного риска при выдаче кредитов, и некоторые государства (например, США) запускают разнообразные характеристики заключенных через сложные алгорит-

мы, чтобы предсказать вероятность рецидива при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении. В этих случаях очень важно обеспечить, чтобы такие факторы, как национальность, раса и сексуальная ориентация, не использовались для принятия решений на основе ИИ. Даже когда такие функции не включены непосредственно алгоритмам программы, они все равно могут сильно коррелировать с кажущимися безобидными сведениями, такими как почтовый индекс, или адрес. Тем не менее, при тщательном проектировании, тестировании и развертывании алгоритмы ИИ могут принимать менее предвзятые решения, чем типичный человек.

Поэтому, на базовом уровне лежит вопрос: будут ли люди продолжать наслаждаться перспективой одиночества в мире, пронизанном, по-видимому, социальными агентами, "живущими" в наших домах, автомобилях, офисах, больничных палатах и телефонах? Принцип раскрытия информации о разработке, производстве и, использовании роботов и искусственного интеллекта. Смысл данного принципа заключается в том, что разработчики, производители и участники хозяйственного оборота обязаны будут раскрывать информацию о количестве «умных роботов», которых они используют, об экономии средств, вносимых на социальное обеспечение за счет использования робототехники вместо человеческого персонала, об оценке суммы и доли доходов предприятия, полученных в результате использования робототехники и искусственного интеллекта.

Принцип автономности воли, который должен обеспечить возможность для граждан, принимать обоснованное, не принуждаемое решение об условиях взаимодействия с роботами. Данный принцип тесно связан с принципом информированного согласия, охватывающего, в данном случае, все аспекты преимуществ и возможных последствий взаимодействия с искусственным интеллектом, начиная от медицины, и заканчивая сферой развлечений. Граждане должны обладать правом отказаться от использования интеллектуальных технологий как в общественной, так и в частной сфере. Простого публичного уведомления об их использовании явно будет мало. Особенного внимания требует внедрение и использование технологий, связанных с распознаванием эмоций, призванной определять такие аспекты, как испытываемые индивидом чувства, состояние его психического здоровья, «вовлеченность» сотрудников (студентов) в трудовой (образовательный) процесс. Такие технологии, несмотря на то, что уже применяются, в том числе, и в России, не подкреплены сколь ни будь серьезным и длительным научным исследованием, а по сему, их использование носит характер безответственного и неэтичного, напоминая, в лучшем случае, теорию Ч. Ломброзо, а в худшем, такие псевдонауки, как френология и физиогномика.

Справедливость – принцип, предусматривающий справедливое распределение преимуществ, связанных с робототехникой и доступностью роботов. Правовое регулирование должно оцениваться с точки зрения того, способствуют ли они демократическому развитию и справедливому распределению благ ИИ или концентрируют власть и выгоды в определенных кругах. А поскольку будущие технологии искусственного интеллекта и их последствия невозможно предвидеть с полной ясностью, правовую политику необходимо будет постоянно пересматривать в контексте наблюдаемых социальных проблем и данных, полученных в результате полевых исследований.

Полагаем, с течением времени, будет дополняться и принципиальная основа (набор принципов), которые лягут в основу правового регулирования сферы искусственного интеллекта, киберфизических систем, нейронных сетей, основанных на нем, а также роботов и объектов робототехники. Борьба за технологическое лидерство в сфере искусственного интеллекта уже стала полем глобальной конкуренции, при этом, скорость создания новых продуктов и решений растет в геометрической прогрессии, в этой ситуации подготовка правового поля под новый тип правоотношений, включающий в себя искусственный интеллект, становится насущной необходимостью для всех государств, включая и Российскую Федерацию.

Наиболее важным аспектом правового регулирования в исследуемой сфере является формирование принципиальной основы этого процесса, то есть, агломерата принципов, способных заложить верную фундаментальную основу взаимодействия человека и умных машин.

Библиографические ссылки

1. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.05.2017).
2. Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.12.2016).
3. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 (ред. от 30.03.2018) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Информационное общество (2011–2020 годы)"» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.04.2014).
4. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Цифровая экономика Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 03.08.2017).
5. Приказ Министерства промышленности и энергетики РФ от 7 августа 2007 г. № 311 «О Стратегии развития электронной промышленности России на период до 2025 г.» // Ежегодник промышленного роста. 2007. № 31.
6. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. Вып. 55. С. 46-62. DOI: <https://doi.org/10.15622/sp.55.2>.
7. Васильев А.А., Шпопер Д. Искусственный интеллект: правовые аспекты // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 6 (104). С. 23-26 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.14258/izvasu> (дата обращения: 06.03.2018).
8. Незманов А.В., Наумов В.Б. Модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте «Правила создания и использования роботов и искусственного интеллекта» [Электронный ресурс]. URL: <http://robopravo.ru> (дата обращения: 13.07.2019).
9. Азимов А. Я, робот. М. : ЭКСМО, 2019.
10. Draft report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL) Committee on Legal Affairs [Электронный ресурс]. URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/JURI-PR-582443_EN.pdf (дата обращения: 18.07.2019).

References

1. Ukaz Prezidenta RF ot 9 maya 2017 g. No. 203 «O Strategii razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii na 2017–2030 gody» (Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017, No. 203 “On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030”). *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii*. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed date: 10.05.2017).
2. Ukaz Prezidenta RF ot 1 dekabrya 2016 g. № 642 «O Strategii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii» (Decree of the President of the Russian Federation of December 1, 2016 No. 642 “On the Strategy for the Scientific and Technological Development of the Russian

Federation”). *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii*. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed date: 01.12.2016).

3. Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 № 313 (red. ot 30.03.2018) «Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii "Informatsionnoye obshchestvo (2011–2020 gody)"» (Decree of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 No. 313 (as amended on March 30, 2018) «On approving the state program of the Russian Federation "Information Society (2011-2020)"»). *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii*. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed date: 24.04.2014).

4. Rasporyazheniye Pravitel'stva RF ot 28.07.2017 № 1632-r «Tsifrovaya ekonomika Rossiyskoy Federatsii» (Decree of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017 No. 1632-r “Digital Economy of the Russian Federation”). *Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii*. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed date: 03.08.2017).

5. Prikaz Ministerstva promyshlennosti i energetiki RF ot 7 avgusta 2007 g. № 311 «O Strategii razvitiya elektronnoy promyshlennosti Rossii na period do 2025 g.» (Order of the Ministry of Industry and Energy of the Russian Federation of August 7, 2007 No. 311 “On the Development Strategy of the Russian electronics industry for the period until 2025”). *Yezhenedel'nik promyshlennogo rosta*. 2007. No. 31.

6. Arkhipov V.V., Naumov V.B. Iskusstvennyy intellekt i avtonomnyye ustroystva v kontekste prava: o razrabotke pervogo v Rossii zakona o robototekhnike (Artificial intelligence and autonomous devices in the context of law: on the development of Russia's first law on robotics). *Trudy SPIIRAN*, 2017, Vyp. 55, pp. 46-62. DOI: <https://doi.org/10.15622/sp.55.2>.

7. Vasil'yev A.A., Shpopov D. Iskusstvennyy intellekt: pravovyye aspekty (Artificial intelligence: legal aspects). *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, No. 6 (104), pp. 23-26. URL: <https://doi.org/10.14258/izvasu> (accessed date: 06.03.2018).

8. Nezmanov A.V., Naumov V.B. Model'naya konventsiya o robototekhnike i iskusstvennom intellekte «Pravila sozdaniya i ispol'zovaniya robotov i iskusstvennogo intellekta» (Model Convention on Robotics and Artificial Intelligence “Rules for the Creation and Use of Robots and Artificial Intelligence”). URL: <http://robopravo.ru> (accessed date: 13.07.2019).

9. Azimov A. Ya, robot (I, robot). Moscow, EKSMO, 2019.

10. Draft report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL) Committee on Legal Affairs. URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/JURI-PR-582443_EN.pdf (accessed date: 18.07.2019).

Дата поступления: 21.07.2019

Received: 21.07.2019

УДК 340.1+34(091)

**ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ЗАКОНОМЕРНОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ
И РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА И ПРАВОВОГО
ГОСУДАРСТВА****РАЯНОВ Фанис Мансурович**

*доктор юридических наук, профессор, член-корр. Академии Наук Республики Башкортостан, профессор кафедры теории государства и права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: : rfm-2011@yandex.ru*

**NATURAL AND HISTORICAL
REGULARITIES OF THE FORMATION
AND DEVELOPMENT OF CIVIL
SOCIETY AND RULE-OF-LAW STATE****RAYANOV Fanis Mansurovich**

*Doctor of Sciences (Law), Professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law of the FBSEI HE “Bashkir State University”, Ufa, Russia.
E-mail: rfm-2011@yandex.ru*

В статье, впервые в отечественной теоретической правовой науке, разрешение основных методологических проблем этой науки ставится с позиций естественно-исторических закономерностей развития человеческого общества. При этом ставится под сомнение перспективность распространенного в отечественном обществоведении марксистско-ленинского материалистического учения о развитии общества. Взамен марксистско-ленинского материалистического подхода к развитию общества предлагается использовать широкий обществоведческий подход, основанный на естественно-исторических закономерностях развития общества. Соответственно такому обществоведческому подходу, автор, принципиально не соглашается с распространенным в отечественных общественных науках критическим отношением к институту общественного договора. По мнению автора, игнорирование института общественного договора снижает актуальность таких обществоведческих институтов, как народ является носителем суверенитета и единственным источником права, конституционализм, верховенства права и т.д. Автор считает, что лишь возвращение и нашей страны к лонам естественно-исторических закономерностей, позволит выйти на позиции полноценного использования вышеотмеченных обществоведческих институтов и достигнуть основ подлинного гражданского

In the paper, for the first time in national theoretical legal science, the resolution of the main methodological problems of this science is posed from the standpoint of natural and historical laws of the development of human society. At the same time, the prospects of the Marxist-Leninist materialist doctrine of the society development, widespread in Russian social science, are put in doubt. Instead of the Marxist-Leninist materialistic approach to the society development, it is proposed to use a broad social science approach based on natural and historical regularities of the development of society. According to this social science approach, the author fundamentally disagrees with the critical attitude to the institution of social contract that is widespread in national social sciences. According to the author, ignoring the institution of social contract reduces the relevance of such social science institutions, as the people are the bearers of sovereignty and the only source of law, constitutionalism, the rule of law, etc. The author believes that only the return of our country to the bosoms of natural and historical laws will allow us to gain the full use of the aforementioned social science institutes and achieve the foundations of a true civil society and the rule-of-law state corresponding to it. Only when following natural and historical laws of social development, it is possible to reach the positions of those understandings of civil society

общества и соответствующего ему правового государства. Только при следовании в соответствии с естественно-историческими закономерностями общественного развития, можно выйти на позиции тех пониманий институтов гражданского общества и правового государства, которые установились и функционируют в развитых странах мира.

Ключевые слова: естественно-исторические закономерности, человеческое общество, руководство страны, прорывное развитие, материалистическое понимание, обществоведческий подход, гражданское общество, правовое государство.

institutions and the rule-of-law state that have been established and are functioning in the developed countries of the world.

Key words: natural and historical regularities, human society, country's leadership, breakthrough development, materialistic understanding, social science approach, civil society, rule-of-law state.

Постановка проблемы: Обратиться к естественно-историческим закономерностям становления и развития гражданского общества и правового государства в этой статье нас побудило то, что, несмотря на признание в развитых странах институтов гражданского общества и правового государства в качестве важнейших факторов обеспечения высокого уровня качества жизни людей, в нашей стране все еще продолжается непонимание их природы и сущности. Причем, как нам представляется, именно фундаментальное разрешение проблемы приведения и нашего общественного развития в соответствии с естественно-историческими закономерностями становления и развития гражданского общества и правового государства полностью вписывается в рамки того необходимого прорыва в развитии нашего общества, о котором так настойчиво и уже не раз говорит Президент Российской Федерации В.В. Путин. Так, впервые проблему прорыва в развитии нашего общества Президент страны очень остро поставил в своем Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 1 марта 2018 года. Здесь он сказал: «Именно отставание – вот главная угроза и вот наш враг. И если не переломим ситуацию, оно будет неизбежно усиливаться. Это как тяжёлая хроническая болезнь, что неутомимо, шаг за шагом подтачивает и разрушает организм изнутри. Организм часто этого и не чувствует» [1]. Об этом же он заявлял, выступая на 11 съезде Всероссийского союза ректоров вузов 26 апреля 2018 года в Санкт-Петербурге. В частности, здесь он сказал: «Если мы не сделаем этот прорыв, в этом вся суть, мы тогда безнадежно отстанем. Реально отстанем, понимаете? А это тяжелые очень последствия будут. Такие люди, как вы, они должны думать за горизонт. И людей нужно готовить именно для этого» [2]. Еще раз эту же тему Президент Российской Федерации поднял в своей инаугурационной речи 7 мая 2018 г. Здесь он подчеркнул: «Нам нужны прорывы во всех сферах. Такой рывок способно обеспечить только свободное общество, которое воспринимает все новое и передовое. И отторгает несправедливость, косность, дремучее охранительство и бюрократическую мертвечину. Все то, что сковывает людей, мешает им раскрыться, реализовать себя, свои таланты» [3].

Следует здесь подчеркнуть, что Президент Российской Федерации не только поднимает проблему отставания нашей страны от многих стран мира, и не только говорит о необходимости прорыва в общественном развитии, чтобы устранить такое незаслуженное наше отставание, но и недвусмысленно обозначает основные направления, где и как нужно переосмыслить и преобразовать сложившиеся в нашей стране общественные отношения. Так, выступая 9 апреля 2019 г. на Арктическом форуме, где присутствовали многие руководители государств Арктического региона, В.В. Путин сказал: «Будущее России не зависит от санкций. Будущее России зависит только от нас, от того, насколько мы сможем эффективно пре-

образовать свою политическую систему, насколько она будет демократичной, насколько она будет выталкивать на поверхность все самые здоровые силы общества, креативную энергию наших граждан» [4]. Из такого высказывания Президента страны видно, что он считает сложившуюся политическую систему в нашей стране, недостаточно совершенной и нуждающейся в значительном преобразовании. Более того, здесь же он отмечает направления такого преобразования, считая, что действующая политическая система нашей страны является недостаточно демократичной, не «способной» «выталкивать на поверхность все самые здоровые силы общества, креативную энергию наших граждан».

В связи с такой постановкой, стоящих сегодня перед нашей страной самых актуальных нерешенных проблем, естественно, возникает вопрос: касаются ли проблемы эффективного преобразования политической системы нашего общества сферы государства и права и в каких параметрах? Думается, что здесь не может быть двойного ответа: сложившаяся на сегодня в нашей стране политическая система нуждается в серьезном теоретико-методологическом переосмыслении. Попыткам более конкретно ответить на этот вопрос и посвящена наша настоящая статья.

Феноменология вопросов, возникающих в процессе выяснения сущности и параметров необходимых общественно-политических преобразований. Первым среди нуждающихся в теоретическом осмыслении вопросов, мы бы поставили следующий: что конкретно означает выражение «эффективное преобразование политической системы сегодняшней нашей страны»? Следующий важнейший вопрос связан с тем, какой более конкретный смысл придается выражению «недостаточная демократичность существующей в нашей стране политической системы и неспособности ее выталкивать на видные и ведущие положения здоровые силы общества, креативную энергию наших граждан». Наряду с уже поставленными вопросами возникает и такой: эффективное преобразование политической системы затрагивает ли сущностную и содержательную сторону уже существующих на практике нашей страны конкретных государственно-правовых институтов? В частности, касаются ли эти преобразования институтов гражданского общества и правового государства? Еще один вопрос: какие обществоведческие институты должны активизироваться, чтобы политическая система нашего общества стала более демократичной и способной «выталкивать» все здоровые силы общества на поверхность, и чтобы способствовать развитию и реализации креативной энергии наших же граждан?

Как нам представляется, над этими вопросами придется задуматься представителям всех наших обществоведческих наук, включая и представителей нашей специализированной науки под названием «Теория государства и права». Однако, к нашему большому сожалению, на сегодня, в поисках пути эффективного преобразования нашей политической системы, никакой активности, со стороны представителей этих наук, пока еще не наблюдается. Причем все это происходит в то время, когда, как видно из имеющихся научных трудов обществоведов нашей страны, даже постсоветского периода, включая и правоведческую литературу этого же периода, которые, по нашему мнению, также относятся к числу обществоведческих, теоретические и методологические основы всех этих работ, по существу, мало отличаются от тех, которые были разработаны еще в советские времена. Нам, даже думается, что, вполне возможно, что и Президент страны поднял проблему необходимости прорыва в общественном развитии потому, что усмотрел продолжающуюся «привязанность» наших обществоведческих наук к тем же теоретико-методологическим основам, что было и в советские времена?

Наглядными, в этом отношении, являются некоторые учебники по экономической теории. На учебники по экономической теории мы обращаем здесь специальное внимание потому, что правильная экономическая теория, по традициям марксизма является чуть ли не основой и для развития остальных обществоведческих наук, включая отечественную теоретическую правовую науку. Так вот в одном новейшем учебнике по экономической теории, объ-

явленном его авторами, в самом введении, в качестве базового учебника по курсу «Национальная экономика» для всех вузов страны, читаем: «Границами, отделяющими экономические системы друг от друга, являются промышленная и научно-техническая революции. Внутри каждой из этих систем возможна более дробная типология, что позволяет наметить пути для синтеза формационного и цивилизационного подходов» [5].

Если в эту цитату попробовать вникнуть, то вовсе не трудно увидеть минимум два положения, которые свидетельствуют о фундаментальной методологической привязанности его авторов к учению марксизма. Во-первых, промышленные революции, которые якобы отделяют экономические системы друг от друга – это не что иное, как «изобретение» марксизма. Ведь широко известно, что термин «промышленная революция» впервые ввел в науку Ф. Энгельс в своей работе «Положение рабочего класса в Англии» (1845 г.). Конечно, Ф. Энгельс в этой работе широко опирался на труды К. Маркса, который также широко расхваливал английскую промышленную революцию XVIII века. Однако, ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс при этом не обратили никакого внимания на английскую общественно-политическую славную революцию, которая и предшествовала резкому промышленному скачку. Вот как раз и авторы упомянутого уже учебника постсоветского периода, точно так же, как и К. Маркс, «восхищаются» промышленными революциями, а об общественно-политических предпосылках этих промышленных революций, также, как и К. Маркс, предпочитают умалчивать. Между тем, в мире есть и признанные учения, которые доказывают первичность общественно-политических протестов и волнений самих людей, граждан без которых промышленные научно-технические революции просто не могли бы созреть, а затем и совершаться.

Но, самое главное и, во-вторых, авторы упомянутого учебника ведут речь о «синтезировании формационных и цивилизационных подходов», т.е. никак не хотят отказаться от того же, обоснованного марксизмом формационного, т.е. материалистического подхода к истории развития общества. Однако, они при этом вряд ли глубоко задумались: ведь синтезировать формационные и цивилизационные подходы не только в области экономической науки, но и в обществоведении в целом просто невозможно. Потому, что формационный подход исходит из первичности экономических отношений в обществе, а цивилизационный подход считает, что к исследованию проблем, связанных с развитием общества, необходимо подходить с обществоведческих позиций, т.е. с помощью естественно-правовых основ развития совместной жизнедеятельности людей. Суть же обществоведческого подхода, в отличие от марксистского формационного, сводится к тому, что на уровень развития общества, в первую очередь, влияют характер и состояние самих, естественно складывающихся обществоведческих институтов. То есть, для того, чтобы экономика развивалась благополучно, в первую очередь, необходимо, чтобы в обществе признавались и соблюдались естественно складывающиеся законы природы человека. Люди должны жить и трудиться в таких условиях, когда их жизнь и свобода в безопасности, а полученные ими своим трудом имущественные блага будут в сохранности. Не решив проблему обеспечения именно этих естественно складывающихся законов природы человеческого общежития, вряд ли, кто-то вообще приступит к активной трудовой, т.е. настоящей экономической деятельности. Вот почему для того, чтобы люди могли гарантированно пользоваться своими природными естественными правами и свободами на жизнь, свободу и собственность, они сами, на определенном этапе своей жизнедеятельности, дошли до понимания необходимости учреждения специальных государственных органов, и возложить на них обязанности обеспечивать эти условия. Лишь тогда, когда сами люди, для обеспечения собственных интересов в сфере обеспечения безопасности, свободы и защиты собственности сами формируют соответствующие государственно-правовые институты, только тогда экономические отношения получают гарантированные условия для оптимального развития. Другими словами, не экономика первична в обществе, а первичны естественно складывающиеся правила и нормы (общественные институты), направленные на защиту прав

всех людей на жизнь, свободу и собственность [6, с. 117-119]. Да и если рассуждать в чисто историческом плане, то естественно-правовые основы человеческого общежития появились вместе с появлением общинно-родовых объединений людей, т.е. задолго до появления осмысленной экономики. В то же время, полное восприятие марксистской теории экономического детерминизма, по существу, происходило вытеснением естественно-правовых основ жизнедеятельности людей. В этом смысле марксистская экономическая теория, в целом, послужила для нашей страны не очень-то позитивную услугу, что подтверждается отставанием нашей экономики по сравнению с теми странами, где марксистская экономическая теория вообще не была востребована.

Общественно-научный же подход – это уже не марксистский материалистический подход, а, в первую очередь, результат учения, широко известного в западной общественно-политической теории и практики, английского философа Дж. Локка, действительного основателя научных идей об объективной необходимости появления гражданского общества и правового государства. Именно та часть стран мира, которая развивалась не в соответствии с марксистским учением об обществе, как раз и придерживалась учения Дж. Локка о ведущей роли в обществе правового государства. Причем, учением Дж. Локка, уже давно (с XVII века), руководствовались, в практическом государственном строительстве, в Англии, США и в некоторых других странах. Поэтому именно эти страны и ушли далеко вперед в своем развитии по сравнению с теми странами, которые развивались на основе других, в том числе и марксистских теорий. Притом именно страны мира, полностью воспринявшие учение Дж. Локка, до сих пор продолжают успешно развиваться. Об этом можно убедиться и обращаясь к международному Индексу человеческого развития [7].

Причем, важно здесь отметить то, что так называемая теория материалистического понимания истории и представления о детерминированности всего в обществе экономикой, широко распространились и надолго закрепились только в нашей стране. Более того, экономическая теория марксизма в нашей стране продолжает чуть ли не господствовать до сих пор, несмотря на то, что живем в постсоветское время и основанный на марксистском учении социалистический лагерь полностью распался. Но, несмотря даже на все это и сегодняшняя Википедия в Рунете, обращаясь к вопросам общества, общественного развития, не может обходиться без учения К. Маркса. В частности, здесь читаем: «К. Маркс в своих работах раскрывает сущность общества, которая кроется не в людях самих по себе, а в тех отношениях, в которые они вступают друг с другом в процессе своей жизнедеятельности. Общество, по К. Марксу, есть совокупность общественных отношений» [8]. Оказывается, проблема даже вовсе «не в людях самих по себе», а в общественных отношениях!? А какие могут быть общественные отношения без людей и без их интересов? А о прирожденных и естественных правах и свободах людей автору статьи в Википедии даже в голову не пришло. Вот такое, марксистское понимание общества как совокупности общественных отношений до сих пор на самом видном месте и в сегодняшней экономической теории.

Да и что там экономическая теория: в целом, именно такой подход к пониманию общества, т.е. основанное на учении марксизма об обществе и общественно-экономической формации, все еще господствует во всем отечественном общественно-научном образовании. Никто даже не задумывается о естественно-правовых началах формирования любого уровня совместной жизнедеятельности людей. Откуда-то появляются какие-то общественные отношения, подразумеваемые, конечно же, экономические отношения, которые затем обуславливают и все остальные общественные явления и институты. Но ведь прежде чем появиться реальным общественным отношениям между людьми, т.е. каким-то отношениям между людьми, люди должны хотя бы поговорить друг с другом и в чем-то сойтись во мнениях, договориться, наконец-то. Иначе просто невозможно вести даже речи о какой-то совместной жизнедеятельности, т.е. об обществе. Причем, и эти правила поведения, которые обуславливают воз-

никновение каких-то общественных отношений, также являются естественными и объективно реальными. Однако во всем этом толковании об обществе в Рунете, точно так же, как и в марксистском учении об обществе, нет даже намека на наличие естественных законов природы человека, на естественно-правовые начала в организации любой совместной жизнедеятельности людей.

Влияние марксистского материалистического учения об обществе до сих пор также остается очень сильным и в отечественной теоретической правовой науке. Здесь встречаются такие представители этой науки, которые, даже в постсоветское время, всю теорию государства и права полностью «привязывают» к марксистскому материалистическому учению об обществе, государстве и праве. Так, проф. В.М. Сырых даже назвал параграф своего учебника «Материалистическое учение о происхождении государства и его развитие в работах российских правоведов» [9, с. 22]. Однако в самом тексте он не назвал ни одного российского правоведа, кто бы, действительно, сегодня развивал марксистскую теорию. Да и он сам ничего нового к развитию материалистической теории марксизма о происхождении государства не добавляет: во всех своих работах по теории государства и права он лишь последовательно и настойчиво руководствуется трудами К. Маркса и Ф. Энгельса.

Некоторые представители науки «Теория государства и права», хотя на словах пытаются отмежеваться от трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, не называют их фамилии, но продолжают писать о материалистическом происхождении государства и права. Создается даже такое впечатление, что отечественная теоретическая правовая наука не нашла другое, приемлемое учение о происхождении государства и права, а материалистическую теорию чуть ли не считает общенаучной теорией, распространенной во всем мире, а не только марксистским учением. Выйти же на позиции естественно-исторических закономерностей развития человеческого общества, государства и права, наша отечественная теория государства и права еще, как будто, и не созрела.

Проблема, связанная с научно-правильным подходом к институтам гражданского общества и правового государства, существует и для отечественных отраслевых юридических наук. Если обратиться к общей (теоретической) части отраслевых юридических наук, то ведь они тоже затрагивают общетеоретические вопросы о государстве, о праве, о народе как источнике власти и т.д. Поскольку сегодня наша страна пытается отойти от марксистского учения об обществе, а замены ему еще не выработана, то здесь нередко приходится встречать разные курьезные толкования соотношения государства и права, соотношения государства и государствообразующего народа. Так, в одном из учебников «Аграрное право» его авторы пытаются определить природу аграрного права следующими словами: «аграрное право-комплексная отрасль права... является результатом реализации аграрной политики государства, продуктом государственной воли народа» [10, с. 22]. В таком толковании природы аграрного права не только явно «выпирает» верховенство политики над правом, но и не совсем понятное смешение воли государства и народа, выраженной в праве. В частности, как понять выражение «продукт государственной воли народа»?

Алгоритм разрешения поставленных вопросов. Последовательность разрешения поставленных вопросов и проблем, в первую очередь, как нам представляется, связана с переходом от базисно-надстроечной конструкции построения обществоведческих институтов к их построению на основе и в соответствии с естественно-историческими закономерностями развития человеческого общества. Если мы сумеем это сделать, то только тогда выйдем на естественно-правовые основы становления и развития подлинных институтов гражданского общества и соответствующих им институтов правового государства. Только становление и отечественного обществоведения на естественно-правовые основы развития позволит нам, действительно, активизировать, находящиеся до сих пор в нашем российском обществе в забвении, такие институты обществоведения, как: общественный договор; в государственно-

организованном обществе народ является носителем суверенитета и единственным источником власти; права и свободы человека являются высшей ценностью, а главной обязанностью государства является обеспечение их реализации и эффективная их защита; правильное соотношение естественного и позитивного права; подчинение государства обществу и праву, исходящего от него. Конечно, мы здесь перечислили лишь основополагающие обществоведческие институты. Мы считаем, что именно из-за того, что наша страна до сих пор развивается не задействуя перечисленных обществоведческих институтов, продолжает отставать от развитых стран мира. Мы понимаем и то, что действительная реализация в общественную жизнь страны этих институтов потребует переосмысления многих других важнейших сфер нашего общества. Среди них на первом месте окажется и избирательная система, сложившаяся в нашей стране. Ведь не зря в последние годы в нашей стране обнаруживаются многочисленные нарушения законодательства о выборах. Некоторые из них находят подтверждения и в процессе судебных заседаний. В текущем году прошла и заметная протестная демонстрация граждан города Санкт-Петербурга под лозунгом «Свободному городу – свободные выборы». Эти же нотки прозвучали и в процессе протестных демонстраций в городе Екатеринбурге по поводу места строительства храма и т.д.

В связи с затронутыми протестными демонстрациями, мы бы здесь хотели подчеркнуть еще одну, довольно щекотливую тему. Приводя эти примеры, мы отнюдь не хотим политизировать проблему перевода будущего развития нашего общества на естественно-правовые основы. Мы далеки от мысли, что в сложившейся ситуации, когда наша страна оказалась в «плёну» у марксистского учения об обществе, государстве и праве и до сих пор не может освободиться от него, возложить все «беды» на голову действующей власти. Более того, в действующей власти сидят люди, которые государственно-правовые знания получили в соответствии с учебниками и учебно-методическими пособиями. Если в этих учебниках и других учебно-методических материалах господствовала и даже продолжает господствовать гегелевская философия права, марксистская материалистическая диалектика, огульная критика зарубежного-буржуазного и т.д., то как, когда и на каком основании они могли выйти на естественно-правовые основы развития человеческого общества? Поэтому представителям отечественных общественных наук, включая и ученых-юристов, в первую очередь, самим необходимо себя переосмыслить и, действительно, выйти на подлинно научные (а не на идеологически окрашенные) закономерности развития человеческого общества.

О том, как нужно подойти к пониманию подлинного правового государства, мы уже писали немало статей и монографий, в том числе и на страницах настоящего журнала. Так, в статье «Сущность правового государства: историко-цивилизационный поход» мы еще в 2012 году писали: «Общественный договор – это и есть инструмент формирования и одновременно ограничения пределов деятельности правителей. Получается, что в отличие от всевозможных других способов возникновения государств, государство, формируемое свободными гражданами на основании общественного договора, и есть правовое государство» [11, с. 11]. Еще раньше мы высказались и относительно соотношения правового государства и народного суверенитета. В частности, мы писали: «В демократическом правовом государстве принимаемые законы в конечном счете должны выражать волю большей части государствообразующего народа. Если против принятия какого-то законопроекта выступает значительная часть населения, то такой законопроект не должен быть принят» [12, с. 23].

Не продолжая список других наших публикаций, синхронизирующих с содержанием настоящей статьи, хотелось лишь сетовать на трудности и медленность в реализации высказанных в них предложений. Действительно, в нашей стране все еще с большим сопротивлением проникают в практическую ткань нашего общества идеи подлинного гражданского общества и такого же правового государства. Этому процессу мешают и некоторые оживившиеся в постсоветское время теории. Речь идет не только о претендующей на правящую роль

партии «Единая Россия», но и об активизации так называемой новой коммунистической партии Зюганова или либерально-демократической партии Жириновского. Оживилась и так называемая теория особого пути развития России. Конечно, идеологическое многообразие – это требование времени: нельзя запретить людям, самостоятельно осмысливать происходящие события и приходить к иному мнению, не соответствующему идеологии какой-то другой партии. Но политический и идеологический плюрализмы, предусмотренные и нашей Конституцией, не могут и не должны помешать выработать научно-обоснованную дорожную карту, исходящую от естественно-правовых начал и апробированную в других странах. В отличие от идеологического многообразия научное мировоззрение общественного развития не может быть многообразным, т.е. не может быть двух правильных научных решений одной и той же проблемы. К тому же, научное мировоззрение не может оптимально решать проблемы общественного развития, игнорируя естественно-исторические и естественно-правовые основы становления и развития общественных отношений. Более того, именно естественно-исторические закономерности развития человеческого общежития являются первичными обществоведческими явлениями, отталкиваясь лишь от которых можно выйти на сегодняшнее их состояние. Как раз все это и лежит в основе такого универсального обществоведческого подхода изучения развития человеческого общества.

В целом, у нас нет ни малейшего сомнения в том, что, не став на естественно-исторические и естественно-правовые основы общественного развития, мы вряд ли сможем сформировать в нашей стране подлинные институты гражданского общества и соответствующего им правового государства. Что же касается позитивной роли подлинных институтов гражданского общества и правового государства, то без них мы не сможем встать в один ряд с современными экономически развитыми странами.

Библиографические ссылки

1. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения: 15.06.2019).
2. Владимир Путин выступил перед Российским союзом ректоров в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. URL: <https://www.1tv.ru/news/2018-04-26/344612> (дата обращения: 15.06.2019).
3. Комсомольская правда. 2018. 8 мая.
4. Выступление Владимира Путина на Арктическом форуме // Пленарное заседание Международного арктического форума. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60250> (дата обращения: 15.06.2019).
5. Национальная экономика : учебник / под общ. ред. Р.М. Нуреева. М. : ИНФРА-М, 2012.
6. Раянов Ф.М. Правовое обществоведение. М. : Юрлитинформ, 2018.
7. Список стран по индексу человеческого развития // Википедия [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/WIKI/Список_стран_по_индексу_человеческого_развития (дата обращения: 15.06.2019).
8. Общество // Википедия [Электронный ресурс]. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Общество> (дата обращения: 15.06.2019).
9. Сырых В.М. Теория государства и права. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2004.
10. Аграрное право : учебник для вузов / С.С. Акманов и др.; под ред. проф. Г.Е. Быстрова и проф. М.И. Козыря. М. : Юристь, 2000.
11. Раянов Ф.М. Сущность правового государства: историко-цивилизационный подход // Правовое государство: теория и практика. 2012. № 4 (30). С. 8-16.
12. Раянов Ф.М. Система законодательства Республики Башкортостан как субъекта Российской Федерации // Система законодательства Республики Башкортостан: становление и раз-

вите : материалы Республиканской научно-практической конференции (27 февраля 1996 г., г. Уфа). Академия наук Республики Башкортостан. Уфа, 1996.

References

1. Poslaniye Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu (Presidential Address to the Federal Assembly). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957> (accessed date: 15.06.2019).
2. Vladimir Putin vystupil pered Rossiyskim soyuzom rektorov v Sankt-Peterburge (Vladimir Putin addressed the Russian Union of Rectors in St. Petersburg). URL: <https://www.1tv.ru/news/2018-04-26/344612> (accessed date: 15.06.2019).
3. *Komsomol'skaya pravda*. 2018. 8 maya.
4. Vystupeniye Vladimira Putina na Arkticheskom forume (Speech by Vladimir Putin at the Arctic Forum) *Plenarnoye zasedaniye Mezhdunarodnogo arkticheskogo foruma*. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60250> (accessed date: 15.06.2019).
5. Natsional'naya ekonomika (National economy), uchebnik, pod obshch. red. R.M. Nureyeva. Moscow, INFRA-M, 2012.
6. Rayanov F.M. Pravovoye obshchestvovedeniye (Legal social science). Moscow, Yurlitinform, 2018.
7. Spisok stran po indeksu chelovecheskogo razvitiya (List of countries by human development index). *VikipediYA*. URL: https://ru.wikipedia.org/WIKI/Spisok_stran_po_indeksu_chelovecheskogo_razvitiya (accessed date: 15.06.2019).
8. Obshchestvo (Society). *VikipediYA*. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Obshchestvo> (accessed date: 15.06.2019).
9. Syrykh V.M. Teoriya gosudarstva i prava (Theory of State and Law). 3-ye izd., pererab. i dop. Moscow, Yustitsinform, 2004.
10. Agrarnoye pravo (Agricultural law), uchebnik dlya vuzov. S.S. Akmanov i dr., pod red. prof. G.Ye. Bystrova i prof. M.I. Kozyrya. Moscow, Yurist', 2000.
11. Rayanov F.M. Sushchnost' pravovogo gosudarstva: istoriko-tsivilizatsionnyy podkhod (The essence of the rule-of-law state: historical-civilizational approach). *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2012, № 4 (30), pp. 8-16.
12. Rayanov F.M. Sistema zakonodatel'stva Respubliki Bashkortostan kak sub'yekta Rossiyskoy Federatsii (The system of legislation of the Republic of Bashkortostan as a subject of the Russian Federation). *Sistema zakonodatel'stva Respubliki Bashkortostan: stanovleniye i razvitiya*, materialy Respublikanskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (27 fevralya 1996 g., g. Ufa). Akademiya nauk Respubliki Bashkortostan. Ufa, 1996.

Дата поступления: 11.08.2019

Received: 11.08.2019

УДК 343.988

**СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ
В ОБЛАСТИ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ
ЛИЦ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА**

ТРЕТЬЯКОВ Иван Львович

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: mail@tretyakov.su

Вопросы защиты лиц пожилого возраста от преступных посягательств представляют собой одну из актуальных проблем современной криминологии. Безусловно, рост внимания к проблемам преклонного возраста, модернизация всей сферы социального обслуживания пожилых людей, создание оптимальных условий для реализации потребностей пенсионеров являются неотъемлемыми признаками демократического правового государства. Особую важность при исследовании этих вопросов представляют собой данные социально-психологического исследования личности жертв пенсионного возраста, обратившихся за оказанием комплексной помощи (правовой, социально-психологической, медицинской и т.д.) в социальные учреждения г. Санкт-Петербурга. При этом привлекают внимание основные направления социальной работы и конкретные коррекционные мероприятия, социальные технологии, способствующие снижению уровня виктимности лиц пожилого возраста. В криминологии традиционно выделяют общесоциальный, специальный и индивидуальный уровни виктимологической профилактической работы. Ценностный аспект виктимологической профилактики, нацеленной на представителей старших возрастных групп населения, предполагает признание высокой общественной значимости человеческой жизни, независимо от возраста.

**SOCIAL TECHNOLOGIES IN THE
SPHERE OF LEGAL
PROTECTION OF ELDERLY PEOPLE**

TRETYAKOV Ivan Lvovich

Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Technical Expertise of the Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia. E-mail: mail@tretyakov.su

The protection of elderly people from criminal abuse is one of the pressing problems of modern criminology. Of course, the growing attention to the problems of old age, the modernization of the entire sphere of social services for elderly people, the creation of optimal conditions for fulfilling the needs of pensioners are integral signs of a democratic rule-of-law state. When studying these issues special attention is paid to the data of a socio-psychological study of the personality of victims of retirement age who applied for comprehensive assistance (legal, socio-psychological, medical, etc.) to social institutions in St. Petersburg. At the same time, the main directions of social work and specific corrective measures, social technologies that help to reduce the level of victimity of elderly people attract attention. In criminology, social, special and individual levels of victimological preventive work are traditionally distinguished. The value aspect of victimological preventive care, aimed at representatives of older age groups of the population, involves the recognition of high social significance of human life, regardless of age.

Ключевые слова: правовое государство, лица пожилого и старческого возраста, виктимность, виктимизация, жертва преступления, профилактика и предупреждение, социальная работа, защита, помощь.

Key words: rule-of-law state, elderly and senile people, victimity, victimization, crime victim, preventive care and prevention, social work, protection, assistance.

Современный период отечественной правовой жизни отличается от аналогичной же жизни исторического прошлого России тем, что в организации общественной жизнедеятельности людей коренным образом изменился и продолжает меняться характер взаимоотношения между обществом и государством. Этот процесс был заложен в постсоветской Конституции Российской Федерации, которая впервые в истории России, позиционировала современную Россию в качестве демократического правового государства. Как раз в этих условиях появилась возможность писать: «общество само выставляет сформированному им же государству общественный договор или (позднее) конституцию. Общество со своей конституцией ограничивает государственную власть. Да и само понятие власти, прежде всего, относится к самому обществу (народу) – носителю именно самой верховной власти» [15, с. 12]. В другой своей работе проф. Ф.М. Раянов также пишет: «Идея о том, что люди сами создают государственную власть для обслуживания своих же потребностей, а отсюда государственная власть может быть изменена, усовершенствована, как раз и явилась начальным периодом возникновения параметров правового государства» [16, с. 9].

Вот в этих условиях, как нам представляется, и появилась также возможность говорить и писать о том, что подлинность или «декларативность» правового государства определяется еще и тем, насколько оно является социально ориентированным [4, с. 95-100; 5, с. 121; 6, с. 12; 8; 9, с. 73-82; 11, с. 49; 14; 17]. Обращаясь к российским реалиям, отметим, что на данный момент в стране функционирует продуманная, разветвлённая сеть социальных учреждений, охватывающая все регионы и не уступающая зарубежным аналогам.

Однако, несмотря на заметные успехи на «социальном фронте» в целом, по-прежнему, остается множество «болевых точек», и одной из них считается проблема комплексного сопровождения пожилых граждан [22]. Вопросы, связанные с выработкой механизмов по стабилизации положения лиц пожилого и старческого возраста, по созданию условий для их полноценного жизнеобеспечения, укреплению правовой защиты, ресоциализации и т.д. постоянно обсуждаются в правительстве, в Государственной Думе, в Совете Федерации. Заслуживает внимания федеральный проект «Старшее поколение», стартовавший в 2019 году, финансирование которого составит в ближайшие годы 100 млрд рублей. Проект должен не просто увеличить продолжительность жизни граждан Российской Федерации, но и способствовать их активному долголетию. Планируется создание современной социальной инфраструктуры, органично связанной с гериатрической службой [21].

Качественная модернизация органов социальной защиты проходит в непростых условиях: затянувшийся экономический кризис, падение доходов населения, рост бедности, рост преступности, недостаточная сбалансированность социального законодательства и т.д. Средства массовой информации сигнализируют о грубых ошибках и просчетах чиновников, воровстве и коррупции; эти явления привели к тому, что «регулирование» в сфере социального и медицинского обеспечения лиц пожилого возраста требует постоянного вмешательства журналистов, сотрудников прокуратуры или Следственного комитета [7, с. 89-94; 18, с. 77-80]. Кроме того, на бытовом уровне распространены такие явления как геронтофобия, возрастная дискриминация, беспричинная враждебность к старикам, негативно-пренебрежительное отношение к их знаниям, опыту и даже к их жизни [3, с. 7; 10].

Особую обеспокоенность вызывает ежегодно фиксируемый правоохранителями рост (хотя и незначительный – менее 0,5%) числа преступных посягательств в отношении мужчин

и женщин старшего поколения (в основном это лица, перешагнувшие порог 60 лет, хотя некоторые исследователи причисляют к данной группе женщин, начиная с достижения ими 55-летнего возраста). Преступления, жертвами которых становятся люди пожилого и старческого возраста обладают высокой степенью общественной опасности, а их последствия оказывают мощное негативное воздействие на потерпевших, приводят к дефектам самосознания, к социальной дезинтеграции. Уровень латентности данных преступлений чрезвычайно высок, поскольку многие пожилые люди утратили навыки самозащиты, отстаивания своих интересов и редко обращаются с заявлениями в полицию. По данным МВД РФ, каждое двенадцатое преступление в стране совершается в отношении пожилых граждан, более трети пенсионеров подвергается угрозе убийством, приблизительно столько же – регулярным побоям, нанесению вреда здоровью различной степени тяжести, а около 5% – ежегодно гибнут от рук преступников [2, с. 16; 19; 20, с. 9].

Пожилые люди, находящиеся в трудной, психотравмирующей жизненной ситуации (в данном случае в связи с совершением в отношении них противоправных деяний), обладают специфическими качествами. С целью выявления этих качеств, автором статьи совместно с психологами социальных служб города Санкт-Петербурга было проведено социально-психологическое обследование указанной категории лиц в количестве 100 человек.

В процессе экспериментально-психологического исследования был использован Миннесотский многофакторный личностный опросник (ММРП). Кроме того, специалисты использовали – опросник 36-item Short-Form Health Survey, а также опросник Кеттелла, методику Хайма, «Индекс жизненного стиля», шкалу самооценки депрессии и шкалу Спилбергера. Полученные данные позволили сделать вывод о значительном снижении качества жизни респондентов. Результаты опроса также показали, что для большинства респондентов старость ассоциируется с немощью, унижениями и постоянными затратами на поддержание здоровья. Обследованные, в основной своей массе, являлись представителями довольно низких социальных страт (по уровню доходов, образования и т.д.). Не имея трудовых накоплений, лишённые поддержки родственников (лишь 13% сообщили о семейном благополучии) пожилые люди возлагали надежды исключительно на государство. Обращает на себя внимание тот факт, что многие респонденты родились и выросли в проблемных, неполных семьях или же в раннем возрасте остались без попечения родителей, что не могло не вызвать задержку формирования навыков саморегуляции, обеднение эмоциональной сферы, проблемы с воспитанием. Поведенческие девиации, психические отклонения (что подтверждается результатами ММРП и другими методиками), социальная некомпетентность и т.д., без сомнения, способствовали высокой виктимности как на протяжении жизни, так и в пожилом возрасте.

Согласно ст. 15 Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442-ФЗ [1] каждый из принявших участие в исследовании респондентов был признан нуждающимся в социальном обслуживании. Социальное обслуживание пожилых граждан представляет собой достаточно длительный и трудоемкий процесс оказания данной категории лиц социальной помощи (на основании заключенного двухстороннего договора) специалистами органов социальной защиты населения. Адресная помощь выражается в предоставлении каждому конкретному пожилому клиенту заранее оговоренных и утвержденных администрацией учреждения услуг (которые он сам выбрал из предоставленного ему официального перечня). Услуги четко ограничены рамками индивидуальных программ. Программы имеют выраженную реабилитационную и реадaptационную направленность. Социальное обслуживание пенсионеров позволяет преодолеть, так называемый, «барьер виктимности» в процессе прохождения пожилыми клиентами коррекционных (а при необходимости и восстановительных) мероприятий. Так, например, социально-психологические тренинги («Я – не жертва», «Нет насилию», «Давайте договариваться») актуализируют наиболее позитивные способы совладения со стрессом – копинг-поведение, в

результате удается преодолеть фрустрацию. У потерпевшего появляются новые, оптимистичные перспективы психической адаптации. Благодаря работе психологов, механизмы психологической защиты по типу вытеснения, проекции и регрессии обеспечивают высокий уровень удовлетворенности пожилых клиентов своим функционированием в условиях учреждения, активируют конструктивное решение существующих проблем.

Помимо социального обслуживания, социальная помощь подразумевает всестороннее (комплексное) социальное сопровождение клиентов (нередко пожизненное), членов их семей (если таковые имеются). Данное сопровождение позволяет пожилым клиентам приобрести уверенность в себе и по мере необходимости решать каждодневные проблемы (бытового, медико-психологического и правового характера). Именно социальное сопровождение дает возможность пожилым людям получить доступ к основным благам информационного общества, непосредственно участвовать в развлекательных, образовательных, общественных и коммерческих проектах, избавиться от комплекса жертвы, «клейма неудачника», всеми забытого и никому не нужного человека. Таким образом, пожилые люди обретают чувство независимости. Кроме того, происходит раскрытие еще «сохраненных» внутренних резервов.

Третье направление социальной работы – профилактическое, оно связано со своевременным выявлением и нейтрализацией специфических обстоятельств, которые представляют опасность (создают угрозу) для жизнедеятельности граждан (в том числе и пожилых), нарушают их права и законные интересы, влекут за собой наступление негативных последствий.

В криминологии традиционно выделяют три уровня виктимологической профилактики и на всех трех уровнях используются те или иные социальные технологии (алгоритмы, процедуры и т.д.) [12; 13]. Однако следует помнить, что внедрению «превентивных апробаций» предшествует тщательная социальная диагностика тех социальных явлений, на которые предстоит воздействовать, в том числе анализируются экономические, политико-правовые вопросы, состояние морально-психологического климата в обществе и т.д. Социальная диагностика – это механизм, позволяющий органам власти оперативно использовать полученную информацию, а также рекомендации и прогнозы для совершенствования криминологического законодательства, выработки мер по защите всего населения от криминальной виктимизации.

На общесоциальном уровне решаются задачи, связанные с оздоровлением общества, повышением правосознания граждан, восстановлением социальной справедливости и т.д.; на данном уровне используются, так называемые, общесоциальные технологии, представляющие собой совокупность способов профессионального воздействия на общественные отношения с целью улучшения социального функционирования всех общественных механизмов. На специальном уровне специалисты по социальной работе (как правило, при активном взаимодействии с сотрудниками полиции) стремятся препятствовать реализации виктимных свойств у представителей маргинальных слоев населения, принадлежащих к старшим возрастным группам (имеются в виду лица БОМЖ, душевнобольные, бывшие осужденные, хронические алкоголики и т.д.); на данном уровне система технологий может быть представлена в виде: специальной диагностики, мероприятий по консультированию, социальному обеспечению, опеки и попечительства, реабилитации и коррекции. Индивидуальная профилактическая работа с жертвами преступлений преимущественно направлена на повышение социальной активности, преодоление последствий преступных деяний и предотвращение повторной виктимизации.

Подводя итог сказанному, акцентируем внимание на ряде существенных моментов. Возрастные нарушения, дезадаптация, дискомфорт (обусловленный социальным неблагополучием), психические девиации – все вышеперечисленные особенности являются маркерами высокого уровня виктимности лиц старшего поколения. Выявление одиноких пожилых граждан и их вовлечение в различные восстановительные социальные программы позволяет пожилым реабилитантам почувствовать свою востребованность, начать конструктивно воспри-

нимать происходящие события, прогнозировать последствия своих поступков, а также действий окружающих, что значительно снижает риск виктимизации личности.

Система органов социальной защиты населения (социальная служба) обладает широкими возможностями в плане проведения профилактических мероприятий с потенциальными потерпевшими и реабилитационных – с жертвами преступлений. К наиболее распространенным и хорошо зарекомендовавшим себя в сфере виктимологической профилактики социальным технологиям относятся: социальная диагностика; консультирование; социальное обслуживание; социальное сопровождение; превентивные мероприятия, проводимые в рамках социальной работы; социальное обеспечение; опека и попечительство; комплексная реабилитация; реадaptация; ресоциализация и коррекция.

Библиографические ссылки

1. Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 07.03.2018 № 56-ФЗ, от 01.05.2019 № 91-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 7007.
2. Антонян Ю.М. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития. Аналитический обзор / Ю.М. Антонян, Д.А. Бражников, М.В. Гончарова и др. М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018.
3. Бадмаева И. «Старики» за бортом // «Московский Комсомолец РРЕ». 2018. 18-25 июля.
4. Василевич С.Г. Понятие и сущность социального государства // Вестник экономической безопасности. 2017. № 3. С. 95-100.
5. Галиев Ф.Х. Правовая культура в условиях правового государства // Правовое государство: проблемы понимания и реализации : сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 10-летию журнала «Правовое государство: теория и практика» (г. Уфа, 16-17 апреля 2015 г.) / отв. ред. Ф.Х. Галиев. В 2-х ч. Ч. 1. Уфа : РИЦ БашГУ, 2015. С. 114-122.
6. Галиев Ф.Х., Комаров С.А. Правовое государство и правовая культура: взаимосвязь и взаимообусловленность // Юридическая наука. 2016. № 6. С. 10-14.
7. Иванов Д.М. Некоторые актуальные вопросы противодействия коррупции в сфере социального обслуживания населения // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 2. С. 89-94.
8. Иконникова Г.И., Ляшенко В.П. Философия права : учебник. М. : Гардарики, 2007.
9. Канарш Г.Ю. Социальное государство в России: история и современность // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 2. С. 73-82.
10. Колядина Е. За что презирают людей уважаемого возраста [Электронный ресурс]. URL.: <https://www.metronews.ru/kolumnisty/reviews/elena-kolyadina-za-chto-prezirayut-lyudey-uvazhaemogo-vozrasta-1558683/> (дата обращения: 21.07.2019).
11. Комаров С.А., Галиев Ф.Х. Соционормативная основа правового государства // Теория государства и права. 2018. № 2. С. 46-52.
12. Криминология – XX век / Шестаков Д.А., и др.; под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. Ассоциация Юридический центр, Санкт-Петербургский университет МВД России, Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет». СПб. : Юридический центр Пресс, 2000.
13. Криминология : учебник для юридических вузов / под ред. проф. В.Н. Бурлакова и др. СПб. : Санкт-Петербургская академия МВД России; Лань, 1999.
14. Раянов Ф.М. Гражданское общество и правовое государство: проблемы понимания и отношения : монография. М. : Юрлитинформ, 2015.

15. Раянов Ф.М. Сущность правового государства: историко-цивилизационный подход // Правовое государство: теория и практика. 2012, № 4 (30). С. 8-16.
16. Раянов Ф.М. Доктрина правового государства: истоки, распространенность, проблемы в России // Правовое государство: теория и практика. 2012, № 3 (29). С. 7-15.
17. Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2002. № 3(15). С. 3-14.
18. Сахарова Т.А., Темников А.Ю. Административные правонарушения в сфере социального обслуживания населения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3. С. 77-80.
19. Фалалеев М. Старики и разбойники. Нападение на пожилого человека станет отягчающим обстоятельством [Электронный ресурс]. URL.: <https://rg.ru/2016/07/18/napadenie-na-pozhilogo-cheloveka-stanet-otiyagchayushchim-obstoiatelstvom.html> (дата обращения: 22.07.2019).
20. Фалалеев М. Старики, разбойники и министр // Российская газета. 2019. 15 января.
21. Федеральный проект «Старшее поколение» // «Паспорт национального проекта «Демография» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16) [Электронный ресурс]. URL.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317388/b1cba17ae84dda07df1098bd4e2579bedf644edd/ (дата обращения: 28.07.2019).
22. Что делать? Пожилые люди: бремя или благо для общества? [Электронный ресурс]. URL.: https://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/20917/ (дата обращения: 21.07.2019).

References

1. Federal'nyy zakon «Ob osnovakh sotsial'nogo obsluzhivaniya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii» ot 28.12.2013 № 442-FZ (v red. Federal'nykh zakonov ot 07.03.2018 № 56-FZ, ot 01.05.2019 № 91-FZ) (The Federal Law “On the Basics of Social Services for Citizens in the Russian Federation” dated December 28, 2013 No. 442-FZ (as amended by Federal Laws dated March 7, 2018 No. 56-FZ, dated May 01, 2019 No. 91-FZ). *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2013, No. 52 (ch. I), St. 7007.
2. Antonyan Yu.M. Kompleksnyy analiz sostoyaniya prestupnosti v Rossiyskoy Federatsii i raschetnyye varianty yeye razvitiya (Comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation and calculated options for its development). *Analiticheskiy obzor*, Yu.M. Antonyan, D.A. Brazhnikov, M.V. Goncharova i dr. Moscow, FGKU «VNII MVD Rossii», 2018.
3. Badmayeva I. «Stariki» za bortom (“The Old Men” overboard). *Moskovskiy Komsomolets PPE*, 2018, 18-25 iyulya.
4. Vasilevich S.G. Ponyatiye i sushchnost' sotsial'nogo gosudarstva (The concept and essence of the social state). *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, 2017, No. 3, pp. 95-100.
5. Galiyev F.Kh. Pravovaya kul'tura v usloviyakh pravovogo gosudarstva (Legal culture in the rule-of-law state). *Pravovoye gosudarstvo: problemy ponimaniya i realizatsii*, sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchenoy 10-letiyu zhurnala «Pravovoye gosudarstvo: teo-riya i praktika» (g. Ufa, 16-17 aprelya 2015 g.), otv. red. F.Kh. Galiyev. V 2-kh ch. Ch. 1. Ufa, RITS BashGU, 2015, pp. 114-122.
6. Galiyev F.Kh., Komarov S.A. Pravovoye gosudarstvo i pravovaya kul'tura: vzaimosvyaz' i vzaimoobuslovlennost' (The rule-of-law state and legal culture: the relationship and interdependence). *Yuridicheskaya nauka*, 2016, No. 6, pp. 10-14.
7. Ivanov D.M. Nekotoryye aktual'nyye voprosy protivodeystviya korrupsitsii v sfere sotsial'nogo obsluzhivaniya naseleniya (Some topical issues in the fight against corruption in the sphere of social services for population). *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2017, No. 2, pp. 89-94.

8. Ikonnikova G.I., Lyashenko V.P. *Filosofiya prava (Philosophy of law), uchebnik*. Moscow, Gardariki, 2007.
9. Kanarsh G.Yu. *Sotsial'noye gosudarstvo v Rossii: istoriya i sovremennost' (The social state in Russia: history and modernity)*. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, 2018, No. 2, pp. 73-82.
10. Kolyadina Ye. *Za chto prezirayut lyudey uvazhayemogo vozrasta (Why people of respectable age are despised)*. URL.: <https://www.metronews.ru/kolumnisty/reviews/elena-kolyadina-za-chto-prezirayut-lyudey-uvazhaemogo-vozrasta-1558683/> (accessed date: 21.07.2019).
11. Komarov S.A., Galiyev F.Kh. *Sotsionormativnaya osnova pravovogo gosudarstva (Socio-normative basis of the rule-of-law state)*. *Teoriya gosudarstva i prava*, 2018, No. 2, pp. 46-52.
12. *Kriminologiya – XX vek (Criminology – XX century)*, Shestakov D.A., i dr.; pod red. V.N. Burlakova, V.P. Sal'ni-kova. Assotsiatsiya Yuridicheskiy tsentr, Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, Fond podderzhki nauki i obrazovaniya v oblasti pravookhranitel'noy deyatel'nosti «Universitet». St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press, 2000.
13. *Kriminologiya (Criminology), uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov*, pod red. prof. V.N. Burlakova i dr. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskaya akademiya MVD Rossii; Lan', 1999.
14. Rayanov F.M. *Grazhdanskoye obshchestvo i pravovoye gosudarstvo: problemy ponimaniya i sootnosheniya (Civil society and the rule-of-law state: problems of understanding and correlation), monografiya*. Moscow, Yurlitinform, 2015.
15. Rayanov F.M. *Sushchnost' pravovogo gosudarstva: istoriko-tsivilizatsionnyy podkhod (The essence of the rule-of-law state: historical-civilizational approach)*. *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2012, No. 4 (30), pp. 8-16.
16. Rayanov F.M. *Doktrina pravovogo gosudarstva: istoki, rasprostranennost', problemy v Rossii (The doctrine of the rule-of-law state: the origins, prevalence, problems in Russia)*. *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2012, No. 3 (29), pp. 7-15.
17. Sal'nikov V.P., Romashov R.A., Sal'nikov M.V. *Teoriya pravovogo gosudarstva (popytka sovremennoy interpretatsii) (The theory of the rule-of-law state (an attempt to modern interpretation))*. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2002, No. 3(15), pp. 3-14.
18. Sakharova T.A., Temnikov A.Yu. *Administrativnyye pravonarusheniya v sfere sotsial'nogo ob-sluzhivaniya naseleniya (Administrative offenses in the field of social services to the population)*. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2018, No. 3, pp. 77-80.
19. Falaleyev M. *Stariki i razboyniki. Napadeniye na pozhilogo cheloveka stanet otyagchayushchim obstoyatel'stvom (Old men and robbers. An attack on an elderly person will be an aggravating circumstance)*. URL.: <https://rg.ru/2016/07/18/napadenie-na-pozhilogo-cheloveka-stanet-otiyagchayushchim-obstoyatel'stvom.html> (accessed date: 22.07.2019).
20. Falaleyev M. *Stariki, razboyniki i ministr (Old men, robbers and one minister)*. *Rossiyskaya gazeta*, 2019, 15 yanvarya.
21. *Federal'nyy proyekt «Starsheye pokoleniye» (Federal project “Older Generation”)*. «Pasport natsional'nogo proyekta «Demografiya» (utv. prezidiumom Soveta pri Prezidente RF po strategicheskomu razvitiyu i natsional'nym proyektam, protokol ot 24.12.2018 № 16). URL.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317388/b1cba17ae84dda07df1098bd4e2579bedf644edd/ (accessed date: 28.07.2019).
22. *Chto delat'? Pozhilyye lyudi: bremya ili blago dlya obshchestva? (What to do? Elderly: burden or good for society?)*. URL.: https://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/20917/ (accessed date: 21.07.2019).

Дата поступления: 22.07.2019

Received: 22.07.2019

УДК 340.1+34(091)

**ПРОБЛЕМА ИМПЕРАТИВНОЙ
ПРИРОДЫ ПРАВОВЫХ НОРМ
В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИИ ГЕРБЕРТА
ХАРТА И РОНАЛЬДА ДВОРКИНА****THE PROBLEM OF THE
IMPERATIVE NATURE OF LEGAL
NORMS IN THE CONTEXT OF THE
DISCUSSION OF HERBERT HART AND
RONALD DVORKIN**

ЧУДИН-КУРГАН Федор Олегович
*генеральный директор «Компания Русское
дело», г. Москва, Россия.*
E-mail: 7551242@gmail.com

CHUDIN-KURGAN Fedor Olegovich
*General Director of "Russian Business Com-
pany", Moscow, Russia.*
E-mail: 7551242@gmail.com

Научная дискуссия между Г. Хартом и Р. Дворкиным является прямым диалогом двух наиболее влиятельных течений западной правовой науки в лице их ведущих представителей. Результатом дискуссии об императивной природе правовых норм стала актуализация проблемы всеобщего начала права и морали. Оригинальный подход к решению этой проблемы мы находим также в отечественной философско-правовой мысли.

The scientific discussion between H. Hart and R. Dvorkin is a direct dialogue between the two most influential currents of Western legal science via their leading representatives. The discussion about the imperative nature of legal norms has resulted in the actualization of the problem of universal law and morality. We also find an original approach to solving this problem in national philosophical and legal thought.

Ключевые слова: Кельзен; Харт; Дворкин; право; норма; аналитическая юриспруденция; компрехендная теория.

Key words: Kelsen; Hart; Dvorkin; law; norm; analytical jurisprudence; comprehensive theory.

Научная дискуссия между Г. Хартом, крупнейшим представителем аналитической юриспруденции, и Р. Дворкиным, развивавшим теорию права в рамках феноменологической традиции, стала одной из ключевых точек в истории юридической науки второй половины XX века [13, с. 21-22; 22, с. 448].

Оксфордский профессор Герберт Харт (1907–1992) был тем ученым, «с которым зачастую отождествляется аналитическая юриспруденция» [16, с. 82; 19; 20; 29]. Именно он осуществил наиболее удачный синтез юридического позитивизма И. Бентама, Дж. Остина и Г. Кельзена на методологическом фундаменте аналитической философии, в основе которой лежали труды Г. Фреге и Б. Рассела [31, с. 98]. Отталкиваясь от фундаментального учения Г. Кельзена об основной норме и, в принципе, не оспаривая его, Г. Харт стремится, тем не менее, уйти от жесткого априоризма австрийского ученого, связанного с его неокантианскими установками. Согласно Г. Кельзену, социальный факт не может содержать в себе параметров правовой или социальной нормы, которые являются априорными и в конечном итоге задаются базовыми структурами разума. Напротив, Г. Харт, стремясь сохранить традиции английского эмпиризма, восходящие к Ф. Бэкону и Дж. Локку, пытается найти возможность соответствующей интерпретации социального факта с учетом перспективы основной нормы в духе Г. Кельзена [31, с. 98].

Если Г. Кельзен не осуществлял дифференциацию и глубокий анализ самих социальных фактов, то Г. Харт, напротив, стремился доказать, что некоторые социальные практики по своему содержанию и по своей природе вполне могут приобрести статус основания нормативно-правовой системы. Такие практики Г. Харт как раз и обозначал отдельным понятием

нормативного социального факта, указывая, что здесь речь не идет о каком-либо аналоге тех социальных фактов, которые имел в виду Г. Кельзен, рассматривая их как область фактов, определенных в свою очередь другими фактами социальной природы, а потому не заключающих в себе нормативной обязательности.

Возможность фиксации в правовой теории такого рода «сферы нормативных социальных фактов» Г. Харт определяет, вводя различие между первичными и вторичными этическими и правовыми правилами, а также между внешними и внутренними правилами оценки в социальной группе. Посредством этого представляется возможным создать понятийное поле для теоретического воспроизведения области нормативных социальных фактов посредством специального юридического языка [12, с. 45-56; 14, с. 43-71; 17, с. 7-10; 18, с. 178-193]. Основу этого дискурса составляет учение Г. Харта об императивной природе правовых норм.

Г. Харт обращается к исследованию императивной теории права, как она была представлена в юридическом позитивизме XIX века, прежде всего, Дж. Остином. В конечном итоге ранняя императивная теория права объясняла юридические правила в рамках теоретической модели, основанной на представлении об угрозе, исходящей из внешнего приказа. Г. Харт для ее иллюстрации приводит пример с грабителем банка, который достигает желаемого для него результата, апеллируя к пистолету. Этот пример, по мнению ученого, заключает в себе те существенные элементы, из которых императивная теория возводит свое учение о праве, правоотношении и, в конечном итоге, о норме права. На таком уровне императивная теория представляется Г. Харту «совершенно недостаточной в своей простоте... и правовой порядок не может быть непосредственно выведен из применения насилия» [29, с. 24]. Согласно его общему выводу, здесь требуется еще целый ряд смысловых модификаций.

Первую из них Г. Харт связывает с вопросом о форме, посредством которой можно отличить правовой императив от приказа налетчика. Случай, когда чиновник отдает гражданину непосредственный приказ, хотя и может иметь место, но в действительности это происходит сравнительно редко. Нормой, напротив, является тот случай, когда гражданин должен руководствоваться правовой нормой. Даже уголовный закон, который заключает в себе приказание, апеллирующее к угрозе насилия, отличается от приказа налетчика, прежде всего тем, что он является всеобщим.

Говоря о всеобщности правовой нормы, Г. Харт выделяет два ее смысла, которые он определяет, соответственно, как смысл абстрагирующий и генерализирующий. Норма не является передачей приказа от одного лица к другому: она сначала адресуется к всеобщему классу личностей, а затем маркирует собой всеобщий тип отношений. Таким образом, «модель налетчика на банк» должна быть модифицирована этой двойной всеобщностью, чтобы стать ближе к форме модели, объясняющей природу нормы.

Второй модификацией императива, согласно Г. Харту, является долговечность и устойчивость нормы и ее действия. В отличие от приказа налетчика, действие которого завершается вместе с ситуацией самого преступления, закон, понимаемый как предписание отношения, поддерживаемое угрозой санкции, действует до тех пор, пока не будет отменен. Его Г. Харт сравнивает с дамкловым мечом, постоянно висящим над головой своего адресата.

Третьей модификацией императива Г. Харт называет повиновение, соразмерное привычке. Чтобы обосновать выделенные качества стабильности и континуальности правовой системы, следует также принять, что большинство нормативных императивов действуют в пространстве взаимного влияния личностей друг на друга. Г. Харт вслед за Дж. Остином обозначает этот феномен как чувствительность к «всеобщей привычке».

Четвертую модификацию императива, делающего его правовой нормой, Г. Харт связывает с идеей суверенитета. Компетенция утверждения правовой нормы требует, во-первых, территориального суверенитета, и, во-вторых, независимости от других правовых систем.

Только в случае модификации императива как некоторого социального факта по всем четырем указанным основаниям, этот императив может состояться в качестве правовой нормы. То есть может от простого социального факта возвыситься до нормативного социального факта. В свою очередь, «модифицированные» таким образом нормы Г. Харт предлагает разделять на уполномочивающие и обязывающие нормы. Нормы морали, в общем и целом, соответствуют правовым нормам, но это соответствие также не является прямолинейным и очевидным, а нуждается в своих, дополнительных, «модификациях».

В итоге оказывается, что нормы мы можем трактовать как абстрактные и генерализованные, устойчивые во времени, психологически, социально и политически обусловленные императивы. При этом их «субстанцией» все равно остается эмпирически фиксируемый «социальный факт», лишь подвергающийся нами определенной интерпретации. Однако апелляция, к такого рода интерпретации, которую мы находим в аналитической юриспруденции, может вызвать ответные претензии, прежде всего, в связи с возможной неубедительностью интерпретации, возможными подозрениями в ее произвольности и ангажированности.

Но, ведь, даже сама по себе возможность таких подозрений лишает императивную трактовку правовых норм качеств всеобщности. Правовые нормы должны быть без всяких оговорок признаны личностью и социальным сообществом как нечто значимое для них, диктуемое их внутренним содержанием или санкционированное со стороны того, что обладает для них высшей ценностью. В противном случае право окажется не выражением свободы, а скрытой формой произвола. Ссылки же на возможные «модификации» социального факта такого насилия, вряд ли, смогут что-либо здесь изменить. В итоге правовая мысль неизбежно должна снова вернуться к вечному для себя вопросу об абсолютной природе права, о его всеобщем начале.

Замаскированная нерешенность данного вопроса в аналитической юриспруденции в конечном итоге и стимулировала последующие дискуссии, среди которых наиболее заметной была дискуссия Г. Харта и Р. Дворкина.

Критика Г. Харта, а таким образом и всей аналитической традиции, велась Р. Дворкиным (1931 – 2013) с позиций теории естественного права, реформированной на основании феноменологической методологии в ее преимущественно (у позднего Р. Дворкина) герменевтическом варианте с устойчивым акцентом на вопросах отношения права и этики [23, с. 449; 1; 25; 26; 27; 28].

Общий недостаток юридического позитивизма (и аналитической юриспруденции как его варианта) состоит в том, что позитивисты теряют ценностные и моральные предпосылки правовых принципов. При этом совершенно недопустимо отделение права от морали, поскольку правовые принципы по их сути Р. Дворкин считает, прежде всего, некими моральными стандартами, которым невозможно дать какую-либо дефиницию, лишь основываясь на комплексе концептуальных положений господствующей правовой теории. Каждая правовая дискуссия, утверждает Р. Дворкин, неизбежно приведет к необходимости определения таких базовых принципов [30, с. 72].

Именно такое видение права актуализируется в «Hart-Dworkin-Debatte» [23, с. 448]. Сам Р. Дворкин указывает на то, что эти дебаты всего лишь сыграли роль одной из возможных площадок для более значительной по своим основаниям и задачам борьбы с позитивизмом в праве: «Я хотел бы предпринять всеобщее наступление на позитивизм и я буду использовать версию Г.Л.А. Харта как мишень, раз для этого требуется определенная мишень» [24, с. 181].

Для этого, следуя своей установке на выявление соответствия теории практике, Р. Дворкин, прежде всего, указывает на то, что общетеоретические посылки позитивизма в трактовке Г. Харта (при их изложении Г. Дворкин редуцирует их до базовых положений Дж. Остина) противоречат реальному опыту англо-американской юридической практики.

Ссылаясь на опыт судейской практики, Р. Дворкин выдвигает в качестве главного пункта своего расхождения с императивной концепцией правовых норм Г. Харта (и, шире, позитивизма в целом) невозможность обойтись при разрешении сложных дел в суде лишь позитивными нормами права (Р. Дворкин называет их «правилами»), без учета всеобщих принципов права [24, с. 28].

Правила и всеобщие принципы в праве, согласно Р. Дворкину, объединяет их общая телеологическая природа: и те, и другие базируются на отношении к цели. Эту цель Р. Дворкин в духе Г. Кельзена определяет как нечто «должное». Но в отношении к этой цели правила и принципы действуют по-разному. Применение правовых правил в случае их противоречия друг другу требует исключения одного из них из практики правоприменения в целом или же в данном конкретном случае. Напротив, всеобщие принципы в случае конкуренции друг с другом сохраняются сообществом, просто одни из них в процессе социально-правовой коммуникации, выходят на передний план, а другие, наоборот, временно отступают, полностью сохраняя при этом свою ценность и возможность быть востребованными обществом в обозримом будущем.

Р. Дворкин исходит из того, что юридический позитивизм либо полностью отрицает всеобщие принципы права, как не имеющие прямых эмпирических аналогов, либо оставляет их исключительно в ведении юридической метафизики. Таким образом, речь идет, прежде всего, об уточнении содержания правовых принципов и о введении этого содержания в теоретический дискурс, возникающий в интертекстуальном пространстве аналитической и феноменологической правовой литературы. Само понятие «принципа» было вполне устоявшимся в англо-саксонской юридической литературе понятием задолго до Р. Дворкина и понималось оно в качестве комплекса определяющих идей, стоящих «за спиной» правовых высказываний и текстов законодательных актов.

В числе важнейших и высших принципов Р. Дворкин называет право на свободу, на жизнь и на стремление к счастью. Эти принципы, по мнению швейцарского историка правовых учений М. Зенна, Р. Дворкин воспринял из общепринятого толкования американской конституции [31, с. 157]. Однако, еще более основополагающим принципом Р. Дворкин считает принцип равенства, из которого непосредственно следуют принципы, указанные выше [11, с. 8-11]. Идею принципа равенства Р. Дворкин, утверждает М. Зенн, заимствовал у Дж. Ролза [31, с. 157]. Все эти принципы могут конкурировать между собой, противоречить друг другу, «поскольку право является постоянно развивающейся системой. Право живет не логикой, а опытом» [30, с. 31]. В этом случае, разумеется, невозможно говорить о значимости общих принципов права для реальной юридической практики.

При этом Р. Дворкин подчеркивал, что сама по себе правовая коммуникация, ранжирующая правовые правила, не может обеспечить реализацию правовых принципов. Наряду с динамикой коммуникации в праве необходима и статика Основного закона, фиксирующего связь изменчивого и всеобщего в праве. В противном случае правовая жизнь обречена на деградацию: «Дворкин утверждает, что за последние десять лет жизнь людей в Великобритании становилась все менее и менее свободной как следствие усиленных мер по борьбе расширяющих полномочия охранительных органов, а также повсеместной политической цензуры. По мнению Дворкина, это приводит к повсеместному попранию самых базовых прав человека и свидетельствует о необходимости принятия писаной конституции Европейским союзом» [21, с. 25].

Поэтому вступая в полемику с позитивистами и апеллируя к идее правового принципа, Р. Дворкин должен был объяснить, как «право может изменяться, оставаясь при этом неизменным. И как возможно дать два противоположных ответа на один и тот же вопрос, будучи правым в каждом из случаев» [21, с. 21]. Таким образом, вопрос о соотношении, с одной стороны, изменчивости в праве (в том числе и в исторической перспективе), и его абсолютных, вечных принципов, с другой стороны, является одним из постоянных вопросов в теории пра-

ва. Именно в актуализации в современном теоретико-правовом дискурсе проблемы всеобщего в праве состоит, как нам представляется, основное значение феномена «Hart-Dworkin-Debate» в истории современной правовой мысли.

Положение Р. Дворкина о многообразии правовых правил и, главное, о равной ценности для общества, государства и личности общих правовых принципов, которые не отрицают и не уничтожают друг друга в случае взаимного противоречия, предполагает также допустимость и равную значимость различных теоретических платформ в понимании природы права. Такой подход в изложении Р. Дворкина неизменно приобретает и практическую значимость, поскольку право для него – это процесс дискурсивной коммуникации относительно правовых правил и принципов, которая становится возможной именно благодаря приданию представлениям о принципах дискурсивной формы. Поэтому не будет натяжкой сказать, что многообразие и определенная равнозначность различных правовых теорий является необходимым условием осуществления коммуникации, генерирующей право.

Созвучной выводам оксфордского профессора оказалась так называемая компрехендная теория права, которую предложили научной общественности ведущие петербургские ученые в области юриспруденции и философии права профессор В.П. Сальников и профессор С.И. Захарцев [2; 3; 9]. Хотя теоретические источники, на которые они опирались (это, прежде всего, – классическая философия права, труды советских и российских правоведов), не совпадают с концептуальными предпосылками ни аналитической юриспруденции, ни феноменологической модели права на Западе, их работы вызвали значительный интерес за рубежом среди сторонников именно этих направлений правовой мысли. Свидетельством тому стал перевод на английский язык и публикация в Кембридже фундаментального труда петербургских авторов, обобщающего результаты предыдущих исследований [32].

Компрехендная теория права В.П. Сальникова и С.И. Захарцева основана на понимании права как сложного социального явления, многоаспектного и противоречивого [5, с. 11-24]. Поэтому многосторонности феномена права должна соответствовать многоаспектность подхода к созданию научной модели права. Это многоаспектность выражается в том, что в процессе взаимодействия и противоборства различные правовые теории не «уничтожают», а диалектически дополняют друг друга, формируя интегративную модель права [7, с. 39-47]. Каждая из таких теорий объективно раскрывает определенную существенную грань феномена права. Вместе с тем речь, отнюдь, не идет о плюралистическом подходе. Напротив, авторы последовательно проводят установку на именно монистический подход в правовой теории [4, с. 196-209].

Диалектическое разрешение этого противоречия осуществляется через переход к еще более высокому уровню научного обобщения – к метафизике права (понятие, в последнее время активно используемое, как уже отмечалось, в аналитической юриспруденции). Общие теоретико-методологические основы такой метафизики права как философского основания компрехендной теории права был разработан указанными авторами совместно с профессором Д.В. Масленниковым в фундаментальной работе «Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права» [10].

В метафизике права ученые исходят из идеи внутреннего единства историко-философского процесса. Это единство, имманентно скрытое в историческом процессе развития философии, обнаруживает себя и актуализируется в свете логической формы философии, разработанной немецкими классиками [8, с. 178-186]. В таком качестве философия становится источником продуцирования основоположений метафизики права, раскрывающей природу последнего как формы различения добра и зла [15, с. 42-46]. В свою очередь, метафизика права форматирует компрехендную теорию права, дающую ключ к интеграции различных правовых учений и примыкающих к ним этических концепций [6, с. 39-57].

Данный подход, как нам представляется, перекликается с позицией Г. Фреге и всей последующей аналитической традицией в праве, основанной на идее самообоснования логики, когда формы логики выражают природу объективных, вневременных мыслей, а не человеческого мышления, схватываемого в законах обычной грамматики. Но при этом авторы «Логоса права...» уходят от своеобразного платонизма аналитической юриспруденции, поскольку, опираясь на немецких классиков, само логическое они понимают не только как субстанциальную идею, но и как субъект.

Таким образом, мы можем видеть в работах современных российских авторов оригинальный подход к решению теоретически значимых проблем правового мышления, актуализированных в западной юриспруденции, в том числе и в трудах крупнейших представителей аналитической и феноменологической традиции в праве. При этом речь идет не о заимствовании идей современных западных авторов и даже не о сколько-нибудь заметном их влиянии на российских ученых, а о действительной разработке ими правовой науки на теоретико-методологической «платформе» независимой, «суверенной», философии права.

Библиографические ссылки

11. Дворкин Р. О правах всерьез. М. : РОССПЭН, 2004.
12. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права : монография / под общ. ред. В.П. Сальникова. М. : Норма, 2014.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. М. : Юрлитинформ, 2015.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Проблема монизма-плюрализма в философии // Мир политики и социологии. 2015. № 10. С. 196-209.
15. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 8. С. 11-26.
16. Захарцев С.И., Сальников В.П. Об обосновании компрехендного подхода для познания права // Теория государства и права. 2016. № 2. С. 39-58.
17. Захарцев С.И., Сальников В.П. Об интегративном правопонимании в контексте компрехендной теории права // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 2. С. 39-47.
18. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. К вопросу о значении логической формы философии для понимания природы абсолютного в праве // Мир политики и социологии. 2018. № 2. С. 178-187.
19. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия и юридическая наука : монография. М. : Юрлитинформ, 2019.
20. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М. : Юрлитинформ, 2019.
21. Игнаткин О.Б. «Равенство в свободе»: принципы политической философии Рональда Дворкина. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2008.
22. Касаткин С.Н. Проблемы спецификации юридического языка в учении Герберта Харта 1949 года // Вестник Томского государственного университета: Философия. Социология. Политология. 2017. № 37. С. 46-56.
23. Касаткин С.Н. Проблема судейского усмотрения в полемике Г. Харта и Р. Дворкина: очерк основных позиций // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2018. № 4 (35). С. 21-27.
24. Касаткин С.Н. Объяснение правовых понятий в аналитической юриспруденции Г. Харта: методология и проблематизация // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. Т. 13. № 1. С. 43-71.

25. Масленников Д.В. Право как форма различения добра и зла // Юридическая мысль. 2015. № 6. С. 42-47.
26. Оглезнев В.В. Истоки современной аналитической философии права // Вестник Томского государственного университета: Философия. Социология. Политология. 2009. № 4 (8). С. 81-88.
27. Оглезнев В.В. Юридический язык и аналитическая философия права // Философия права. 2014. № 3 (64). С. 7-10.
28. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Аналитическая философия права: юридический язык как предмет исследования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 5 (322). С. 178-193.
29. Харт Г.Л.А. Понятие права. СПб. : Санкт-Петербургский университет, 2007.
30. Харт Г.Л.А. Философия и язык права. М. : Канон+, 2017.
31. Чурносов И.М. Правовая концепция Рональда Дворкина : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
32. Barauna M. Normative Facts: Kelsen vs. Hart // XXVI World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy. Belo Horizonte: Forum, 2013.
33. Barbosa L.F. Influence of Ethics in the Concept of Law: Actual Stage of the «Hart-Dworkin Debate» // XXVI World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy. Belo Horizonte: Forum, 2013. P. 448-449.
34. Braun J. Rechtsphilosophie im 20. Jahrhundert. Die Rückkehr der Gerechtigkeit. München: Verlag C.H. Beck, 2001.
35. Dworkin R. Is Democracy Possible Here? Principles For a New Political Debate. Princeton: Oxford, 2006.
36. Dworkin R. Justice for hedgehogs. London: Belknap Press, 2011.
37. Dworkin R. Law's Empire. London: Fontana, 1986.
38. Dworkin R. Sovereign Virtue: The Theory and Practice of Equality. -Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000.
39. Hart H. Recht und Moral. Göttingen, 1971.
40. Heinold A. Die Prinzipientheorie bei Ronald Dworkin und Robert Alexy. Berlin: Duncker&Humbolt, 2011.
41. Senn M. Rechts- und Gesellschaftsphilosophie. Historische Fundamente der europäischen, nordamerikanischen, indischen sowie chinesisch Rechts- und Gesellschaftsphilosophie. Eine Einführung mit Quellenmaterial. Zürich: Dike Verlag, 2012.
42. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018.

References

1. Dworkin R. O pravakh vs'er'yeyz (On rights in earnest). Moscow, ROSSPEN, 2004.
2. Zakhartsev S.I. Nekotoryye problemy teorii i filosofii prava (Some problems of theory and philosophy of law), monografiya, pod obshch. red. V.P. Sal'nikova. Moscow, Norma, 2014.
3. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Filosofiya. Filosofiya prava. Yuridicheskaya nauka (The philosophy of law. Jurisprudence). Moscow, Yurlitinform, 2015.
4. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Problema monizma-plyuralizma v filosofii (The problem of monism-pluralism in philosophy). *Mir politiki i sotsiologii*, 2015, No. 10, pp. 196-209.
5. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Komprekhendnaya teoriya poznaniya prava (Comprehensive epistemology of law). *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2015, No. 8, pp. 11-26.
6. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Ob obosnovanii komprekhendnogo podkhoda dlya poznaniya prava (On the justification of the compromised approach for epistemology of law). *Teoriya gosudarstva i prava*, 2016, No. 2, pp. 39-58.

7. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. Ob integrativnom pravoponimaniy v kontekste kompre-khendnoy teorii prava (On integrative legal understanding in the context of comprehensive theory of law). *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*, 2017, No. 2, pp. 39-47.
8. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. K voprosu o znachenii logicheskoy formy filosofii dlya ponimaniya prirody absolyutnogo v prave (To the question of the significance of the logical form of philosophy for understanding the nature of the absolute in law). *Mir politiki i sotsiologii*, 2018, No. 2, pp. 178-187.
9. Zakhartsev S.I., Sal'nikov V.P. *Filosofiya i yuridicheskaya nauka (Philosophy and legal science), monografiya*. Moscow, Yurlitinform, 2019.
10. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. Logos prava: Parmenid – Gegel' – Dostoyevskiy. K voprosu o spekulyativno-logicheskikh osnovaniyakh metafiziki prava (Logos of law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. To the question of speculative-logical foundations of metaphysics of law). Moscow, Yurlitinform, 2019.
11. Ignatkin O.B. «Ravenstvo v svobode»: printsipy politicheskoy filosofii Ronal'da Dvorkina («Equality in freedom»: the principles of Ronald Dworkin's political philosophy). Moscow, Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet, 2008.
12. Kasatkin S.N. Problemy spetsifikatsii yuridicheskogo yazyka v uchenii Gerberta Kharta 1949 goda (Problems of specification of the legal language in the teaching of Herbert Hart of 1949). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2017, No. 37, pp. 46-56.
13. Kasatkin S.N. Problema sudeyskogo usmotreniya v polemike G. Kharta i R. Dvorkina: ocherk osnovnykh pozitsiy (The problem of judicial discretion in the controversy of H. Hart and R. Dworkin: an outline of the main positions). *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskiye nauki*, 2018, No. 4 (35), pp. 21-27.
14. Kasatkin S.N. Ob'yasneniye pravovykh ponyatiy v analiticheskoy yurisprudentsii G. Kharta: metodologiya i problematizatsiya (Explanation of legal concepts in H. Hart's analytical jurisprudence: methodology and problematization). *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*, 2018, T. 13, No. 1, pp. 43-71.
15. Maslennikov D.V. Pravo kak forma razlicheniya dobra i zla (Law as a form of distinguishing between good and evil). *Yuridicheskaya mysl'*, 2015, No. 6, pp. 42-47.
16. Ogleznev V.V. Istoki sovremennoy analiticheskoy filosofii prava (The origins of modern analytical philosophy of law). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2009, No. 4 (8), pp. 81-88.
17. Ogleznev V.V. Yuridicheskyy yazyk i analiticheskaya filosofiya prava (Legal language and analytical philosophy of law). *Filosofiya prava*, 2014, No. 3 (64), pp. 7-10.
18. Ogleznev V.V., Surovtsev V.A. Analiticheskaya filosofiya prava: yuridicheskyy yazyk kak predmet issledovaniya (Analytical philosophy of law: legal language as a subject of research). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye*, 2015, No. 5 (322), pp. 178-193.
19. Khart G.L.A. *Ponyatiye prava (The concept of law)*. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskiy universitet, 2007.
20. Khart G.L.A. *Filosofiya i yazyk prava (Philosophy and language of law)*. Moscow, Kanon+, 2017.
21. Churnosov I.M. *Pravovaya kontseptsiya Ronal'da Dvorkina (The legal concept of Ronald Dworkin)*, dis. ... kand. jurid. nauk. Moscow, 2014.
22. Barauna M. Normative Facts: Kelsen vs. Hart. *XXVI World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy. Belo Horizonte*, Forum, 2013.
23. Barbosa L.F. Influence of Ethics in the Concept of Law: Actual Stage of the «Hart-Dworkin Debate». *XXVI World Congress of Philosophy of Law and Social Philosophy. Belo Horizonte*, Forum, 2013, pp. 448-449.

24. Braun J. Rechtsphilosophie im 20. Jahrhundert. Die Rückkehr der Gerechtigkeit. München: Verlag C.H. Beck, 2001.
25. Dworkin R. Is Democracy Possible Here? Principles For a New Political Debate. Princeton, Oxford, 2006.
26. Dworkin R. Justice for hedgehogs. London, Belknap Press, 2011.
27. Dworkin R. Law's Empire. London, Fontana, 1986.
28. Dworkin R. Sovereign Virtue: The Theory and Practice of Equality. Cambridge, MA, Harvard University Press, 2000.
29. Hart H. Recht und Moral. Göttingen, 1971.
30. Heinold A. Die Prinzipientheorie bei Ronald Dworkin und Robert Alexy. Berlin, Duncker&Humbolt, 2011.
31. Senn M. Rechts- und Gesellschaftsphilosophie. Historische Fundamente der europäischen, nordamerikanischen, indischen sowie chinesisch Rechts- und Gesellschaftsphilosophie. Eine Einführung mit Quellenmaterial. Zürich, Dike Verlag, 2012.
32. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing, 2018.

Дата поступления: 12.08.2019

Received: 12.08.2019

УДК 340.1+34(091)

ПРАВОТВОРЧЕСТВО КАК ВИД ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ШАБУРОВ Анатолий Степанович

доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права УРГЮУ, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: shaburov.41@mail.ru

LAW-MAKING AS A FORM OF LEGAL ACTIVITY

SHABUROV Anatoly Stepanovich

Doctor of Law, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: shaburov.41@mail.ru

Понятие «правотворчество» не является новым для юридической науки. Тем не менее, многие вопросы, связанные с правотворчеством, до сегодняшнего дня остаются спорными. В современной правовой науке используются такими понятиями, как «правотворчество», «законотворчество», «нормотворчество» и т.д., которые при поверхностной трактовке кажутся однопорядковыми. В то же время при углубленном рассмотрении их содержание все же различно. Однако в них отражается содержание деятельности, связанной с формированием правовых норм. Все это обуславливает необходимость разработки единого подхода к пониманию правотворчества как основной формы юридической деятельности.

The concept “law-making” is not new to legal science. Nevertheless, many issues related to law-making remain controversial to this day. In modern legal science, we use such concepts as “law-making”, “legislative drafting”, “rulemaking”, etc., which, when superficially interpreted, seem to be the same. Withal, under deep examination, their content is still different. However, they reflect the content of activities related to the formation of legal norms. All this necessitates the development of a unified approach to understanding law-making as the main form of legal activity.

Ключевые слова: право, правотворчество, юридическая деятельность, правоприменительная деятельность, нормативный акт, закон, законодательство, правовое регулирование, юридическая сила, юридическая техника.

Key words: law, law-making, legal activity, law enforcement activity, normative act, law, legislation, legal regulation, legal force, legal technique.

Правотворчество, его особенности, формы и приемы не являются новыми для юридической науки. Однако, несмотря на достаточно большое количество работ по вопросам правотворчества, многие вопросы остаются спорными, а отдельные из них в последнее время только поставлены. К сожалению, в отечественной науке не выработано даже единого определения понятия «правотворчество». Деятельность по созданию норм права характеризуется через разные правовые категории, обозначаемые различными терминами. Эта деятельность определяется как «правотворчество», «законотворчество», «нормотворчество», «правоформирование», «правообразование», «правоустановление» и даже «нормосозидание» [1, с. 645].

При поверхностной трактовке эти явления однопорядковые, ибо все они связаны с созданием правовых норм, их формированием и закреплением. Однако при углубленном рассмотрении содержание данных терминов различно и по сущности, и по форме. Но в них отражается содержание деятельности, связанной с формированием правовых норм, отображаемое соответствующим термином.

Многообразие подходов к понятию любых, а тем более, правовых, явлений требует их научно-теоретического анализа, ибо указанное разнообразие порождает противоречия в трактовке самого явления, затрудняет нормативную регламентацию правотворчества и составляющих его элементов. Подчеркивая значимость определения понятий по рассматриваемой проблеме с учетом степени ее важности, С.Г. Дробязко указывал, что «в этом случае следует исходить из сущностно-ориентационной и конкретно-функциональной значимости категорий, понятий, терминов, недопущением их подмены и исключительной важности точности юридической терминологии как в познании рассматриваемого процесса, так и в практической деятельности по созданию правовых норм» [2, с. 313].

Особенности правотворчества, рациональное использование его средств и приемов целесообразно рассматривать в рамках категории «деятельность». Это позволит устранить спорные проблемы и разрешить ряд практических вопросов. Еще в шестидесятые годы XX столетия В.Х. Чхиквадзе писал о правотворчестве как о важной отрасли государственной деятельности [3, с. 364]. Так его характеризует и большинство современных авторов. В частности, Ю.М. Бунина понимает правотворчество как «вид юридической деятельности, осуществляемой в целях разработки, принятия и прекращения действия правовых норм» [4, с. 9]. А.И. Петров рассматривает правотворчество в рамках деятельности законодательных органов [5].

В целях характеристики понятия данного явления, определения места в системе юридических категорий необходимо определить его содержание. Толковым словарем современного русского языка деятельность толкуется как «работа, систематическое применение своих сил в какой-нибудь области» [6, с. 114]. Согласно философскому словарю, «деятельность – это форма активного отношения человека к окружающему его миру с целью преобразования» [7, с. 193]. Следовательно, деятельность включает цель, средства, результат и форму определенного процесса. То есть когда человек определяет характер своего поведения и реализует его в определенных объективных условиях, на основе уже сложившейся системе ценностей оно выступает как его деятельность. Т.е. можно сказать, что деятельность – это способ существования общества. Это целенаправленный процесс, понимаемый как совокупность действий субъекта по удовлетворению своих потребностей и интересов. Г.В. Атаманчук характеризует деятельность как проявление физических способностей человека приспосабливаться, созидать, изменять, использовать и преобразовывать природную и социальную среду сво-

его обитания [8, с. 13], С.Л. Рубинштейн – как активность субъекта, направленную на изменение мира, на производство продуктов материальной или духовной культуры [9, с. 98]. В зависимости от сферы социальной действительности, в которой осуществляется деятельность, можно говорить о таких ее видах, как деятельность духовная, экономическая, политическая, в том числе, и юридическая.

Нередко авторы поведение людей в различных сферах определяют как деятельность без глубокого анализа ее сущности и особенностей. Б.Ф. Ломов полагал, что «использование категории «деятельность» без понимания ее сути ничего иного кроме путаницы и схоластики дать не может» [10, с. 9]. Поскольку каждый вид деятельности имеет определенные специфические особенности, формы, функции, все это требует и определенного ее терминологического закрепления. Как отмечает Д.С. Лотте, в пределах определенной терминологической системы термин должен соответствовать только одному понятию, связанному с определенной наукой. При этом он выступает и как средство определения объема данного понятия [11, с. 7]. Поэтому точное определение юридической деятельности, отражающее ее содержание, должно способствовать и развитию определенных общественных отношений. Пока же при характеристике деятельности в сфере правового регулирования отсутствует единство содержания. В.Н. Кудрявцев отождествляет правовую деятельность с правовым поведением [12, с. 11-16], М.Н. Перфильев – с правоотношениями [13, с. 103], а И.Ф. Покровский сводит ее к правовой активности [14].

Однако при анализе юридической деятельности с самых широких позиций она характеризуется весьма содержательно. Так, при характеристике такой ее формы как правотворчество, подчеркивается, что она являет собой «основное направление социальной деятельности, создающее условия для существования и воспроизводства самого общества» [5]. Имея своим предметом процесс создания и реализации норм права, юридическая деятельность отличается от других видов социальной деятельности.

При характеристике любого вида деятельности важно определить ее предмет. В основу правовой деятельности положен процесс создания и реализация права, чем она и отличается от иных видов социальной деятельности [15, с. 29; 16, с. 13]. Поскольку право является важнейшей составляющей общественной жизни, следует говорить и о специфической деятельности в этой сфере, которая определяется в науке как «правовая (юридическая) деятельность», являющаяся, по мнению К.М. Левитана, весьма сложной и богатой по содержанию [17]. Среди ее важнейших черт следует выделить большое разнообразие профессиональных задач, программа решений которых, их правовое регулирование, как правило, сформулированы в правовых нормах.

К сожалению, среди отечественных ученых отсутствует терминологическое единство в определении этой правовой категории. Одни авторы определяют эту деятельность как «юридическую», другие как «правовую». По мнению Б.В. Шагиева, более приемлемо определять ее как правовую. Хотя при этом автор указывает, что «правовая» деятельность – понятие более широкое, чем «юридическая». Этот вывод обосновывается тем, что «правовая» связана с деятельностью всех субъектов права, тогда как «юридическая» деятельность ограниченная, поскольку она связывается лишь с деятельностью государственно-властных структур [15, с. 19-20]. В.Н. Карташов, напротив, полагает, что правильнее эту деятельность следует трактовать как «юридическую», а не «правовую» [18, с. 12]. Естественно, они близки по содержанию, ибо обе связаны с правом, с определенной деятельностью в сфере правового регулирования, однако это не означает их идентичности. Поскольку право, достаточно богатое по содержанию явление, то и правовая деятельность весьма разнообразна и осуществляется в различных формах и видах, имеющих различное содержание, функции и терминологическое обозначение. Поэтому точное выявление содержания этого вида социальной деятельности и

ее четкое терминологическое определение, разграничение «правовой» и «юридической» деятельности имеет как научно-теоретическое, так и практическое значение.

На наш взгляд, подчеркивая научную и практическую самостоятельность, их нельзя противопоставлять, а следует рассматривать как самостоятельные, но взаимосвязанные юридические категории. По мнению Б.В. Шагиева, юридическая деятельность признается юридической не потому, что она направлена на право, а потому, что приводит к юридически значимым результатам, определенным образом меняет, либо, наоборот, сохраняет наличие правовой реальности [15, с. 7].

Интересна в этом отношении мысль немецкого автора Густава Родбруха: «Право не потому право, что классифицирует отдельные правовые явления, а скорее наоборот – правовые явления лишь потому «правовые», что охватываются понятием права» [19, с. 47]. Б.В. Шагиев рассматривает юридическую деятельность как универсальную общетеоретическую категорию. Не случайно, осуществляя ее комплексное общеправовое исследование, он анализирует ее в рамках существующих правовых институтов и явлений: системы права, правовой системы, правового регулирования, правоотношений и т.д. Подобный подход привел к тому, что Б.В. Шагиев, исследуя именно юридическую деятельность, по сути, нередко отождествляет ее и содержательно и терминологически с деятельностью правовой.

Деятельность в правовой сфере в силу ее специфических особенностей рассматривается и с широких, и с узких позиций.

В широком смысле под юридической деятельностью понимается разнообразная деятельность любых субъектов по формированию, толкованию и реализации права. Но в этом случае деятельность, по сути, отождествляется с правовым регулированием. Именно она определяется в литературе как деятельность «правовая». То есть в этом случае границы содержания такой деятельности теряются в рамках иных правовых явлений. Ее можно отождествлять с правовым поведением, юридической практикой, правовой активностью, реализацией прав и обязанностей, правоотношениями, юридическими фактами – действиями и т.д. То есть в содержание правовой деятельности включаются самые разнообразные правовые явления. Но при этом они характеризуются как деятельность, причем деятельность именно «правовая».

При таком понимании в качестве субъектов подобной деятельности могут выступать любые субъекты права: индивиды, социальные группы, государственные и общественные организации. Именно поэтому отдельные авторы понимают ее как деятельность любых субъектов, которые реализуют права и обязанности путем их соблюдения, исполнения или использования. Это позволило Я.В. Турбовой характеризовать такую деятельность и как «правовую активность», и как «правореализующую деятельность» [20, с. 25]. Столь же широко понимают правовую деятельность авторы учебника по социологии права и другие авторы, признавая в качестве юридической деятельности правомерную деятельность граждан и иных субъектов права, направленную на сохранение либо совершенствование механизма правового регулирования и его элементов [21, с. 167-168; 22]. Но при такой характеристике юридическая деятельность может осуществляться не только в форме исполнения юридической обязанностей, но и в форме бездействия, пассивного поведения при соблюдении запретов. В этом случае не только утрачивается содержание деятельности как деятельности юридической, но и содержание деятельности как таковой.

На наш взгляд, более полно содержание рассматриваемой категории можно понять, анализируя ее не с широких, а с более узких позиций. В этом случае она характеризуется не как «правовая» деятельность, а как деятельность «юридическая». Так явление рассматривает большинство авторов [23; 24, с. 44; 25, с. 31-34; 16, с. 5]. Рассматривая данную категорию именно таким образом, В.Н. Карташов определяет юридическую деятельность как опосредованную правом профессиональную, трудовую, государственно-властную деятельность по

вынесению правовых решений, направленных на внесение организованности в общество в интересах защиты прав и свобод, охраны общества и государства [18, с. 12]. Ее целью, как полагает автор, является выполнение различных общественных функций и решение задач (создание законов, осуществление правосудия, конкретизация права и т.д.) и удовлетворение тем самым как общесоциальных, групповых, так и индивидуальных потребностей и интересов.

Юридическая деятельность имеет своим предметом процесс создания и обеспечения реализации права, что позволяет характеризовать ее как особый, отличный от других, вид социальной деятельности. Но при этом она связывается лишь с государственно-властной деятельностью компетентных субъектов, что и отличает ее от правовой деятельности, которая имеет сложную структуру с такими элементами, как субъект, объект, цели, результаты и последствия. В зависимости от подхода к содержанию деятельности в праве по разному характеризуются и ее субъекты: общество и законодательно закрепленные его элементы (государство, семья, личность....). Так, В.Н. Кудрявцев в качестве таковых видел только «должностных лиц» [12, с. 148].

Если же характеризовать эту деятельность как «правовую», то понятие «субъект» можно распространять и на индивидов, и на организации, не обладающие властными полномочиями. Объектом правовой деятельности выступают правовые отношения как структурный элемент правовой системы.

Немаловажное значение для характеристики юридической деятельности имеет ее цель, т.е. идеальный образ желаемого результата, на достижение которого направлена деятельность субъекта [7, с. 613]. Цель достигается при помощи определенных средств и способов. Важнейшим средством юридической деятельности выступают правовые акты.

Категория же «правовая деятельность» характеризует все деяния, признаваемые обществом правильными, справедливыми, какими бы субъектами они не осуществлялись. А категория «юридическая» связывается с деятельностью, которая осуществляется лишь на профессиональной основе, юристами, поскольку связана со специальными операциями по поводу правовых явлений, в силу чего требует особых знаний, умений и навыков.

Поскольку право – специфическое социальное явление, правовое регулирование неизбежно осуществляется в рамках правовой деятельности. Однако в силу волевого характера права эта деятельность не может полностью осуществляться лишь как деятельность правовая. В рамках правового регулирования она неизбежно осуществляется и как деятельность юридическая. Поэтому «юридическая» деятельность имеет неизбежный, объективно обусловленный характер, отличный от деятельности «правовой». Причем она осуществляется компетентными субъектами, компетенция и характер деятельности которых закрепляется нормативно.

Сказанное позволяет выделить основные особенности юридической деятельности, отличающие ее от других видов социальной деятельности:

1. Юридическая деятельность – это профессиональная деятельность. Ее субъектами являются компетентные государственные органы, должностные лица, наделенные государственно-властными полномочиями. Формально в организационной процедуре этой деятельности принимают участие и лица, не наделенные соответствующими властными полномочиями: секретари, переводчики, технические работники и т.д., которые не являются субъектами юридической деятельности, а лишь ее участниками, субъектами правоотношений, реализующими определенные субъективные права и юридические обязанности;

2. Юридическая деятельность осуществляется в процессуальном порядке и связана с наступлением юридически значимых последствий [26, с. 1];

3. Особенностью юридической деятельности является то, что она всегда предполагает постановку и реализацию юридически значимых целей [27, с. 34]. Как подчеркивал В.И. Ле-

нин, цель является выражением того факта, что «мир не удовлетворяет человека и человек своим действием решает изменить его» [28, с. 195];

4. Эта деятельность заканчивается принятием формально закрепленного в правовых актах решения, которое носит обязательный (или общеобязательный) характер;

5. Его принятие требует использования юридико-технических и технико-юридических средств и приемов [29, с. 10-11].

Такое понимание юридической деятельности позволяет не только обеспечить нормативную регламентацию и конкретизацию процессуальной деятельности соответствующих субъектов, но и решить ряд теоретических проблем, например, проблему характеристики правоприменения как одного из видов юридической деятельности. В частности, большинство советских авторов правоприменительную деятельность рассматривали как одну из форм реализации, наряду с соблюдением, исполнением и использованием [30, с. 3-5; 31, с. 9-12; 32, с. 7-8]. Такое понимание применения характерно и для некоторых современных авторов, которые характеризуют применение как одну из форм реализации (хотя и определяют ее в качестве «особой» формы реализации) [33, с. 320]. Более того, иногда применение понимается как деятельность любых субъектов, реализующих права и обязанности в форме правовой активности.

На наш взгляд, подобная характеристика не в полной мере отражает особенности правоприменения. Исходя из характера этого вида юридической деятельности, его места и роли в правовом регулировании, применение следует трактовать не как реализацию права, а именно как юридическую деятельность властвующих субъектов по обеспечению реализации права иными субъектами правоотношений. Будучи правовым явлением, имея правовой характер, она выступает в форме не просто правовой, а именно юридической (правоприменительной) деятельности. Она имеет определенный субъектный состав, функции, процессуальный порядок осуществления и сопровождается принятием соответствующих формальных правоприменительных актов.

В зависимости от характера юридической деятельности, ее целей и результатов различают различные ее виды: законодательная, исполнительно-распорядительная, правоприменительная, интерпретационная, контрольно-надзорная и т.д. Среди них главное, основное место занимает правотворческая деятельность – правотворчество. Правотворчество можно определить как «вид юридической деятельности, осуществляемой в целях разработки, принятия и прекращения действия юридических норм» [4, с. 9]. Ему свойственны все общие для всякой социальной деятельности признаки, такие, как предметность, упорядоченность, избирательность, системность, планомерность, целесообразность, самоорганизованность. Но для него характерны и специфические признаки, свойственные именно юридической деятельности:

1. Субъекты правотворческой деятельности – компетентные государственно-властные правотворческие органы и должностные лица;
2. Она осуществляется в строго установленном процессуальном порядке;
3. Правотворчество является обязательной начальной стадией правового регулирования и важнейшим элементом его механизма;
4. Правотворческая деятельность вносит изменение в правовую сферу, совершенствуя ее;
5. Результатом правотворчества являются нормативные правовые акты, акты общего характера, изменяющие, отменяющие или устанавливающие новые правовые нормы;
6. Нормативные акты имеют общеобязательный характер;
7. Эти акты письменно, формально закреплены, опубликованы и вступают в силу в определенном порядке;
8. В ходе формулирования норм используются специфические юридико-технические средства и приемы.

С помощью правотворчества происходит формирование и развитие позитивного права, (причем как в рамках системы права, так и системы законодательства), установление и

изменение сферы правового регулирования. В правовую систему вводятся новые средства и методы юридического воздействия, новые программы социального управления. Общесоциальная и юридическая значимость данной юридической деятельности отражается уже в терминологическом обозначении категории, которая определяется как правотворчество. Термин включает в себя две части – «право» и «творчество». Первая часть, как и иная правовая деятельность, подчеркивает ее связь с правом, правовым регулированием, характеризует направленность этой деятельности – создание права, правовых норм. Вторая же часть характеризует эту форму как творческую деятельность.

«Творчество», в соответствии со словарем, понимается как деятельность, связанная с созданием материальных и культурных ценностей. Но творчество в ходе создания норм не ограничивается лишь мыслительной процедурой по созданию текста, словесного выражения правовых актов. В этом случае правотворчество не отличалось бы от иной деятельности. Оно представляет собой длящийся во времени процесс познания и оценки правовых потребностей в создании новых норм права, их формулирования, принятия, опубликования и вступления в силу и осуществляется в рамках специального юридического процесса [34, с. 10], включающего в себя ряд необходимых этапов, стадий, которые нормативно закрепляются в соответствующих правовых актах. То есть правотворческая деятельность представляет собой материально-процессуальное образование. Не случайно в системе права различаются нормы и материального, и процессуального права. Следовательно, как особая форма юридической деятельности правотворчество можно определить как осуществляемую в определенных законодательно закрепленных формах деятельность по созданию, изменению и отмене правовых норм.

Правотворчеству, как специфической юридической деятельности, присущи и определенные субъекты. Прежде всего, остановимся на определениях правильных по сути, но не отражающих во всей полноте субъектов правотворчества. Например, В.Д. Перевалов трактует правотворчество как «деятельность компетентных органов государства по принятию, изменению и отмене правовых актов, содержащих нормы права» [35, с. 180]. Аналогично определяют правотворчество и другие авторы [36, с. 319]. То есть в этом определении, правильном, по сути, неоправданно ограничиваются субъекты правотворчества, сужается и его содержательная сторона. Подобная трактовка субъектов правотворчества была характерна для советской юридической науки, основывающейся на конституционных положениях СССР, согласно которым законодательство осуществляли исключительно государственные органы. Сегодня же правотворчество осуществляют и органы местного самоуправления, которые согласно ст. 12 Конституции России не входят в систему органов государственной власти. Правотворчество осуществляет и администрация предприятий, организаций, принимая локальные нормативные акты. Н.Н. Сенякин определяет правотворчество как деятельность всех «управомоченных органов по разработке, переработке и изданию определенных нормативных актов», хотя и понимает эту деятельность более широко, включая сюда и организационные вопросы правотворчества (подготовка проекта нормативного акта, его обсуждение соответствующей организацией и т.д.) [37, с. 368]. То есть, он необоснованно расширяет круг субъектов правотворчества, включая сюда и работников технических служб, секретарей, переводчиков и т.д., которые по существу являются не субъектами, а лишь участниками правотворчества.

Характеристика правотворчества во многом определяется и характером правопонимания. Рассмотренные выше особенности касаются в основном позитивистского подхода к праву, романо-германской правовой системы, где в отличие от англо-саксонской правовой системы формирование права, его системы принадлежит именно правотворческим органам.

В силу творческого характера правотворчества его особенности определяются и используемым законодателем типом правового регулирования. Для правотворческой юридической деятельности характерен именно разрешительный тип правового регулирования, когда

законодатель может делать только то, что разрешено. Поэтому законодательная процедура имеет четкое нормативное закрепление на всех стадиях. (Разрешено только то, что дозволено). В силу этого в законодательстве нормативно закреплены все элементы состава правотворчества [38, с. 13-19], виды и юридическая сила нормативных актов, порядок их принятия и вступления в силу. Для обычной же правовой деятельности характерен как общедозволительный, так и разрешительный тип правового регулирования.

Правотворчество, как и иные формы юридической деятельности – это профессиональная деятельность специалистов-юристов, получивших специальную профессиональную подготовку [39, с. 47]. К сожалению, юридические учебные заведения по-прежнему ориентированы на подготовку специалистов по реализации права, правоприменительной деятельности. При этом значительно слабее осуществляется подготовка специалистов, ориентированных на правотворческую деятельность [40]. И это касается не только принятия подзаконных актов, но и федеральных законов. Так, согласно Конституции России, правом законодательной инициативы обладают 705 субъекта, которые вносят в Государственную Думу около 900 законопроектов. Такое количество субъектов и проектов негативно сказывается на качестве законодательства. При этом в законодательстве отсутствуют нормы, предусматривающие ответственность за нарушение законодательной инициативы.

При характеристике правотворчества как деятельности встает вопрос и о его итогах. Пока в науке отсутствует единство о результатах правотворческой деятельности. По мнению отдельных авторов, итогом правотворчества следует считать право [41, с. 28]. А.Ф. Шебанов полагает, что результатом правотворчества является не право во всех его проявлениях, а лишь источники права [42, с. 20]. Еще более конкретно объект правотворчества трактует М.Ю. Осипов, по мнению которого «объектом правотворчества являются нормы права» [43, с. 67]. Н.А. Любимов подчеркивает, что основным объектом правотворчества в российской правовой системе принято считать правовой акт [44, с. 4].

На наш взгляд, наиболее точной представляется позиция М.Ю. Осипова, т.к. именно нормы права в наиболее полной степени отражают сущность права. Источники же права, нормативные акты, характеризуют лишь его форму. Нельзя признать правильной и позицию Н.А. Любимова, ибо понятие «правовой акт» характеризует не только результат правотворчества, но и иных форм юридической деятельности. Это могут быть и договоры, и правоприменительные, и интерпретационные акты.

Таким образом, правотворчество – важнейшая юридическая деятельность, первичная, определяющая стадия правового регулирования. Она предшествует как правоприменительной, правоохранительной, так и иным формам юридической деятельности. По своему характеру и месту в системе правового регулирования она направлена на создание и совершенствование единой, внутренне согласованной и непротиворечивой системы норм, регулирующей разнообразные общественные отношения.

Библиографические ссылки

1. Баранов В.М. Очерки техники правотворчества. Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2015.
2. Общая теория права : пособие / В.А. Абрамович и др. ; под общ. ред. С.Г. Дробязко, С.А. Калинина. Минск : изд-во «Четыре четверти», 2014.
3. Чхиквадзе В.М. Государство. Демократия. Законность: ленинские идеи и современность. М., 1967.
4. Бунина Ю.М. Правотворчество как вид юридической деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004.

5. Петров А.И. Законотворчество как особый вид деятельности представительных органов власти : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2007.
6. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М. : «Аделант», 2015.
7. Ярещенко А.П. Новейший философский словарь. Ростов на Дону : Феникс, 2006.
8. Атаманчук Г.В. Управление: сущность, ценность, эффективность : учебное пособие для вузов. М., 2006.
9. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1976.
10. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М. : Наука, 1984.
11. Лотте Д.С. Основы построения научно-теоретической терминологии. М. : Изд. АН СССР, 1961.
12. Кудрявцев В.Н. Право и поведение. М., 1978.
13. Перфильев М.Н. Общественные отношения. Л., 1974.
14. Покровский И.Ф. О правовой активности личности и формировании правосознания // Вестник ЛГУ (Серия экономики, философии и права). 1971. № 17.
15. Шагиев Б.В. Юридическая деятельность современном российском обществе (теоретико-правовой аспект) : дис....канд. юрид. наук. М., 2003.
16. Беляев В.П. Юридическая деятельность: признаки, субъекты, функции // Право и образование. 2004. № 6.
17. Левитан К.М. Юридическая педагогика. М. : Норма, 2008.
18. Карташов В.Н. Юридическая деятельность: сущность, структура, виды. Ярославль, 1989.
19. Родбрух Г. Философия права : пер. с немец. М.: «Международные отношения», 2014.
20. Турбова Я.В. Правосознание в структуре юридической деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000.
21. Социология права : учебное пособие / под ред. В.М. Сырых. М., 2001.
22. Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе. Казань, 2005.
23. Чуфаровский Ю.В. Юридическая деятельность: понятие и структура, ее ценность и значимость // Юрист. 1994. № 4.
24. Антонов А.С. Юридическая деятельность: понятие, структура и содержание // Юридическое образование и наука. 2002. № 1.
25. Кирсанов А. Юридическая деятельность органов в системе государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Теоретические аспекты // Закон и право. 2003. № 9.
26. Беляев В.П., Сорокина В.В. Процессуальная форма юридической деятельности: вопросы теории и практики. М., 2011.
27. Шапсугов Д.Ю. Теория права и государства. Ростов-на-Дону, 2003.
28. Ленин В.И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 29. М. : Издательство политической литературы, 1973.
29. Шагиев Б.В. Юридическая деятельность как категория общей теории права. М., 2001.
30. Ткаченко Ю.Г. Применение норм советского социалистического права. М., 1955.
31. Лазарев В.В. Применение советского права. Казань, 1972.
32. Дюрягин И.Я. Применение норм советского права. Свердловск, 1973.
33. Винниченко О.Ю., Попов В.И. Теория государства и права : учебное пособие. М., 2010.
34. Осипов М.Ю. Понятие правовых процессов и их соотношение с юридическим процессом // Современное право. 2009. № 11.
35. Перевалов В.Д. Теория государства и права : учебник и практикум для прикладного бакалавриата. М. : Изд. Юрайт, 2016.
36. Комаров С.А., Малько А.В. Теория государства и права. М. : Норма. 2004.
37. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М. : Юристъ, 1997.

38. Шабуров А.С. Состав правотворчества // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 2 (52).
39. Кодан С.В. Подготовка современного юриста: правоведа или законоведа // Юридическое образование в России: в поисках новой модели. Саратов–Екатеринбург, 2008.
40. Магомедова Е. А. Право институциональной (правотворческой) деятельности : курс лекций для студентов юридического факультета. Калуга, 2009.
41. Шувалов И.И. Правотворчество в механизме управления обществом: необходимость комплексного исследования. М. : Норма, 2005.
42. Шебанов А.Ф. О содержании и формах права // Правоведение. 1964. № 2.
43. Осипов М.Ю. Понятие и соотношение правового регулирования и правотворчества : монография. М. : Изд-во СГУ, 2010.
44. Любимов Н.А. Правотворчество в Российской Федерации: проблемы теории и практики. М. : Изд. МИИГАиК, 2006.

References

1. Baranov V.M. Ocherki tekhniki pravotvorchestva (Essays on the technology of law-making). Nizhniy Novgorod, Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2015.
2. Obshchaya teoriya prava (General theory of law), posobiye, V.A. Abramovich i dr., pod obshch. red. S.G. Drobyazko, S.A. Kalinina. Minsk, izd-vo «Chetyre chetverti», 2014.
3. Chkhikvadze V.M. Gosudarstvo. Demokratiya. Zakonnost': leninskiye idei i sovremennost' (The state. Democracy. Legality: Leninist ideas and modernity). Moscow, 1967.
4. Bunina Yu.M. Pravotvorchestvo kak vid yuridicheskoy deyatelnosti (Lawmaking as a form of legal activity), avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. St. Petersburg, 2004.
5. Petrov A.I. Zakonotvorchestvo kak osobyy vid deyatelnosti predstavitel'nykh organov vlasti (Legislative drafting as a special type of activity of representative authorities), dis. ... kand. jurid. nauk. Nizhniy Novgorod, 2007.
6. Ushakov D.N. Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka (Explanatory dictionary of the modern Russian language). Moscow, «Adelant», 2015.
7. Yarechenko A.P. Noveyshiy filosofskiy slovar' (The latest philosophical dictionary). Rostov na Donu, Feniks, 2006.
8. Atamanchuk G.V. Upravleniye: sushchnost', tsennost', effektivnost' (Management: essence, value, efficiency), uchebnoye posobiye dlya vuzov. Moscow, 2006.
9. Rubinshteyn S.L. Problemy obshchey psikhologii (Problems of general psychology). Moscow, 1976.
10. Lomov B.F. Metodologicheskiye i teoreticheskiye problemy psikhologii (Methodological and theoretical problems of psychology). Moscow, Nauka, 1984.
11. Lotte D.S. Osnovy postroyeniya nauchno-teoreticheskoy terminologii (Fundamentals of creating scientific and theoretical terminology). Moscow, Izd. AN SSSR, 1961.
12. Kudryavtsev V.N. Pravo i povedeniye (Law and conduct). Moscow, 1978.
13. Perfil'yev M.N. Obshchestvennyye otnosheniya (Public relations). Leningrad, 1974.
14. Pokrovskiy I.F. O pravovoy aktivnosti lichnosti i formirovaniy pravosoznaniya (On the legal activity of an individual and the formation of legal consciousness). *Vestnik LGU (Seriya ekonomiki, filosofii i prava)*, 1971, No. 17.
15. ShagiyeV B.V. Yuridicheskaya deyatelnost' v sovremennom rossiyskom obshchestve (teoretiko-pravovoy aspekt) (Legal activity of modern Russian society (theoretical-legal aspect), dis....kand. jurid. nauk. Moscow, 2003.
16. Belyayev V.P. Yuridicheskaya deyatelnost': priznaki, sub'yekty, funktsii (Legal activity: features, subjects, functions). *Pravo i obrazovaniye*, 2004, No. 6.

17. Levitan K.M. *Yuridicheskaya pedagogika (Legal pedagogy)*. Moscow, Norma, 2008.
18. Kartashov V.N. *Yuridicheskaya deyatel'nost': sushchnost', struktura, vidy (Legal activity: essence, structure, types)*. Yaroslavl', 1989.
19. Rodbrukh G. *Filosofiya prava (Philosophy of Law)*, per. s nemets. Moscow, «Mezhdunarodnyye otnosheniya», 2014.
20. Turbova YA.V. *Pravosoznaniye v strukture yuridicheskoy deyatel'nosti (Legal awareness in the structure of legal activity)*, dis. ... kand. yurid. nauk. St. Petersburg, 2000.
21. *Sotsiologiya prava (Sociology of Law)*, uchebnoye posobiye, pod red. V.M. Syrykh. Moscow, 2001.
22. Shagiyeva R.V. *Kontsepsiya pravovoy deyatel'nosti v sovremennom obshchestve (The concept of legal activity in modern society)*. Kazan', 2005.
23. Chufarovskiy Yu.V. *Yuridicheskaya deyatel'nost': ponyatiye i struktura, yeye tsennost' i znachimost' (Legal activity: concept and structure, its value and significance)*. *Yurist*, 1994, No. 4.
24. Antonov A.S. *Yuridicheskaya deyatel'nost': ponyatiye, struktura i sodержaniye (Legal activity: concept, structure and content)*. *Yuridicheskoye obrazovaniye i nauka*, 2002, No. 1.
25. Kirsanov A. *Yuridicheskaya deyatel'nost' organov v sisteme gosudarstvennoy registratsii prav na nedvizhimoye imushchestvo i sdelok s nim. Teoreticheskiye aspekty (Legal activity of bodies in the system of state registration of rights to real estate and transactions with it. Theoretical aspects)*. *Zakon i pravo*, 2003, No. 9.
26. Belyayev V.P., Sorokina V.V. *Protsessual'naya forma yuridicheskoy deyatel'nosti: voprosy teorii i praktika (Procedural form of legal activity: issues of theory and practice)*. Moscow, 2011.
27. Shapsugov D.Yu. *Teoriya prava i gosudarstvo (Theory of Law and State)*. Rostov-na-Donu, 2003.
28. Lenin V.I. *Konspekt knigi Gegelya «Nauka logiki» (Abstract of Hegel's book "The Science of Logic")*. *Poln. sobr. soch.* 5-ye izd. T. 29. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1973.
29. Shagiyev B.V. *Yuridicheskaya deyatel'nost' kak kategoriya obshchey teorii prava (Legal activity as a category of general theory of law)*. Moscow, 2001.
30. Tkachenko Yu.G. *Primeneniye norm sovetskogo sotsialisticheskogo prava (Application of the norms of Soviet socialist law)*. Moscow, 1955.
31. Lazarev V.V. *Primeneniye sovetskogo prava (The application of Soviet law)*. Kazan', 1972.
32. Dyuryagin I.YA. *Primeneniye norm sovetskogo prava (The application of Soviet law)*. Sverdlovsk, 1973.
33. Vinnichenko O.Yu., Popov V.I. *Teoriya gosudarstva i prava : uchebnoye posobiye (Theory of state and law: training manual)*. Moscow, 2010.
34. Osipov M.YU. *Ponyatiye pravovykh protsessov i ikh sootnosheniye s yuridicheskim protsesom (The concept of legal processes and their relationship with the legal process)*. *Sovremennoye pravo*, 2009, No. 11.
35. Perevalov V.D. *Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik i praktikum dlya prikladnogo bakalavriata (Theory of state and law: a textbook and workshop for baccalaureate)*. Moscow, Izd. Yurayt, 2016.
36. Komarov S.A., Mal'ko A.V. *Teoriya gosudarstva i prava (Theory of State and Law)*. Moscow, Norma. 2004.
37. *Teoriya gosudarstva i prava : kurs lektsey (Theory of state and law: course of lectures)*, pod red. N.I. Matuzova i A.V. Mal'ko. Moscow, Yurist', 1997.
38. Shaburov A.S. *Sostav pravotvorchestva (The composition of law-making)*. *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2018, No. 2 (52).
39. Kodan S.V. *Podgotovka sovremennogo yurista: pravoved ili zakonoved (Training of a modern lawyer: jurist or legislator)*. *Yuridicheskoye obrazovaniye v Rossii: v poiskakh novoy modeli*. Saratov–Yekaterinburg, 2008.

40. Magomedova Ye. A. Pravo institutsional'noy (pravotvorcheskoy) deyatel'nosti (Law of institutional (law-making) activity), kurs lektsiy dlya studentov yuridicheskogo fakul'teta. Kaluga, 2009.
41. Shuvalov I.I. Pravotvorchestvo v mekhanizme upravleniya obshchestvom: neobkhodimost' kompleksnogo issledovaniya (Law-making in the mechanism of society management: the need for a comprehensive study). Moscow, Norma, 2005.
42. Shebanov A.F. O soderzhanii i formakh prava (On the content and forms of law). *Pravovedeniye*, 1964, No. 2.
43. Osipov M.Yu. Ponyatiye i sootnosheniye pravovogo regulirovaniya i pravotvorchestva (The concept and correlation of legal regulation and law-making), monografiya. Moscow, Izd-vo SGU, 2010.
44. Lyubimov N.A. Pravotvorchestvo v Rossiyskoy Federatsii: problemy teorii i praktika (Lawmaking in the Russian Federation: problems of theory and practice). Moscow, Izd. MIIGAiK, 2006.

Дата поступления: 24.08.2019

Received: 24.08.2019

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342.4

**ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ
РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ: ЭТАПЫ, ПРОБЛЕМЫ,
ОСОБЕННОСТИ****КУЗНЕЦОВ Игорь Александрович***кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.**E-mail: igor45-119@yandex.ru***STATE LAW DEVELOPMENT OF THE
RUSSIAN FEDERATION: PHASES,
PROBLEMS, FEATURES****KUZNETSOV Igor Aleksandrovich***Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of State Law of the Institute of Law of the FBSEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia.**E-mail: igor45-119@yandex.ru*

В статье представлен анализ государственно-правового развития России в период 20 века. Проанализированы основные документы конституционного значения и Конституции принятые в тот период, дана правовая характеристика и обоснование необходимости их принятия.

Ключевые слова: право, государство, конституция, права человека, свобода слова, разделение властей, многопартийность.

The paper presents the analysis of state law development of Russia in the 20th century. The main documents of constitutional importance and the Constitution adopted at that time are analyzed, legal characteristic and justification of the need for their adoption are given.

Key words: law, state, Constitution, human rights, freedom of speech, separation of powers, multiparty system.

Современные отечественные исследователи, анализируя государственно-правовое развитие Российской Федерации, выделяют несколько основных периодов, характеризующих, на наш взгляд, особенности отечественного конституционализма.

Временной отрезок с 1815 г. по 1905 г., принято считать первым, так как здесь можно отметить «Хартию государственного устройства» (Конституция Царства Польского от 1815 года) дарованную Александром I, существовал так называемый проект Тырновской конституции 1879 г., разработанный советником российского министерства юстиции С.И. Лукьяновым, известным российским юристом А.Д. Градовским и другими.

Также в свою очередь нельзя не упомянуть и документы конституционного значения принятые в царской России:

1. Манифест «Об учреждении Государственной Думы» от 6 августа 1905 года.
2. Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 года.
3. Положение о выборах в Государственную Думу от 06 августа 1905 года.

Манифесты были призваны установить распределение законодательной власти между императором и законодательным (представительным) органом Государственной Думой Российской Империи. Также, в свою очередь, в них были зафиксированы основные политические права и свободы (напр.: свобода совести, свобода слова, свобода собраний, свобода союзов и неприкосновенность личности).

В качестве второго периода развития российского конституционализма, хотелось бы обозначить временной отрезок с 1905 по февраль 1917 г. Буржуазно-демократическая рево-

люция 1905-1907 гг. дала возможность перехода Российской Империи к конституционной монархии. Центральным нормативно-правовым актом того времени являлся Свод основных государственных законов от 1906 г.

Под руководством М. М. Сперанского Основные законы были кодифицированы и вошли в Том 1 «Свода законов Российской империи», изданного в 1832 году и введенного в действие 1833 году Манифестом российского императора Николая I. В связи с изданием российским императором Николаем II 6 августа 1905 года Манифеста об учреждении Государственной Думы, 17 октября 1905 года Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» и 20 февраля 1906 года Манифеста о переустройстве Государственного Совета 23 апреля 1906 года в Основные законы были внесены изменения. Тем не менее, несмотря на свой ранг, объем и характер, данный Свод большинством ученых не признается в качестве первой в истории российской государственности конституции [5, с.93].

Третий период начинает свой отсчет с буржуазно-демократической революции 1917 г. (Февральская революция) и продолжается до октября 1917 г. В результате буржуазно-демократической революции прекратили свое существование практически все государственные институты конституционной монархии. Ситуация, которая возникла после революции и получившая название «двоевластие» тормозила развитие российского конституционализма. Здесь можно отметить наиболее значимые, на наш взгляд, документы того времени:

1. «Об учреждении по делам печати» от 27.04.1917 года (отменялась цензура).
2. «О собраниях и союзах» от 12.04.1917 года (устанавливалась свобода создания общественных объединений).
3. Манифест о провозглашении России республикой от 01.09.1917 года.

Четвертый период охватывает временные рамки с октября 1917 г. по 1991 г. Этот временной отрезок, в юридической науке, принято характеризовать как период советского конституционализма. В это время были приняты Конституции РСФСР 1918, 1925, 1937 и 1978 годов.

Все эти Конституции имели общие черты:

- отвергание принципа разделения властей;
- построение и функционирование государственной власти на основе принципа единства власти с разделением властно-управленческих функций между государственными органами, но не властей;
- классовый подход;
- ожидание мирового революционного процесса;
- вера в близкую победу социализма во всех странах и установление коммунизма (что особенно касается Конституции РСФСР 1918 года);
- большое внимание уделяется упрочению позиций Коммунистической партии, обособления ее ведущей и ключевой роли в жизнедеятельности государства и общества.

В свою очередь, нельзя не отметить и тот момент, что советские конституции предоставляли широчайший перечень социально-экономических прав (Конституция РСФСР от 21 марта 1937 г. предоставляла всем гражданам право на всеобщее бесплатное образование, право на материальное обеспечение по старости и инвалидности, всеобщее равенство вне зависимости от расы, пола, национальности [1]. Здесь можно отметить, что Конституция в результате смогла повлиять на положения Устава ООН о защите прав человека и Всеобщей декларации прав человека 1948 г.) [6, с.83].

Конституция РСФСР 1918 – была 10 июля 1918 года V Всероссийским Съездом Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов и, как мы уже отмечали выше, носила явно выраженный классовый характер.

Всероссийский Съезд Советов провозглашался как полномочный, в полномочия которого входило принятие законов, бюджета, установление налогов, ратифицирование международных договоров.

В качестве главных особенностей данной конституции можно выделить:

1. Провозглашение РСФСР свободным социалистическим обществом всех трудящихся и социалистической направленности государства.
2. Закрепление принципа диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства.
3. Установление системы советов на всех уровнях во главе со Съездом Советов.
4. Отстранение от участия в выборах представителей так называемых «эксплуататорских классов».
5. Провозглашение России федерацией.

О ярко выраженном классовом характере явно свидетельствует тот факт, что от выборов во Всероссийский съезд советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов были отстранены лица, живущие на нетрудовые доходы. Права граждан носили классово-ограниченный характер. В этом смысле очень показательна ст. 23 Конституции РСФСР: «Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции». Вместе с тем существовали и положения, носившие весьма прогрессивный характер, к примеру: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, признавая равные права за гражданами независимо от их расовой и национальной принадлежности, объявляет противоречащим основным законам Республики установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ на этом основании, а равно какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их равноправия» (ст. 22 Конституции РСФСР).

Анализируя Конституцию РСФСР 1918 года, в качестве примера можно вспомнить слова В.И. Ленина, который в одной из своих работ писал о ней, что: «Она концентрирует то, что уже дала жизнь, и будет исправляться и дополняться практическим применением ее в жизни» [4, с.21].

Следующим актом в истории советского конституционализма стала Конституция РСФСР 1925 г.

Конституция РСФСР была принята 11 мая 1925 г. XII Всероссийским съездом Советов. Главная причина принятия Конституции СССР 1924 г. и Конституции РСФСР 1925 г. являлось образование 30 декабря 1922 года СССР из четырех республик – РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР (Закавказье). Главной целью Конституции СССР 1924 года была задача отразить природу и структуру СССР, а Конституции РСФСР 1925 года – внести изменения в Конституцию РСФСР 1918 года, в связи с вступлением РСФСР в СССР.

В целом, данная Конституция по своему тексту была аналогична предшественнице – Конституции РСФСР 1918 г. Вместе с тем были введены положения, касающиеся предметов ведения высших исполнительных и законодательных органов, отражена система органов власти РСФСР.

Б.С. Эбзеев считает, что данная Конституция имела ряд серьезных недостатков, в частности, по его мнению, конституция советского типа рассматривалась как важное средство успешного решения поставленных партией задач экономических, политических, идеологических и социально-культурных преобразований. Именно в этот исторический период из способа закрепления правового государства, власть которого ограничена суверенитетом народа и правами личности, они стали законом, закрепляющим строй абсолютного государства с неограниченной властью узкого слоя «вождей», являвшегося суррогатом официально декларируемой диктатуры пролетариата [6, с.77].

Следующим этапом развитие конституционализма в России является принятие 21 января 1937 года XVII Чрезвычайным Всероссийским Съездом Советов Конституции РСФСР.

Это объяснялось необходимостью дальнейшего развития советской демократии. По этому поводу Пленум ЦК ВКП(б) в своем постановлении от 1 февраля 1935 г. указал на необходимость изменений в действовавшей Конституции СССР 1924 г., в смысле того, что необходима дальнейшая демократизация избирательной системы, уточнения социально-экономической основы Конституции в смысле приведения Конституции в соответствие с нынешним соотношением классовых сил в СССР [3, с.676].

По данному поводу имеется и другая точка зрения, которую в целом можно свести к тому, что постольку, поскольку к 1934 году в Европе усилилась угроза прихода к власти ультраправых, радикальных партий, коммунистическая партия была вынуждена сближаться и консолидироваться с европейскими социалистическими партиями. Это привело к тому, что сугубо классовый подход к формированию выборных органов власти был пересмотрен в пользу всеобщего избирательного права. Произошел отказ от требования передачи власти рабочим советам. Конституция провозглашала РСФСР социалистическим государством рабочих и крестьян (ст. 1), политическую систему государства Советы депутатов трудящихся (ст. 2), были установлены экономические основы государственной собственности, которая именовалась иначе как «всенародное достояние» (ст.ст. 4-6) и т.д.

Наиболее разработанной с точки зрения объема и систематизации конституционных норм стала Конституция РСФСР от 12 апреля 1978 года принятая на седьмой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва. Важной новеллой стала ст. 6 Конституции РСФСР 1978 г., которая прямо отражала роль коммунистической партии, являясь «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций» [2]. Конституцией РСФСР 1978 г. уделялось большее внимание основным свободам, права и обязанностям граждан. Показательно, что в прошлой Конституции 1937 года этим вопросам посвящалось 16 статей, при этом аналогичный показатель Конституции 1978 года составлял уже 37 статей.

По своей сути Конституция РСФСР 1978 г. уже представляла собой выражение нового этапа развития демократии и личных прав и свобод человека и гражданина. Это подтверждается ст. 9 Конституции РСФСР 1978 г., которая восприняла соответствующие положения Конституции СССР 1977 г. В данной статье говорится: «Основным направлением развития политической системы советского общества является дальнейшее развертывание социалистической демократии: все более широкое участие граждан в управлении делами государства и общества, совершенствование государственного аппарата, повышение активности общественных организаций, усиление народного контроля, укрепление правовой основы государственной и общественной жизни, расширение гласности, постоянный учет общественного мнения» [2]. Таким образом, российский конституционализм отказался на данном этапе от идеи диктатуры пролетариата, установленной еще на самом раннем этапе развития советских конституционных институтов, а государство было провозглашено «общенародным», о чем сказано в ст. 1 Конституций СССР 1977 г. и РСФСР 1978 г.

Принятие Конституции РСФСР 1978 г., как уже было сказано выше, закрепило целый ряд социальных, экономических и политических прав человека и гражданина. Все они в равной степени оказали влияние на общественное сознание, способствовали интеграции демократических идей в него.

Во второй половине 1988 г. было положено начало реформированию советской политической системы, которая уже не отвечала сложившимся реалиям общественно-политического развития государства. Данная реформа была обусловлена целым рядом факторов, и не в последнюю очередь благодаря широкой демократизации общества, критическому анализу им своего прошлого и настоящего.

Вместе с тем остро встал вопрос о необходимости внесения изменений в Конституцию РСФСР 1978 г. в соответствие с изменениями произошедшими в обществе.

Первая поправка к Конституции была принята 27 октября 1989 г. Она изменила порядок формирования и функционирования высших законодательных органов РСФСР. Согласно этой поправке Съезд народных депутатов РСФСР (далее – СНД РСФСР) становился высшим органом государственной власти. Однако, собираясь раз в год, он не являлся постоянно действующим органом. Дважды в год Верховный Совет РСФСР, избираемый Съездом народных депутатов, осуществлял полномочия органа законодательной власти между сессиями СНД РСФСР.

В 1990 году был принят целый ряд поправок, который устанавливал многопартийную систему в РСФСР, было исключено положение о КПСС, как о руководящей и направляющей силе общества. Вслед за этим последовала следующая серия поправок. К примеру, в текст Конституции РСФСР была инкорпорирована Декларация прав и свобод человека и гражданина (от 22 ноября 1991 г.), введен институт Президента РСФСР (12 июня 1991 г.), изменено наименование государства с «РСФСР» на «Российская Федерация – Россия» (25 декабря 1991 г.)

12 июня 1990 г. состоялось одно из самых важных событий в истории российского конституционализма – Первый Съезд народных депутатов РСФСР принимает Декларацию о государственном суверенитете РСФСР.

Одной из самых значимых поправок стала поправка от 15 декабря 1990 г., которой в Конституцию была включена преамбула и статья 1 Декларации о государственном суверенитете РСФСР.

Необходимость разработки и принятия новой конституции была осознана всеми политическими силами Съезда народных депутатов еще 12 июня 1990 г. в процессе принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР. Старая Конституция РСФСР от 1978 г. с многочисленными поправками не только мешала дальнейшему развитию страны в духе перестроечных реформ, но и создавала множество коллизий и противоречий в деятельности органов государственной власти, прежде всего – Верховного Совета РСФСР и Президента РСФСР.

В качестве основных причин принятия новой конституции можно привести следующие аргументы:

1. Конституция РСФСР 1978 года принималась как конституция республики в составе СССР, а 25 декабря 1991 года СССР распался.

2. Конституция РСФСР была конституцией социалистического государства, а Россия в конце 80-х отказалась от социализма и начала радикальную экономическую реформу.

3. В России появилась многопартийная система.

4. Появился пост Президента России.

Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года была принята большинством избирателей от числа пришедших при соблюдении кворума и вступила в силу. К числу наиболее ее значимых моментов, на наш взгляд можно отнести следующее:

- закрепление прав и свобод человека и гражданина в соответствии с нормами и принципами международного права;
- высшей ценностью объявляются не интересы государства, а права и свободы человека;
- человеку разрешено делать все, что не запрещено законом;
- провозглашается принцип разделения властей;
- юридическое равенство всех субъектов Российской Федерации;
- признание и защита многообразных форм собственности;
- признание идеологического многообразия;
- многопартийность.

Резюмируя, мы отмечаем, что сама сущность конституции не меняется на протяжении уже достаточно длительного времени, и является отражением потребностей общества в определенный период времени. Современная сущность Конституции определяется правовым равенством членов общества и соблюдением их интересов. Говоря об Основном законе Российской Федерации 1993 г., мы приходим к выводу, что её сущность заключается в представлении собой конституции демократического государства, и выражении социального компромисса и солидарности путем консолидации многонационального народа России.

Библиографические ссылки

1. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.) // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1937. № 20.
2. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 12 апреля 1978 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1978. № 15. Ст. 407.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 14 т. Т. 2. / под ред. А. Егорова, К. Боголюбова. М. : Издательство политической литературы, 1983.
4. Ленин В.И. Собр. соч. В 55 т. Т. 37. М. : Издательство политической литературы, 1958.
5. Чиркин В.Е. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование. М. : Норма ИНФРА-М, 2014.
6. Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. М. : Проспект, 2014.

References

1. Konstitutsiya (Osnovnoy Zakon) Rossiyskoy Sovetskoy Federativnoy Sotsialisticheskoy Respubliki (utverzhdena postanovleniyem Chrezvychaynogo XVII Vserossiyskogo S"yezda Sovetov ot 21 yanvarya 1937 g.) (The Constitution (Basic Law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (approved by the decision of the Extraordinary XVII All-Russian Congress of Soviets of January 21, 1937). *Izvestiya TSIK Soyuzs SSR i VTSIK*, 1937, No. 20.
2. Konstitutsiya (Osnovnoy zakon) Rossiyskoy Sovetskoy Federativnoy Sotsialisticheskoy Respubliki (prinyata na vneocherednoy sed'moy sessii Verkhovnogo Soveta RSFSR devyatogo sozyva 12 aprelya 1978 g.) (The Constitution (Basic Law) of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (adopted at the extraordinary seventh session of the Supreme Council of the RSFSR of the ninth convocation on April 12, 1978). *Vedomosti VS RSFSR*, 1978, No. 15, St. 407.
3. KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"yezdov, konferentsiy i plenumov TSK (The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee). V 14 t. T. 2, pod red. A. Yegorova, K. Bogolyubova. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1983.
4. Lenin V.I. Sobr. soch. (Collection Works). V 55 t. T. 37. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1958.
5. Chirkin V.Ye. Konstitutsiya v XXI veke: sravnitel'no-pravovoye issledovaniye (The Constitution in the XXI Century: comparative legal study). Moscow, Norma INFRA-M, 2014.
6. Ebzeyev B.S. Konstitutsiya, vlast' i svoboda v Rossii: opyt sinteticheskogo issledovaniya (Constitution, power and freedom in Russia: the experience of synthetic research). Moscow, Prospekt, 2014.

Дата поступления: 30.08.2019

Received: 30.08.2019

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

УДК 342.4

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ПРЕИМПЛАНТАЦИОННОЙ
И ПРЕНАТАЛЬНОЙ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ
ДИАГНОСТИКИ В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ****АХТЯМОВА Евгения Викторовна**

доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета, г. Уфа, Россия. E-mail: Evaah@rambler.ru

АЛСЫНБАЕВА Эльвира Махаматовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета, . Уфа, Россия. E-mail: Elish@list.ru

ХУСАИНОВА Рита Игоревна

доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории молекулярной генетики человека Института биохимии и генетики УФИЦ РАН, г. Уфа, Россия. E-mail: ritakh@mail.ru

В статье анализируется современное состояние законодательства регулирующего преимплантационную и пренатальную генетическую диагностику в Российской Федерации. Оценивается конституционность осуществляемой на территории Российской Федерации такой диагностики, а также возможность ее дальнейшего технологического развития и совершенствования. Формулируется вывод о том, что существующая на данный момент в Российской Федерации процедура преимплантационной и пренатальной генетической диагностики напрямую не противоречит положениям Конституции РФ, однако действующая нормативно-правовая база нуждается в совершенствовании с целью устранения пробелов в ее правовом регулировании. Одним из способов видится принятие комплексного

**LEGAL REGULATION OF
PREIMPLANTATION AND PRENATAL
GENETIC DIAGNOSTICS IN THE
RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS
AND DEVELOPMENT PROSPECTS****AKHTYAMOVA Evgeniya Viktorovna**

Associate Professor, Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Civil Law of the Institute of Law of the FBSEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: Evaah@rambler.ru

ALSYNBAEVA Elvira Makhamatovna

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Civil Law of the Institute of Law of the FBSEI HE "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: Elish@list.ru

KHUSAINOVA Rita Igorevna

Doctor of Biological Sciences, Leading Researcher of the Laboratory of Human Molecular Genetics of the Institute of Biochemistry and Genetics of the UFRC RAS, Ufa, Russia. E-mail: ritakh@mail.ru

The paper analyzes the current state of the legislation regulating preimplantation and prenatal genetic diagnostics in the Russian Federation. The constitutionality of such diagnostics performed in the territory of the Russian Federation and a possibility of its further technological development and improvement is estimated. The conclusion is formulated that current procedure of preimplantation and prenatal genetic diagnostics in the Russian Federation does not directly contradict the provisions of the Constitution of the Russian Federation; however, current regulatory law base needs to be improved in order to eliminate gaps in legal regulation of genetic diagnostics. One of the ways is the adoption of a complex federal law regulating in detail the implementation of genetic diagnostics and its varieties. The implementation of

федерального закона, детально регулирующего осуществление генетической диагностики и ее разновидностей. Реализация этого проекта потребует от государства соответствующих финансовых вложений, которые будут компенсированы благодаря сокращению расходов на симптоматическое лечение и пожизненное содержание инвалидов.

Ключевые слова: право на охрану здоровья и медицинскую помощь, конституционные права и свободы человека, преимплантационная и пренатальная генетическая диагностика, генетика, геном человека.

this project will require relevant financial investments from the state, which, however, will be compensated for by reducing the costs of symptomatic treatment and life-long maintenance for people with disabilities.

Key words: right to health protection and medical care, constitutional human rights and freedoms, преимплантационная и пренатальная генетическая диагностика, генетика, геном человека.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ МК № 18-29-14083.

Во всем мире современная генетическая диагностика основывается на достижениях мирового масштаба, которые, конечно же, связаны с анализом шифра генома человека. В качестве приоритетного направления такой диагностики можно обозначить не только лечение человека, но и попытка повести профилактику возможных наследственных заболеваний индивида.

В основе генетической диагностики лежат методы, которые известны в общемировой практике. Безусловно, цели их применения довольно широки, но, часто встречающееся мнение о том, что в основе таких методов лежат цели, связанные с совершенствованием генома человека не находит своего подтверждения, тем более в мировом сообществе данные цели, связанные с исследованием генома человека запрещены. Соответственно, основная цель генетической диагностики человека определяется как вспомогательная. Именно репродуктивное направление – основное направление применения ее методов.

Анализ методов репродуктологии в Российской Федерации показал следующее. В качестве современных и общемировых методов диагностики в сфере репродуктологии активно применяются такие ее разновидности как пренатальная диагностика (далее по тексту – ПНД) и преимплантационная генетическая диагностика (далее по тексту – ПГД). Приоритетная цель их применения – обнаружение генетических отклонений плода на стадии его формирования.

Несмотря на общую цель обозначенных выше диагностик, их основное отличие заключается в том, что они применяются на разных стадиях развития плода. В частности временной период применения ПНД ограничен довольно поздним сроком формирования плода. В случае выявления каких-либо генетических аномалий в его развитии, родители будут поставлены перед трудным выбором, одно из возможных двух вариантов: искусственное прерывание беременности, либо же выбор рождения ребенка, но с выявленными, в ходе проведения такой диагностики, отклонениями. Каких-либо иных альтернатив ПНД не предлагает, что, на наш взгляд, является ее существенным минусом.

ПГД имеет такие же цели, что и ПНД – диагностирование возможных сбоев в геноме человека, но отличие связано не только со сроками развития плода, так и с тем при каких условиях она может проводиться. Условием проведения такой диагностики является экстракорпоральное оплодотворение (далее по тексту – ЭКО), а сроки ее проведения ограничены ранними эмбриональными стадиями развития при культивировании эмбрионов *in vitro* в ходе цикла ЭКО.

В чем плюсы такой диагностики? Конечно же, пары, желающие иметь не просто потомство, а здоровое потомство, не ставят перед двумя сложными вариантами выбора, как в случае с ПНД, поскольку о внутриутробном развитии плода здесь речь не идет.

Надо учитывать тот момент, что само по себе ЭКО отнюдь не является гарантией развития и рождения здорового ребенка, но проведение ПГД в процедуре ЭКО гарантирует то, что в полость матки переносятся только здоровые эмбрионы без каких-либо генетических отклонений.

Соответственно, проведение именно такой диагностики дает существенные гарантии рождения здорового ребенка парам, которые имеют в анамнезе генетические отклонения наследственного характера [1, с. 4].

Следует отметить, что преимплантационная и пренатальная диагностика регулируется так называемым репродуктивным законодательством, которое представлено рядом нормативно-правовых актов разного уровня.

В свете активной интеграции России в мировое сообщество по вопросам развития медицинских технологий, нельзя не сказать о международных актах, являющихся основой развития международных отношений. В частности, Конвенция ООН о правах ребенка (1989) [2] в ст. 27 закрепляет основные права ребенка на такой уровень жизни, который обеспечивает его многогранное развитие: физическое, умственное, социальное и др. Соответственно, в основе семьи согласно п. 1 ст. 18 обозначенной Конвенции, лежат интересы ребенка и обеспечение условий необходимых для его развития.

Конституция РФ в п. 2 ст. 38, в продолжение положений обозначенной Конвенции, закрепляет, что на семье лежит обязанность осуществления заботы о детях, которая находит отражение в воспитании и образовании детей [3]. Продолжают основные постулаты Конституции РФ нормы Семейного кодекса РФ. Ст. 54 закреплено, что ребенок наделен правом на жизнь в семье, а ст. 63 определен комплекс прав и обязанностей родителей по воспитанию и образованию своих детей.

Основы репродуктивного законодательства, в развитие права на охрану здоровья и медицинскую помощь граждан, зафиксированного в Конституции РФ, определены в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Закон № 323-ФЗ), как базовый нормативно-образующий документ [4]. Обозначенный Закон № 323-ФЗ, методы генной терапии или клеточных технологий относит к разновидностям специализированной, высокотехнологичной медицинской помощи. Ст. 37 Закона № 323-ФЗ закрепляет, что в основе реализации медицинских услуг лежат утвержденные в медицинской деятельности порядки и стандарты.

В рамках положений ст. 51 Закона № 323-ФЗ за гражданином закреплено право на проведение бесплатных консультаций по медицинским показаниям, на медико-генетические и другие консультации и обследования в медицинских организациях государственной системы здравоохранения. Данные консультации проводятся в целях предупреждения возможных наследственных и врожденных заболеваний у потомства.

Вспомогательные репродуктивные технологии (далее по тексту – ВРТ) – понятие, условия и порядок их применения закреплены в ст. 55 Закона № 323-ФЗ. Исходя из положений обозначенного Закона № 323-ФЗ, под вспомогательными репродуктивными технологиями понимаются методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне материнского организма, включая использование при этом донорских или криоконсервированных половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, а также суррогатного материнства.

Отметим, что государственное субсидирование лечения бесплодия в России началось только с начала 2000-х гг. Распределение квот (федеральных, региональных и муниципальных) в системе ЭКО, стало возможным с 2007 года, но по определенным критериям: по воз-

расту, по форме бесплодия, по наличию детей у пары, по социальному статусу и иным критериям. Все эти ограничения, безусловно, не способствовали расширению возможностей на рождение ребенка у бездетных пар, поскольку в большинстве своем, эта процедура, проводилась за их счет.

Финансирование ВРТ, как вид высокотехнологичной медицинской помощи, согласно положениям Федерального закона РФ от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» [5], осуществляется за счет средств федерального бюджета.

Основные направления генно-инженерной деятельности, получили детализацию в Федеральном законе от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» (далее – Закон № 86-ФЗ) [6]. Исходя из положений данного Закона, «генодиагностика», определяется как совокупность методов по выявлению изменений в структуре генома, в том числе «генотерапия», или набор генно-инженерных (биотехнологических) и медицинских методов, направленных на внесение изменений в генетический аппарат соматических клеток человека в целях лечения заболеваний.

Отметим, что изначально, данный Закон № 86-ФЗ, исключил из предмета правового регулирования, проведение генетических исследований в отношении человека. В настоящее время, исходя из положений ст. 1 Закона № 86-ФЗ, порядок осуществления генно-инженерной деятельности и применения ее методов к человеку, тканям и клеткам в составе его организма разрешен только в генодиагностике и генной терапии (генотерапии).

Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах», также регулирует отношения, возникающие связи с донорством биологического материала в целях производства биомедицинских клеточных продуктов [7]. Однако соотношение двух обозначенных ранее законов № 86-ФЗ и № 180-ФЗ по применяемой в них терминологии порождает правовую неопределенность.

Одним из недостатков данного нормативного акта, видится отсутствие должной регламентации вопросов сбора, обработки, использования и хранения геномной информации, которая приобретает по результатам такой диагностики. Неясна и судьба применяемых в диагностике образцов, из которых геномная информация была получена. Безусловно, такая информация ценна, как с точки зрения национальной безопасности нашего государства, так и в случаях возможности ее коммерческого применения на рынке биотехнологий мирового масштаба. Особую актуальность такая проблема приобретает в случаях проведения генодиагностики в рамках платных медицинских услуг, по инициативе заказчика [8, с. 29].

Анализ подзаконных нормативных актов, направленных на регулирование преимплантационной и пренатальной диагностики в России, позволил выделить основные из них.

Приказом Министерства здравоохранения РФ от 28 декабря 2000 г. № 457 «О совершенствовании пренатальной диагностики в профилактике наследственных и врожденных заболеваний у детей» предусматривается направление на проведение общего обследования беременных женщин, находящихся в группе риска с обязательным проведением доступного генетического анализа клеток плода. К факторам, позволяющим отнести беременных к группе риска, относятся: возраст и рождение ранее ребенка с генетическими отклонениями [9].

Условия применения ВРТ определены Приказом Министерства здравоохранения РФ от 30 августа 2012 г. № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» [10]. Согласно Приказу медицинская помощь с использованием ВРТ, предоставляется женщинам и мужчинам независимо от их семейного положения. Ее оказывают медицинские организации, являющиеся Центрами ВРТ, либо имеющие в своем составе лабораторию или отделение ВРТ. Приказом определены этапы оказания медицинской помощи с использованием ВРТ, требования к отбо-

ру на лечение и порядок криоконсервации половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов и использования донорских материалов.

В рамках развития новой модели современной медицины в Российской Федерации следует выделить Приказ Минздрава России от 24 апреля 2018 г. № 186 «Об утверждении Концепции предиктивной, превентивной и персонализированной медицины» [11]. Данная Концепция направлена на развитие и внедрение высокотехнологичных методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации, основанных на клеточных, тканевых и генно-инженерных технологиях, а также проведение фундаментальных и прикладных научных исследований в области молекулярной и клеточной биологии, молекулярной и популяционной генетики.

Основная цель обозначенной Концепции состоит, прежде всего, в снижении заболеваемости по нозологиям, обусловленным наследственными факторами, а также сокращение затрат государства на оказание медицинской помощи за счет оптимального выбора схем лечения и лекарственных препаратов, применяемых в каждом конкретном случае с учетом индивидуального подхода к пациентам.

Таким образом, проведение ранних исследований генома человека с целью предупреждения возможного заболевания являются одним из основных методов реализации данной Концепции. Однако заметим, что никаких контрольных дат разработки и внедрения методов, даже ориентировочных, в Концепции не представлено, что ставит реализацию данной Концепции под сомнение.

Отметим определенные правовые проблемы и в сфере генетической диагностики, в том числе, и преимплантационной, и пренатальной.

Во-первых, одна из актуальных проблем видится в том, что широта применения ВРТ может напрямую зависеть от состоятельности пациентов. Такая ситуация вполне допускает возможность работы с репродуктивным материалом в целях удовлетворения личных запросов пациентов никак не связанных с каким-либо медицинскими показаниями. В качестве примера – выбор пола ребенка по желанию пациента за дополнительную плату. Какой здесь возможен риск? Специалисты полагают, что риск кроется в существенном нарушении природного разнообразия человека как вида, а также нарушение положений ч. 2 ст. 19 Конституции РФ о равноправии граждан [12, с. 22].

В этой связи видится необходимость определения на уровне федерального закона целей и оснований применения генодиагностики. Не менее важно прописать правила, касающиеся работы с полученными при проведении генодиагностики данными. Особенно важно определение правил сбора, хранения и обработки полученных данных.

Во-вторых, проблема доступности ЭКО, а также в ЭКО в комплексе с ПГД для бездетных пар с генетическими нарушениями. Несмотря на финансирование данной процедуры государством по линии ОМС в России, большая очередность на квоты лишает многих потенциальных родителей своевременного получения такой услуги.

Кроме того, при наличии квот на бесплатное проведение ЭКО, проведение ПГД не входит в программу ОМС. По нашему мнению, проведение ПГД должно проводиться в каждом случае ЭКО для нуждающихся в этой процедуре граждан, в целях рождения именно здорового ребенка, в случае наличия у родителей наследственных генетических отклонений, что позволит сократить расходы государства на содержание неполноценных детей и соответствующие выплаты.

Заметим, что во многих зарубежных странах, таких как Великобритания, Франция, Германия, к примеру, расходы на проведение ПГД компенсируются посредством системы обязательного медицинского страхования [13, с. 95].

В-третьих, не менее актуальна и проблема правомерного использования полученной в результате генетической диагностики генетической информации. Конечно же, правовое регу-

лирование полученной в ходе диагностики генетической информации находит свое отражение в нормах Закона № 323-ФЗ (ст.ст. 30, 31, 61).

Врачебная тайна – это данные о геноме человека ставшие известными в результате проведения генодиагностики и его консультирования. Небезызвестен тот факт, что на любое медицинское вмешательство, в том числе и на проведение генодиагностики, необходимо добровольное согласие пациента. Проблема кроется в его исполнимости при проведении ПНД и ПГД, ведь в России ни в каком нормативном акте не закреплён правовой статус эмбриона человека.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что, по мнению специалистов-медиков, наличие в стране отрицательной статистики по детской смертности, а также рост числа детей-инвалидов, свидетельствуют о неразвитости государства в целом. Политика государства должна быть направлена на рост здорового поколения. В настоящее время Российская Федерация активно применяет такие методы раннего обнаружения патологий, как пренатальная диагностика или неонатальный скрининг. Однако ключевая проблема выявляется в ограниченном списке скринируемых наследственных заболеваний финансируемого из средств федерального бюджета. Такой список не позволяет выявить многие патологии и должен быть расширен. Заметим, что и международным стандартам этот список тоже не соответствует.

Преимплантационная генетическая диагностика (ПГД), также является одним способов выявления генетических нарушений у эмбрионов и возможна, только если пара прибегла к помощи ЭКО с ИКСИ. Услуга пользуется повышенным спросом во всех развитых странах мира и финансируется развитыми государствами, но не находит должного финансирования со стороны нашего государства. Но, к сожалению, ПГД как в России, так и во всем мире – дорогая процедура и не все пациенты, нуждающиеся в ней, имеют финансовые возможности на ее проведение. Поэтому совмещение квот на ЭКО с квотами на ПГД в рамках государственного квотирования необходимо в целях рождения здорового потомства у граждан с наследственными отклонениями.

Итоговый вывод проведенного исследования сводится к тому, что комплексное нормативно-правовое регулирование генетической диагностики, в том числе и ее разновидностей, а также расширенное финансирование ее со стороны государства, позволит сократить в дальнейшем расходы государства на симптоматическое лечение и пожизненное содержание инвалидов.

Библиографические ссылки

1. Баранов А.А., Альбицкий В.Ю., Иванова А.А., Терлецкая Р.Н., Косова С.А. Тенденции заболеваемости и состояние здоровья детского населения Российской Федерации // Российский педиатрический журнал. 2012. № 6. С. 4-9.
2. Конвенция о правах ребенка. Одобрена Генеральной Ассамблеей ООН от 20 нояб.1989 г. Конвенция ратифицирована Постановлением ВС СССР от 13 июня 1990 г. № 1559-1. Вступила в силу для СССР 15 сентяб.1990 г. // Сборник международных договоров СССР. 1993, выпуск XLVI.
3. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 дек.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 05 фев. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 31, ст. 4398.
4. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 1 нояб. 2011 г. одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 9 нояб. 2011 г. // Российская газета. 2011. 23 ноября.

5. Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 19 нояб. 2010 г. одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 24 нояб. 2010 г. // Российская газета. 2010. 3 декабря.
6. О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности: федер. закон Рос. Федерации от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. // Российская газета. 1996. 12 июля.
7. О биомедицинских клеточных продуктах: федер. закон Рос. Федерации от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 8 июня 2016 г. одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 15 июня 2016 г. // Российская газета. 2016. 28 июня.
8. Выдрин И.В., Ефременкова Д.А., Слюсаренко Т.В. Пробелы правового регулирования применения медицинских генетических технологий в Российской Федерации как фактор нарушения конституционного права на охрану здоровья // Современное право. 2017. № 12. С. 27-33.
9. О совершенствовании пренатальной диагностики в профилактике наследственных и врожденных заболеваний у детей: приказ Мин. здравоохранения Рос. Федерации от 28 декабря 2000 г. № 457 // Бюллетень Минюста РФ. 2001. № 3.
10. О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению: приказ Мин. здравоохранения Рос. Федерации от 30 августа 2012 г. № 107н // Российская газета. 2013. 11 апреля.
11. Об утверждении Концепции предиктивной, превентивной и персонализированной медицины [Электронный ресурс]: приказ Минздрава России от 24 апреля 2018 г. № 186 Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Захарова Е.Ю. Программы массового скрининга: технические, социальные и этические вопросы // Медицинская генетика. 2006. №. 3. С. 21-23.
13. Романовский Г.Б. Правовое регулирование генетических исследований в России и за рубежом // Lex russica. 2016. № 7. С. 93-102.

References

1. Baranov A.A., Al'bickij V.Yu., Ivanova A.A., Terleckaya R.N., Kosova S.A. Tendencii zabolevaemosti i sostoyanie zdorov'ya detskogo naseleniya Rossijskoj Federacii (Trends in morbidity and health of the child population of the Russian Federation). *Rossijskij pediatricheskij zhurnal*, 2012, No. 6, pp. 4-9.
2. Konvenciya o pravah rebenka. Odobrena General'noj Assambleej OON ot 20 noyab.1989 g. Konvenciya ratificirovana Postanovleniem VS SSSR ot 13 iyunya 1990 g. № 1559-I. Vstupila v silu dlya SSSR 15 sentyab.1990 g. (Convention on the Rights of the Child, approved by the General Assembly of the United Nations of November 20, 89, the Convention was ratified by Resolution No.13 of the Supreme Council of the USSR of June 1990, 1559-I, entered into force for the USSR on September 15, 1990). *Sbornik mezhdunarodnyh dogovorov SSSR*. 1993, vypusk XLVI.
3. Konstituciya Rossijskoj Federacii prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dek.1993 g. (s uchetom popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30 dek. 2008 g. № 6-FKZ, ot 30 dek. 2008 g. № 7-FKZ, ot 05 fev. 2014 g. № 2-FKZ, ot 21 iyulya 2014 g. № 11-FKZ) (The Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote on 12 December 1993 (taking into account the amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30 December 2008 No. 6- FCL, of 30 December 2008 No.7-FCL, of 05 Feb 2014 No. 2- FCL, of 21 July 2014 No. 11- FCL). *Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii*. 2017. № 31, st. 4398.
4. Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossijskoj Federacii: feder. zakon Ros. Federacii ot 21 noyabrya 2011 g. № 323-FZ: prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 1 noyab. 2011 g. odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 9 noyab. 2011 g. (On the Basics of Protection

of Citizens' Health in the Russian Federation: Federal Law of the RF of November 21, 2011 No. 323-FL: adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation 1 November 2011, approved by the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation 9 November 2011). *Rossiyskaya gazeta*. 2011. 23 noyabrya.

5. Ob obyazatel'nom medicinskom strahovanii v Rossijskoj Federacii: feder. zakon Ros. Federacii ot 29 noyabrya 2010 g. № 326-FZ: prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 19 noyab. 2010 g. odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 24 no-yab. 2010 g. (On Compulsory Medical Insurance in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation of November 29, 2010 No 326-FL: adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation 19 November 2010, approved by the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation 24 November 2010). *Rossiyskaya gazeta*. 2010. 3 dekabrya.

6. O gosudarstvennom regulirovanii v oblasti genoinzhenernoj deyatel'nosti: feder. zakon Ros. Federacii ot 5 iyulya 1996 g. № 86-FZ: prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 5 iyunya 1996 g. (On State Regulation in the Field of Genetic Engineering: Federal Law of the Russian Federation of July 5, 1996 No 86-FL: adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation 5 June 1996. *Rossiyskaya gazeta*. 1996. 12 iyulya.

7. O biomedicinskih kletochnyh produktah: feder. zakon Ros. Federacii ot 23 iyunya 2016 g. № 180-FZ: prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 8 iyunya 2016 g. odobr. Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 15 iyunya 2016 g. (On Biomedical Cell Products: Federal Law of the Russian Federation of June 23, 2016 No 180-FL: adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation 8 June 2016, approved by the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation 15 June 2016). *Rossiyskaya gazeta*. 2016. 28 iyunya.

8. Vydrin I.V., Efremenkova D.A., Slyusarenko T.V. Probely pravovogo regulirovaniya primeneniya medicinskih geneticheskikh tekhnologij v Rossijskoj Federacii kak faktor narusheniya konstitucionnogo prava na ohranu zdorov'ya (Gaps in legal regulation of the use of medical genetic technologies in the Russian Federation as a factor of violating the constitutional right to health protection). *Sovremennoe pravo*, 2017, No. 12, pp. 27-33.

9. O sovershenstvovanii prenatal'noj diagnostiki v profilaktike nasledstvennyh i vrozhdennyh zabojevanij u detej: prikaz Min. zdavoohraneniya Ros. Federacii ot 28 dekabrya 2000 g. № 457 (On the improvement of prenatal diagnostics in prevention of hereditary and congenital diseases at children: order of the Ministry of Health of the Russian Federation of 28 December 2000, No. 457). *Byulleten' Minyusta RF*. 2001. № 3.

10. O poryadke ispol'zovaniya vspomogatel'nyh reproduktivnyh tekhnologij, protivopo-kazaniyah i ogranicheniyah k ih primeneniyu: prikaz Min. zdavoohraneniya Ros. Federacii ot 30 avgusta 2012 g. № 107n (On the procedure for the use of assisted reproductive technologies, contraindications and restrictions to their use: order of the Ministry of Health of the Russian Federation of 30 August 2012, No. 107 n.). *Rossiyskaya gazeta*. 2013. 11 aprelya.

11. Ob utverzhdenii Konceptii prediktivnoj, preventivnoj i personalizirovannoj mediciny (On Approval of the Concept of Predictive, Preventive and Personalized Medicine), prikaz Minzdrava Rossii ot 24 aprelya 2018 g. № 186 Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

12. Zaharova E.Yu. Programmy massovogo skringinga: tekhnicheskie, social'nye i eticheskie voprosy (Mass Screening Programs: technical, social and ethical questions). *Medicinskaya genetika*, 2006, No. 3, pp. 21-23.

13. Romanovskij G.B. Pravovoe regulirovanie geneticheskikh issledovanij v Rossii i za rubezhom (Legal regulation of genetic research in Russia and abroad). *Lex russica*, 2016, No.7, pp. 93-102.

Дата поступления: 11.08.2019

Received: 11.08.2019

КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.98

**О НЕОБХОДИМОСТИ ПРИНЯТИЯ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА
«О ВСЕОБЩЕЙ ГЕНОМНОЙ
РЕГИСТРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ» В ЦЕЛЯХ УЛУЧШЕНИЯ
КАЧЕСТВА РАСКРЫТИЯ
И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ****АМИНЕВ Фарит Гизарович**

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», директор Урало-Поволжского объединения судебных экспертов, г. Уфа, Россия. E-mail: faminev@mail.ru

Актуальность рассматриваемой темы заключается в том, что в условиях сложной ситуации в стране, росту проявлений организованной преступности, экстремизма и терроризма, повышается роль одного из видов криминалистической регистрации – геномной регистрации. Поэтому рассмотрены актуальные проблемы формирования, накопления и использования геномной (ДНК) регистрации в расследовании преступлений. Проанализировано отношение различных слоев населения к идее всеобщей геномной регистрации в Российской Федерации. Разработаны криминалистические рекомендации по решению этических, организационно-технических и финансовых проблем при проведении геномной регистрации. Показаны возможности повышения качества раскрытия и расследования преступлений в результате проведения всеобщей геномной регистрации населения России.

Ключевые слова: геномная регистрация, раскрытие и расследование преступлений, снп, терроризм, идентификация личности.

**ON THE NEED FOR ADOPTING THE
FEDERAL LAW “ON THE UNIVERSAL
GENOMIC REGISTRATION IN THE
RUSSIAN FEDERATION” IN ORDER TO
IMPROVE THE QUALITY OF CRIME
SOLUTION AND INVESTIGATION****AMINEV Farit Gizarovich**

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Forensics of the Institute of Law of the Bashkir State University, Director of the Ural Volga Region Association of Forensic Experts, Ufa, Russia. E-mail: faminev@mail.ru

The relevance of the topic is in the fact that in conditions of a difficult situation in the country and the growth of manifestations of organized crime, extremism and terrorism, the role of one of the types of forensic registration – genomic registration increases. Therefore, the actual problems of the formation, accumulation and use of genomic (DNA) registration in crime investigations are considered. The attitude of different segments of the population to the idea of universal genomic registration in the Russian Federation is analyzed. The author of the paper develops forensic recommendations to address ethical, organizational, technical and financial problems in conducting genomic registration. The possibilities of improving the quality of crime solution and investigation as a result of the universal genomic registration of the Russian population are shown.

Key words: genomic registration, crime solution and investigation, SNP, terrorism, personal identification.

Данная работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках выполнения научного проекта РФФИ-мк № 18-29-14076 (Башкирский государственный университет)

Основной причиной необходимости поиска новых современных методов и средств повышения качества раскрытия и расследования преступлений является продолжающаяся оставаться сложной криминогенная ситуация в Российской Федерации. Так, из 1991532 преступлений, зарегистрированных в январе-декабре 2018 года, нераскрытыми остались 903549 преступлений, или 45,3% от общего количества зарегистрированных преступлений [1]. Одним из эффективных направлений повышения уровня борьбы с преступностью, в котором происходят постоянные изменения, оказывающие положительное влияние на результативность этой борьбы, следует признать криминалистическую регистрацию – интегрированную систему научно-технических средств и методов по собиранию, накоплению и использованию криминалистически значимой информации в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений. В настоящее время еще более значимым становится высказывание одного из основоположников российской криминалистики И.Н. Якимова, который криминалистическую (в начале XX века ее называли уголовной) регистрацию сравнивал с частой сетью, раскинутой над преступным миром, которая «... должна быть поставлена, по возможности, широко и всесторонне, охватывать максимальное количество учетных единиц и пользоваться точными способами учета, находящимися на высоте современной науки» [2, с. 31]. Об использовании системы криминалистической регистрации и различных ее видов в раскрытии и расследовании преступлений нами указывалось ранее [3, с. 6-11; 4, с. 133; 5, с. 39-40]. Но, полагаем, следует особое внимание уделить одному из самых перспективных видов криминалистической регистрации, который может выйти за рамки криминалистического значения и стать основой всеобщей биометрической регистрации населения страны – геномной (ДНК) регистрации.

Идея создания ДНК-регистрации стала реализовываться на практике с выходом в свет приказа Министерства внутренних дел (МВД) России от 10 февраля 2006 года № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации», в котором были обозначены виды, приведен порядок формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов в органах внутренних дел Российской Федерации. Один из учетов получил название «учет данных ДНК биологических объектов». Далее в 2008 году был принят Федеральный закон «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» от 3 декабря 2008 года № 242-ФЗ. В ст. 14 гл. 3 данного Закона были обозначены цели геномной регистрации:

- для выявления и установления лиц, совершивших преступления;
- для розыска пропавших без вести граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства;
- для установления личности неопознанных трупов;
- для установления родственных отношений разыскиваемых (устанавливаемых).

В Постановлении Правительства РФ от 11 октября 2011 г. № 828 «Об утверждении Положения о порядке проведения обязательной государственной геномной регистрации лиц, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы», были разработаны и введены правила обработки геномной информации; указано, что учет, хранение и классификацию геномной информации, полученной при проведении обязательной государственной геномной регистрации лиц, осужденных и отбывающих наказание, осуществляет федеральное государственное казенное учреждение «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации» путем формирования и ведения федеральной базы данных геномной информации.

О важности геномной регистрации свидетельствует то, что в экспертно-криминалистических центрах МВД (УВД) субъектов Российской Федерации уже функционируют 70 лабораторий, ежегодно на треть растет общий массив объектов федеральной базы данных геномной информации.

Кроме того, в Указе Президента Российской Федерации от 11 марта 2019 года № 97 «Об основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» в качестве одной из основных задач в п. 8 ст. 13 данного Указа определено: осуществление генетической паспортизации населения с учетом правовых основ защиты данных о персональном геноме человека и формирование генетического профиля населения.

Но, к сожалению, в настоящее время развитие геномной регистрации отстает от современных требований, и на сегодняшний день в базе данных находятся ДНК-профили всего около 0,4% населения России (в основном, лиц, осужденных за тяжкие насильственные преступления). А, как известно, для эффективной работы любой криминалистической базы данных необходимо введение в нее как минимум 1% потенциально проверяемых объектов (в данном случае – населения страны).

Наряду с задачей борьбы с преступностью, перед всеобщей геномной регистрацией могут быть поставлены и другие, не менее важные задачи: например, установление личности людей, погибших в результате стихийных бедствий, крупных аварий, техногенных катастроф и т.д. Работа по розыску без вести пропавших, опознанию трупов неизвестных лиц доставляет множество проблем правоохранительным органам и является достаточно дорогостоящей и времязатратной деятельностью. Достаточно вспомнить крупнейшую железнодорожную катастрофу в Улу-Теляке (Республика Башкортостан), взрывы газа и пожары в Магнитогорске и Екатеринбурге и т.д. Одной из проблем, с которой столкнулись в конце прошлого и начале нынешнего века не только наша страна, но и все человечество – терроризм, который, являясь наиболее опасной и радикальной формой экстремизма, выступает его «передним краем», внешним выражением, экстремизмом «на выходе» [6, с. 34]. В результате террористических акций, происходящих во всем мире на основе этнических, религиозных, политических проблем, растет количество неопознанных погибших трупов, идентификация которых отвлекает большие средства и ресурсы.

К тому же, найти и идентифицировать людей, неспособных сообщить о себе какие-нибудь данные (стариков, больных, страдающих потерей памяти, маленьких ребятишек), без геномной регистрации вообще невозможно.

Серьезной проблемой стала незаконная миграция: в Россию в поисках работы (нередко – наживы) и убежища хлынули неконтролируемые массы людей из бывших союзных республик и ближнего зарубежья. Как правило, у них отсутствуют документы. Очень сложно идентифицировать людей, приезжающих из стран Ближнего и Среднего Востока, Африки, Вьетнама, Кореи. Многие из них имеют одинаковые имена и фамилии, сходные внешние данные и т.д.

В то же время отметим, что уже в 60 странах мира высокими темпами ведется деятельность по формированию геномных баз данных населения: в Китайской Народной Республике – более 40 млн. образцов, в США – 17 млн, в Великобритании – более 6 млн. образцов и т.д. [7, с. 96-97].

Вышеназванные и иные причины требуют повышенного внимания к усиленной разработке и скорейшему принятию Федерального закона «О всеобщей геномной регистрации в Российской Федерации». Однако, несмотря на явно выраженную необходимость проведения всеобщей геномной регистрации, предстоит решение ряда этических, организационно-технических и финансовых проблем.

1. Так, результаты анкетирования различных слоев населения страны свидетельствуют о различном, порой, полярно противоположном отношении к всеобщей геномной регистрации. Например, из 96 выпускников очной формы обучения по специальности «Юриспруденция» государственного бюджетного образовательного учреждения г. Уфы 68 (70,8%) из них поддерживают идею о всеобщей ДНК-регистрации населения России (при 18,8% – против; 10,4% – затруднились ответить); 76% считают, что в результате ДНК-

регистрации населения России безопасность общества повысится (12,5% респондентов считают – не повысится). В то же время только 50% опрошенных работников прокуратуры Республики Башкортостан поддерживают идею о всеобщей ДНК-регистрации населения России (47,6% – не поддерживают).

Анкетированием ученых-криминалистов государственного казенного образовательного учреждения столицы одного из субъектов Южного федерального округа Российской Федерации установлено, что 65% из них поддерживают идею принятия федерального закона РФ «О всеобщей геномной регистрации населения Российской Федерации» (30% – не поддерживают, 5% – затруднились ответить).

Работа по изучению мнения широкого круга граждан Российской Федерации относительно всеобщей геномной регистрации продолжается. Но уже имеющиеся результаты свидетельствуют об острой необходимости информационной работы с населением страны с целью разъяснения цели и задач всеобщей геномной регистрации, для искоренения страха или боязни перед геномной регистрацией, решения этических вопросов.

2. Для реализации Федерального закона «О всеобщей геномной регистрации в Российской Федерации» необходимо внесение изменений в действующее законодательство и соответствующие нормативные правовые акты.

3. Необходимо определиться с государственным органом, которому будет поручено проведение всеобщей геномной регистрации. Анализ формирования, ведения и использования результатов других видов регистрации (например, дактилоскопической) свидетельствует о том, что целесообразнее поручить организацию, сбор и использование всеобщей геномной регистрации Министерству внутренних дел Российской Федерации (кстати, так считают 53,1% опрошенных респондентов, 21,9% – указали Министерство юстиции РФ; 13,5% – указали Следственный комитет РФ; 11,5% – другие органы).

4. Необходимо решить проблему независимости от импортного (в первую очередь, американского) оборудования и расходных материалов. Надо обратить больше внимания на поддержку отечественных разработчиков геномных исследований.

Так, ученые Института биохимии и генетики Уфимского Федерального исследовательского центра Российской академии наук (УФИЦ РАН) разработали уникальный способ оцифровки в бинарном формате сразу всей четверки нуклеотидов в каждом снипе. Этот способ обладает целым рядом важных преимуществ, в том числе для формирования баз данных. Его внедрение в практику позволит достичь максимального уровня цифровизации (решится проблема уменьшения объема занимаемой информации о геномной базе данных), так как объем введенной в базу данных информации при ДНК-идентификации личности с помощью снипов составит для одного человека не более одного килобайта (для сравнения: с помощью ныне практикуемых STR-локусов – более 200 килобайт).

Данный метод позволяет отойти от подходов, основанных на VNTR-локусах, предлагаемых фирмами США, и на STR-локусах, предлагаемых Великобританией. К тому же, он является менее дорогостоящим.

Таким образом, с учетом вышеописанных специфических особенностей проведения всеобщей геномной регистрации населения Российской Федерации будет создана основа биометрической базы данных населения, позволяющей решать многие проблемы, связанные с идентификацией личности, включая повышение качества раскрытия и расследования преступлений.

Библиографические ссылки

1. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2018 года [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/16053092> (дата обращения: 18.06. 2019).

2. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике. М. : Изд-во НКВД РСФСР, 1924.
3. Аминев Ф.Г. Современные возможности криминалистической регистрации в обеспечении антикриминальной безопасности личности и государства // Криминальные угрозы современности и стратегии антикриминальной безопасности личности, общества, государства : материалы Международной научно-практической конференции (8-е Каиржановские криминологические чтения), посвященной памяти Каиржанова Елегена Изтлеуовича (г. Алматы, 30 ноября 2018 г.). Алматы, 2018. С. 6-11.
4. Аминев Ф.Г. Особенности использования специальных знаний как составной части методики расследования преступлений, связанных с экстремизмом и терроризмом // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 3 (49). С. 130-137.
5. Аминев Ф.Г. Теория и практика использования специальных знаний в расследовании преступлений : монография. Уфа : РИЦ БашГУ, 2015.
6. Варданян А.В., Кулешов Р.В. О классификации явлений экстремизма и терроризма: единство сущности и поливариантность отображения в социуме // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 4 (42). С. 31–35.
7. Эволюция подходов к ДНК-идентификации личности / Д.А. Чемерис и др. // Биомика [Электронный рецензируемый журнал]. 2018. Том 10. № 1. С. 85-140.

References

1. Costoyaniye prestupnosti v Rossii za yanvar'-dekabr' 2018 goda (The state of crime in Russia during January-December 2018). URL: <https://mvd.rf/reports/item/16053092> (reference date: 18.06. 2019).
2. Yakimov I.N. Kriminalistika. Rukovodstvo po ugolovnoy tekhnike (Forensics. Criminal Engineering Guide). Moscow, Izd-vo NKVD RSFSR, 1924.
3. Aminev F.G. Sovremennyye vozmozhnosti kriminalisticheskoy registratsii v obespechenii antikriminal'noy bezopasnosti lichnosti i gosudarstva (Modern possibilities of forensic registration in ensuring the anti-criminal security of an individual and the state). *Kriminal'nyye ugrozy sovremenosti i strategii antikriminal'noy bezopasnosti lichnosti, obshchestva, gosudarstvo*, materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (8-ye Kairzhanovskiye kriminologicheskiye chteniya), posvyashchennoy pamyati Kairzhanova Yelegena Iztleuovicha (g. Almaty, 30 noyabrya 2018 g.). Almaty, 2018, pp. 6-11.
4. Aminev F.G. Osobennosti ispol'zovaniya spetsial'nykh znaniy kak sostavnoy chasti metodiki rassledovaniya prestupleniy, svyazannykh s ekstremizmom i terrorizmom (Features of the use of special knowledge as a part of the methodology for investigating crimes related to extremism and terrorism). *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2017, No. 3 (49), pp. 130-137.
5. Aminev F.G. Teoriya i praktika ispol'zovaniya spetsial'nykh znaniy v rassledovanii prestupleniy (Theory and practice of using special knowledge in crimes investigation), monografiya. Ufa : RITS BashGU, 2015.
6. Vardanyan A.V., Kuleshov R.V. O klassifikatsii yavleniy ekstremizma i terrorizma: yedinstvo sushchnosti i polivariantnost' otobrazheniya v sotsiуме (On the classification of the phenomena of extremism and terrorism: the unity of essence and the multivariance of display in society). *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2015, No. 4 (42), pp. 31–35.
7. Evolyutsiya podkhodov k DNK-identifikatsii lichnosti (The evolution of approaches to DNA personal identification). D.A. Chemeris i dr. *Biomika*, 2018, tom 10, No. 1, pp. 85-140.

Дата поступления: 10.08.2019

Received: 10.08.2019

УДК 343.98

**ТАКТИКА ОЧНОЙ СТАВКИ
С УЧАСТИЕМ ЗАЩИТНИКА****ГАЛИМХАНОВ Азат Булатович**

*кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, Россия.
E-mail: alflaw@mail.ru*

Очная ставка является одним из самых сложных следственных действий. Решая вопрос о проведении очной ставки, следователю необходимо взвесить все риски, которые могут привести к отрицательному результату. Например, лицо, дающее правдивые показания, может изменить свои показания под психологическим воздействием второго участника очной ставки. Активное участие адвоката, защищающего обвиняемого, дающего ложные показания, также может привести к тому, что другой участник очной ставки начнет менять свои показания. Таким образом, следователь должен тщательно подготовиться к проведению очной ставки, предусмотреть разные варианты развития ситуации с учетом того, что в следственном действии будет принимать участие профессиональный адвокат, хорошо разбирающийся в криминалистической тактике и методике. Следовательно необходимо продумать, какие тактические приемы будет использовать защитник для достижения своих целей, и какие тактические приемы должен будет использовать сам следователь. В статье рассматриваются тактические приемы подготовки и проведения очной ставки и возможные действия адвоката и его подзащитного, дающего ложные показания.

Ключевые слова: тактические приемы очной ставки, обвиняемый, защитник, противодействие защитника тактике следователя, подготовка к очной ставке.

**TACTICS OF FACE-TO-FACE
CONFRONTATION
IN THE PRESENCE OF THE DEFENDER****GALIMKHANOV Azat Bulatovic**

Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Forensics of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia. E-mail: alflaw@mail.ru

Face-to-face confrontation is one of the most difficult investigative actions. When deciding whether to conduct a confrontation, the investigator must weigh all the risks that can lead to a negative result. For example, a person giving truthful testimony may change his testimony under psychological influence of the second participant in the confrontation. The active participation of a lawyer defending an accused person who gives false testimony can also lead to the fact that another participant in the confrontation will begin to change his testimony. Thus, the investigator must carefully prepare for the confrontation, provide different options for the development of the situation, taking into account the fact that a professional lawyer who is well versed in forensic tactics and techniques will attend the investigative action. The investigator needs to consider what tactics the defender will use to achieve his goals and what tactics the investigator himself will have to use. The paper discusses the tactics of preparation and conducting confrontation and possible actions of a lawyer and his client, giving false testimony.

Key words: tactical methods of face-to-face confrontation, accused, defender, defender's counteraction to the investigator's tactics, preparation for face-to-face confrontation.

С тактической точки зрения очная ставка является одним из самых сложных следственных действий, основной задачей которой является устранение существенных противоречий в ранее данных показаниях лиц [1]. Очная ставка может не только не привести к положительному для следователя результату, но и наоборот, ухудшить следственную ситуацию. Например, если на очной ставке, под психологическим воздействием второго участника, лицо, дающее правдивые показания, изменит свои показания и начнет давать ложные (в том числе и искренне полагая, что раньше он заблуждался). В этой связи, многие ученые и практики призывают осторожно подходить при решении вопроса о проведении очной ставки. Криминалистами разработаны тактические приемы и рекомендации по организации и проведению очной ставки, в том числе и по вопросу – кого допрашивать первым: лицо, дающее правдивые показания или лицо, дающее ложные показания. Обычно рекомендуется первым допрашивать лицо, дающее правдивые показания. Так как в этом случае предполагается, что это лицо окажет психологическое воздействие на второго участника, тем самым побудит его дать правдивые показания. Кроме того, это позволит минимизировать неблагоприятное психологическое воздействие со стороны второго участника. В принципе соглашаясь с этой рекомендацией, хотелось бы отметить следующее. Данные рекомендации были разработаны криминалистами в тот период, когда очная ставка зачастую проводилась без участия защитника. Следует согласиться с тем, что защита своих интересов обвиняемым без участия адвоката не всегда бывает полноценной. Естественно, что если при производстве очной ставки защитник лица, который дает ложные показания не принимает участие, то следователю тактически проще организовать и провести данное следственное действие, в том числе и пресечь негативное влияние со стороны лжеца на добросовестного участника. В этих случаях следователю чаще удается достичь положительных результатов. Современное уголовно-процессуальное законодательство предоставляет возможность активного участия на предварительном следствии защитнику. В этой связи, полагаем, что возросли и тактические риски при производстве очной ставки. Не всегда допрос лица, дающего правдивые показания первым, может привести к достижению положительного результата. Например, защитник может порекомендовать своему подзащитному, дающему ложные показания, выслушать показания первого участника очной ставки, никак на них не реагировать, отказаться отвечать на вопросы следователя. Это делается для того, чтобы впоследствии защитник мог проанализировать данные показания и выстроить свою тактику защиты. Кроме того, защитник, порекомендовав своему подзащитному отказаться от дачи показаний, в тоже время сам может начать задавать вопросы первому участнику, с тем, чтобы зародить у него сомнения, "запутать" его. Защитник может также начать задавать вопросы своему подзащитному, формируя выгодные для стороны защиты показания. Причем, его подзащитный может продолжать отказываться от дачи ответов на вопросы следователя. Полагаем, что в данном случае следователю нельзя быть пассивным наблюдателем и также активно вести свою линию. Например, после вопросов защитника, самому начать задавать вопросы первому участнику, оказывая ему моральную поддержку. Если следователь сочтет, что вопросы защитника не соответствуют требованиям уголовно-процессуального кодекса, он может их отвести. Если участником очной ставки, дающим правдивые показания, является обвиняемый (подозреваемый), желательно обеспечить участие при проведении очной ставки его защитника. Полагаем, что защитник этого обвиняемого также может занимать активную позицию и противодействовать негативному воздействию со стороны другого защитника и его подзащитного, дающего ложные показания.

Статья 45 УПК РФ предоставляет потерпевшему право иметь представителя (адвоката, близкого родственника или иного лица, о допуске которого ходатайствует потерпевший) [2]. Полагаем, что при производстве очной ставки между обвиняемым, дающим ложные показания и потерпевшим, дающим изобличающие обвиняемого показания, следователь может разъяснить потерпевшему право на участие в очной ставке его представителя и порекомендовать прийти на очную ставку с представителем.

Если следователь почувствовал, что добросовестный участник очной ставки под давлением защитника другого участника начал путаться, растерялся, можно объявить о перерыве в производстве очной ставки.

При подготовке к проведению очной ставки, необходимо продумать вопрос об участии сотрудников полиции. Это нужно как в целях безопасности участников, а также для того, чтобы добросовестный участник очной ставки (особенно потерпевший или свидетель) психологически чувствовал себя более уверенно. Следователю необходимо заранее продумать размещение сотрудника полиции при производстве очной ставки. Например, посадить его рядом с лицом, дающим правдивые показания или между участниками очной ставки. На практике бывают случаи, когда с ходатайством о производстве очной ставки обращается обвиняемый, дающий ложные показания (полностью или частично) и его защитник, пытающийся убедить следователя в том, что именно этот обвиняемый дает правдивые показания. Полагаем, что надо осторожно подходить к заявленному ходатайству. Не исключено, что защитник ходатайствовал о проведении очной ставки только для того, чтобы детально узнать о показаниях другого участника (потерпевшего, свидетеля, соучастника). Кроме того, целью защитника может являться стремление "убедить" лицо, дающее правдивые показания в ошибочности даваемых им показаниях.

В соответствии со ст. 192 УПК РФ лица, между которыми проводится очная ставка, могут с разрешения следователя задавать вопросы друг другу. Полагаем, что в случае, если оба участника очной ставки изъявят желание задавать вопросы, то в первую очередь необходимо предоставить такую возможность участнику, дающему правдивые показания. Следователю необходимо внимательно выслушать задаваемые им вопросы, так как, не исключено, что данный участник может обратить внимание на некоторые нюансы, которые знает только он. Соответственно, далее следователь может также развивать это направление и также начать задавать вопросы другому участнику очной ставки, дающему ложные показания.

Таким образом, следователь должен тщательно подготовиться к проведению очной ставки, предусмотреть разные варианты развития ситуации с учетом того, что в этом следственном действии будет принимать участие профессиональный адвокат, хорошо разбирающийся в криминалистической тактике и методике. Следователю необходимо продумать, какие тактические приемы будет использовать защитник для достижения своих целей, и какие тактические приемы должен будет использовать сам следователь.

Библиографические ссылки

1. Зорин Р.Г. На пути повышения совершенствования правового регулирования задач очной ставки в уголовном судопроизводстве // Правовой аспект. 2012. № 1. С. 109-113.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: принят 18 декабря 2001 г. // Ведомости Федерального собрания Российской Федерации. 2002. № 1. ст. 1.

References

1. Zorin R.G. Na puti povysheniya sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya zadach ochnoy stavki v ugovolnom sudoproizvodstve (On the way to improve legal regulation of confrontation in criminal proceedings). *Pravovoy aspekt*, 2012, No. 1, pp. 109-113.
2. Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii: prinyat 18 dekabrya 2001 g. (The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: adopted December 18, 2001). *Vedomosti Federal'nogo sobraniya Rossiyskoy Federatsii*. 2002, No. 1, st. 1.

Дата поступления: 30.08.2019

Received: 30.08.2019

УДК 343.98

**ОБ ЭТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА****ХОМУТОВ Сергей Викторович**

*аспирант кафедры криминалистики Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, России.
E-mail: ksv.18@bk.ru*

**ON ETHICAL ASPECTS OF FORENSIC
EVALUATION OF EXPERT FINDINGS****KHOMUTOV Sergey Viktorovich**

Postgraduate Student of the Chair of Forensics of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State University", Ufa, Russia. E-mail: ksv.18@bk.ru

Предметом статьи является анализ этической стороны криминалистической оценки заключения эксперта. Показана необходимость понимания при криминалистической оценке заключения эксперта нравственно-этического обоснования результатов проведенной криминалистической оценки экспертного исследования. Рассмотрены ситуации, в которых специалист при проведении криминалистической оценки заключения эксперта может прийти к необъективному выводу. Предложены требования, которым должен соответствовать специалист для проведения объективной, профессиональной криминалистической оценки заключения эксперта. Даны рекомендации, позволяющие специалистам провести оценку заключения эксперта в строгом соответствии с этическими требованиями.

Ключевые слова: судебный эксперт, заключение эксперта, криминалистическая оценка, выводы, этика, рецензия.

This research focuses on analyzing ethical side of forensic evaluation of expert findings. The paper proves the necessity to understand moral and ethical grounds of the results of forensic evaluation of expert findings. The author reviews situations in which a specialist can come to a biased conclusion when conducting forensic evaluation of expert findings. The author proposes some requirements to be met by a specialist for an objective, professional forensic evaluation of expert findings. Some recommendations that allow specialists to assess expert findings in strict accordance with ethical requirements are given.

Key words: forensic expert, expert findings, forensic evaluation, conclusions, ethics, review.

Процесс формирования и оценки доказательств, в том числе, при помощи научно-технических средств и методов, предполагает многоаспектную оценочную деятельность со стороны соответствующих участников судопроизводства. При этом отдельного внимания заслуживает процессуальная оценка документа, имеющего, порой, решающее значение для хода судопроизводства – заключения эксперта, которое способствует установлению обстоятельств по уголовному делу, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, и является доказательством [1, с. 53]. Отметим, что основные положения процессуальной оценки заключения эксперта и специалиста достаточно проработаны и устоялись [2; 3]. Одновременно с процессуальной оценкой заключения эксперта, а чаще, предшествует ей оценка заключения эксперта и специалиста вне рамок процесса. При этом можно утверждать, что непроцессуальная оценка этих документов следователем, дознавателем, руководителем следственного органа, начальником подразделения дознания, начальником органа дознания, прокурором, судом (судьей), защитником, частным обвинителем, потерпевшим, представителем потерпевшего, подозреваемым,

обвиняемым, законным представителем несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, свидетелем, гражданским истцом, гражданским ответчиком в научно-методическом плане будет являться недостаточно научно обоснованной, так как эти участники процесса не обладают системой специальных знаний, позволяющих произвести полноценную объективную оценку заключений эксперта и специалиста. Кроме того, данные участники в большинстве своем – лица заинтересованные в исходе дела, и их оценка будет, соответственно, недостаточно объективной.

Поэтому непроцессуальную, и именно, криминалистическую оценку заключения эксперта и специалиста объективно и научно обоснованно могут провести сведущие лица – обладатели специальных знаний в определенной области науки, техники, искусства и ремесла, а именно: специалисты, эксперты судебно-экспертных организаций и руководители судебно-экспертных организаций. Представляется, что только при проведении оценки данными лицами будут выполнены все основные функции криминалистической оценки:

- аксиологическая;
- регулятивная;
- познавательная;
- воспитательная;
- мотивационная;
- образовательная.

Придавая большое значение криминалистической оценке заключений эксперта и специалиста, предваряющей, а в ряде случаев, облегчающей процессуальную оценку этого вида доказательства, полагаем, следует уделить особое внимание этическим аспектам такой оценки.

Во-первых, в судебной и экспертной практике чаще приходится сталкиваться с криминалистической оценкой заключения и эксперта в виде рецензии специалиста, которую озаглавливают по-разному: «Заключение специалиста», «Письменная консультация», «Рецензия» и т.д. Само слово «рецензия» [лат. *resenzio* рассмотрение, разбор] понимается как критическая оценка научного произведения; статья в журнале, содержащая такую оценку [4, с. 245]. Поэтому необходимо воспринимать объективно выполненную рецензию, как автору рецензируемого заключения эксперта, так и иным лицам, в качестве документа, обращающего внимание на недостатки заключения эксперта для последующего их исправления. Думается, корректное указание на допущенные ошибки коллеги вполне укладывается в этику взаимоотношений специалистов одного и того же вида деятельности.

Во-вторых, криминалистическая оценка в виде рецензии должна быть поручена специалисту-профессионалу высокого класса, который соответствует следующим требованиям:

- владеет процессуальными знаниями (компетенцией);
- владеет объективной компетенцией (направление соответствующей экспертной специальности, по которой специалист имеет право производства судебных экспертиз);
- владеет субъективной компетенцией (системой знаний, умений и навыков соответствующей экспертной специальности, которые проявляются в ходе его работы).

Вышеназванные требования можно объединить одним термином – владение профессиональной компетенцией, или специальной компетентностью [5, с. 398]. При этом процессуальными знаниями рецензенты, как правило, владеют на удовлетворительном уровне. Объективная компетенция, составляющая всю систему специальных знаний в определенной области науки, техники, искусства и ремесла, также общеизвестна. К определению уровня третьей части профессиональной компетенции рецензента – субъективной компетенции – относится основная часть проблем объективности оценки заключений эксперта и специалиста. По нашему мнению, у рецензента показателями субъективной компетенции (компетентности рецензента) должны быть следующие:

- стаж производства судебных экспертиз по конкретной экспертной специальности не менее семи лет;
- владение объемом компетентности не менее объема компетентности проверяемого эксперта (специалиста);
- знание формирования и современного состояния судебной экспертизы данной экспертной специальности, т.е. рецензент должен быть серьезным теоретиком и практиком данного вида судебной экспертизы.

К сожалению, на практике вышеперечисленные требования иногда нарушаются: в качестве рецензента привлекают недостаточно авторитетного, неопытного, слабоквалифицированного, не владеющего современными технологиями и методиками специалиста, который проводит «рецензию» заключения эксперта на крайне низком научно-методическом уровне с одним лишь намерением – получить денежные средства за свою «работу». Такой подход к криминалистической оценке заключения эксперта является недопустимым и крайне неэтичным. Кстати, именно поэтому считается, что привлекать специалиста к оценке заключения эксперта надо в исключительных случаях [6, с. 215].

По нашему мнению, специалист, к которому обратились с заданием о проведении рецензии, должен сначала объективно оценить свои возможности и способности, уровень квалификации и лишь затем проводить рецензирование, которое профессионалы считают большой научной работой высокого ранга – «супер-экспертизой». И если у специалиста недостаточно таких качеств, то ему лучше отказаться от рецензирования. Профессионализм и нравственность должны во взаимодействии обеспечить проведение объективной криминалистической оценки заключения эксперта, которая не должна стать объектом для критики коллег.

Соответствие рецензента требованиям всеобъемлющего знания современного состояния методик и технологий судебной экспертизы конкретной экспертной специальности, крайне затруднено, в том числе, и из-за того, что методики, по которым проводятся судебные экспертизы в судебно-экспертных организациях разных ведомств, к сожалению, различаются и не стандартизированы. Поэтому оценка научно-методической составляющей заключения эксперта, особенно, проведенного в негосударственных судебно-экспертных организациях, представляет определенные трудности. Объясняется это тем, что эксперты государственных судебно-экспертных организаций проводят судебные экспертизы только по проверенным и рекомендованным данным ведомством экспертным методикам, а эксперты негосударственных судебно-экспертных организаций пользуются теми методиками, какие считаются ими подходящими для решения поставленных перед ними экспертных задач. В некоторых случаях ими используются непроверенные, научно необоснованные методики, реализация которых дает нередко ошибочный или неточный результат.

Для стандартизации судебно-экспертной деятельности и единообразия требований к качеству судебных экспертиз Приказом Росстандарта от 13 мая 2015 г. № 561 создан Технический комитет по стандартизации 134 «Судебная экспертиза» (далее – ТК 134), который является зеркальным ИСО/ПК 272 «Forensic Science». Приказом Росстандарта от 11 января 2016 г. № 4 за ТК 134 закреплена тематика международного комитета ИСО/ ТК 272 в международной организации по стандартизации (ISO) [7, с. 30].

Отметим еще одну сторону этики криминалистической оценки заключения эксперта, которая даже при проведенном глубоком научном анализе заключения вызывает отрицательное отношение к самой оценке – это ее оформление. В ситуации напряжения интеллектуальных и морально-нравственных сил, в которой обычно реализуется судопроизводство, небрежность, неграмотность в оформлении, некорректные обороты в тексте документа, содержащего криминалистическую оценку заключения эксперта (рецензии, письменной консультации, мнения специалиста), могут быть расценены как неуважение к гражданам, а возможно (при дальнейшем его публичном оглашении) – к суду. Поэтому, представляется, что

грамотно составленный текст криминалистической оценки заключения эксперта представляет собой не только документ, составленный профессиональным компетентным специалистом, но и является отражением системы взаимодействия нравственной и правовой идеологии, которая будет гарантировать соблюдение интересов граждан и государства.

И, наконец, специалист, проводящий криминалистическую оценку заключения эксперта и специалиста, должен соответствовать высоким морально-нравственным требованиям:

- независимости (независимая позиция в отношении всех участников судопроизводства, включая лиц, привлечших его к оценке заключения эксперта и специалиста);
- объективности (свободен от предвзятости и предпочтений к кому-либо);
- честности (правдивость и приведение только тех результатов, которые получены в ходе анализа заключения эксперта и специалиста);
- равенства (равное отношение ко всем участникам судопроизводства);
- добросовестности (постоянное совершенствование во имя проведения объективной оценки заключения эксперта и специалиста) и другим.

Во всех вышеназванных проблемах, связанных с этическими аспектами криминалистической оценки заключения эксперта специалистом, решение видится в проведении объективного высокопрофессионального анализа заключения эксперта с последующим грамотным корректным изложением в тексте.

Библиографические ссылки

1. Варданян А. В., Иванов М.Е. Перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов, как элемент криминалистической методики расследования указанных деяний // Юрист-Правовед. 2014. № 6 (67). С. 53-55.
2. Костенко Р.В. Оценка уголовно-процессуальных доказательств : монография. М. : Юрлитинформ, 2010.
3. Аминев Ф.Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения : автореф. ... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2016.
4. Локшина С.М. Краткий словарь иностранных слов. М. : Рус. яз., 1979.
5. Юматов В.А. Компетентность и компетенция судебного эксперта: содержание и объем понятий // Дискуссионные вопросы теории и практики судебной экспертизы: материалы II-й Международной научно-практической конференции (Москва, РГУП, 26-27 октября 2017 г.). М. : Интеркрим-Пресс, 2017. С. 391-400.
6. Дьяконова О.Г. Теоретические основы судебной экспертологии : монография. М. : Проспект, 2017.
7. Смирнова С.А., Омелянюк Г.Г., Усов А.И. Актуальные проблемы законодательного закрепления инноваций судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1 (41). С. 26-36.

References

1. Vardanyan A. V., Ivanov M.Ye. Perechen' obstoyatel'stv, podlezhashchikh dokazyvaniyu pri rassledovanii nezakonnoy dobychi (vylova) vodnykh biologicheskikh resursov, kak element kriminalisticheskoy metodiki rassledovaniya ukazannykh deyaniy (The list of circumstances to be proved in the investigation of illegal extraction (catch) of aquatic biological resources, as an element of the forensic methodology of investigation of these acts). *Yurist-Pravoved*, 2014, No. 6 (67), pp. 53-55.
2. Kostenko R.V. Otsenka ugolovno-protsessual'nykh dokazatel'stv (Assessment of criminal procedural evidence), monografiya. Moscow, Yurlitinform, 2010.

3. Aminev F.G. Sudebno-ekspertnaya deyatel'nost' v Rossiyskoy Federatsii: sovremennyye problemy i puti ikh resheniya (Forensic expert activity in the Russian Federation: modern problems and solutions), avtoref. ... d-ra yurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2016.
4. Lokshina S.M. Kratkiy slovar' inostrannykh slov (Brief Dictionary of Foreign Words). Moscow, Rus. yaz., 1979.
5. Yumatov V.A. Kompetentnost' i kompetentsiya sudebnogo eksperta: sodержaniye i ob'yem ponyatiy (Expert knowledge and competence of a forensic expert: content and scope of concepts). *Diskussionnyye voprosy teorii i praktiki sudebnoy ekspertizy: materialy II-y Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, RGUP, 26-27 oktyabrya 2017 g.)*. Moscow, Interkrim-Press, 2017, pp. 391-400.
6. D'yakonova O.G. Teoreticheskiye osnovy sudebnoy ekspertologii (Theoretical foundations of forensic expertology), monografiya. Moscow, Prospekt, 2017.
7. Smirnova S.A., Omel'yanyuk G.G., Usov A.I. Aktual'nyye problemy zakonodatel'nogo zakrepleniya innovatsiy sudebno-ekspertnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii (Actual problems of legislative consolidation of innovations of forensic activity in the Russian Federation). *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy*, 2016, No. 1 (41), pp. 26-36.

Дата поступления: 16.07.2019

Received: 16.07.2019

НАЛОГОВОЕ ПРАВО

УДК 347.73

НАЛОГОВЫЕ РАСХОДЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК СРЕДСТВО ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ РАСХОДАМИ БЮДЖЕТОВ БЮДЖЕТНОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ (ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

ВЕРШИЛО Татьяна Александровна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры финансового права ФГБОУ ВО Российский государственный университет правосудия», г. Москва, Россия.

E-mail: tvershilo@yandex.ru

В статье анализируется понятие налоговые расходы, порядок формирования и оценки налоговых льгот для бюджетного процесса в условиях цифровой экономики; влияние налоговых льгот на формирование расходов при составлении бюджетов бюджетной системы, поскольку налоговые льготы фактически предусматривают недополучение в качестве налоговых доходов бюджетов объема денежных средств на сумму предоставленных налоговых льгот. Дается обоснование с точки зрения правового регулирования оценки налоговых расходов публично-правового образования.

Ключевые слова: бюджет, бюджетная система, расходы бюджета, налоговые расходы, налоговые льготы, бюджетный контроль.

TAX EXPENSES OF A PUBLIC LAW ENTITY AS A MEANS OF EFFECTIVE MANAGEMENT OF BUDGETS EXPENSES OF THE BUDGET SYSTEM IN THE CONDITIONS OF FORMATION OF DIGITAL ECONOMY (LEGAL ASPECT)

VERSHILO Tatyana Aleksandrovna

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Financial Law of the FSBEI HE "Russian State University of Justice", Moscow, Russia.

E-mail: tver-shilo@yandex.ru

The paper analyzes the concept of tax expenses, the procedure for forming and assessing tax benefits for the budget process in digital economy; the impact of tax benefits on the formation of expenses while preparing budgets of the budget system, since tax benefits actually provide for the shortfall in the amount of cash funds as tax revenues for the amount of tax benefits provided. The substantiation is given from the point of view of legal regulation of assessing tax expenses of a public law entity.

Key words: budget, budget system, budget expenses, tax expenses, tax benefits, budget control.

Эффективное управление бюджетной сферой, в том числе и расходами бюджетов является трендом сегодняшнего развития России, при этом данному направлению уделяется пристальное внимание, поскольку от того как расходуются денежные средства централизованного денежного фонда будет зависеть качество жизни не только каждого гражданина, в частности, но и экономическое развитие всего государства в целом [1, с.12-14]. Установление государством различных видов налоговых льгот (освобождений, вычетов и др.) фактически предусматривает недополучение в качестве налоговых доходов бюджетов объема денежных средств на сумму предоставленных налоговых льгот. Стоит учитывать существенный нюанс, налоговые льготы являются факультативным элементом конструкции налога, и предусмотрены не по всем налогам, но их предоставление с одной стороны направлено на достижение со-

циальной справедливости между налогоплательщиками, имеющими разные финансовые возможности (например, снижение налогового бремени для малоимущих), а с другой стороны – призвано стимулировать развитие разных сфер общественной жизни, способствовать увеличению рабочих мест и т.д.

Следовательно, отказаться от наличия такого инструмента в регулировании налоговых отношений – как налоговые льготы государство не может, в противном случае будет нарушен «хрупкий» баланс сочетания интересов государства и интересов налогоплательщика. Таким образом предоставление налоговых льгот фактически является налоговыми расходами бюджетов публично-правового образования, т.е. на практике «налоговые расходы» являются альтернативой другим мерам государственной поддержки (например, предоставление субсидий на возмещение затрат товаропроизводителям, на регулирование цен по тарифам), включая непосредственные расходы бюджетов.

Налоговый кодекс Российской Федерации не только зафиксировал легальное определение «налоговых льгот» (ст. 56), но и установил важный принцип их предоставления – предоставление льгот не может быть индивидуализировано [2, с. 1-8] (аб.2. ч. 1 ст. 56), а, следовательно, как указал Конституционный Суд РФ налоговая льгота – это исключение из закрепленных в Конституции РФ правил налогообложения [3], которые позволяют достичь определенного баланса интересов всех участников в налоговых правоотношениях, т.е. сочетать возможности налогоплательщиков уплатить налог и государства, в получении доходов.

В противном случае, если этот принцип нарушается, то усложняется, во-первых, налоговое администрирование, поскольку есть возможность для злоупотреблений в этой сфере; во-вторых, увеличиваются расходы государства на исполнение требований налогового законодательства, связанные с осуществлением налогового контроля. И с этой точки зрения предоставление налоговых льгот делают бюджетный процесс уязвимым в области недополучения соответствующих доходов на суммы предоставленных налоговых льгот в текущем финансовом году, а в налоговом процессе нарушается принцип справедливости, удобства и эффективности налогообложения [4, с. 14]. А поскольку налоги направлены на финансовое обеспечение государства, то между бюджетным процессом и налоговым процессом возникает диссонанс. И решить этот диссонанс призваны новейшие цифровые технологии, которые используются как в бюджетном процессе, так и налоговом.

Понятие «налоговых расходов» в российском законодательстве до января 2019 года отсутствовало, при этом урегулировать эти вопросы в России было рекомендовано Международным Валютным Фондом» [5, с.85], который сформулировал не только дефиницию «налоговые расходы», но и описал опыт таких стран, как Германия, США, Великобритания и др. по использованию информации относительно налоговых расходов и влияния их на формирование доходов в бюджетном процессе в этих странах. Причем давая определения налоговым расходам МВФ указывал на то, что в налоговом законодательстве большинства стран, учитывающих налоговые расходы, присутствуют существенные пробелы, которые снижают эффективность бюджетного процесса [6, с. 102-103], а отсюда, бюджет страны недополучает соответствующие доходы, и для решения этой проблемы МВФ рекомендовал странам осуществить оценку влияния налоговых расходов на бюджетный процесс.

Включение понятия «налоговые расходы» в российское бюджетное законодательство стало возможным только после того как Министерство финансов разработало направления совершенствования бюджетного законодательства, которые отразило в Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2017 год и плановый период 2018 и 2019 годов и предусмотрело в них параметры определения налоговых расходов по различным видам налоговых доходов бюджетов бюджетной системы РФ. Таким образом, Министерство финансов РФ с одной стороны выполнило рекомендации МВФ, а с другой стороны проанализировало дополнительные возможности по получению дохода бюджетами

Российской Федерации, реализовав тем самым эти рекомендации при подготовке федерального бюджета на 2019 год.

Фактически урегулировать вопросы, связанные с недополучением доходов государством в результате предоставления налоговых льгот призван Федеральный закон, принятый 25 декабря 2018 г. № 494-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации» [11], отдельные нормы которого вступили в действие с 1 января 2019 г. Данным Законом Бюджетный кодекс Российской Федерации был дополнен двумя статьями, касающиеся налоговых расходов. Как уже было отмечено, принятие данного Закона стало одним из результатов выполнения Российской Федерацией рекомендаций МВФ о повышении прозрачности бюджетно-налоговой сферы и совершенствования бюджетного и налогового федерализма, которому в последнее время уделяется не достаточное внимание. А ведь бюджетный федерализм – не только залог успеха развития всего государства в целом, но и является стимулом для увеличения налогового потенциала каждого региона Российской Федерации. Таким образом, выстроив оптимальную модель бюджетного и налогового федерализма, которая свойственна только нашему государству можно достичь серьезных успехов в его управлении.

Рассмотрим эти изменения. Так, Бюджетный кодекс РФ был дополнен:

- тридцать пятым абзацем в ст. 6, в котором дана дефиниция «налоговые расходы публично-правового образования» – выпадающие доходы бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, обусловленные налоговыми льготами, освобождениями и иными преференциями по налогам, сборам, таможенным платежам, страховым взносам на обязательное социальное страхование, предусмотренными в качестве мер государственной (муниципальной) поддержки в соответствии с целями государственных (муниципальных) программ и (или) целями социально-экономической политики публично-правового образования, не относящимися к государственным (муниципальным) программам.

Анализируя, данное определение можно отметить следующие моменты: во-первых, законодатель определил налоговые расходы публично-правового образования как выпадающие доходы, т.е. те доходы, которые недополучило публично-правовое образование в связи с предоставлением льгот; во-вторых, законодатель установил в качестве налоговых расходов публично-правового образования исчерпывающий перечень льгот, которые необходимо учитывать в качестве налоговых расходов; в-третьих, к налоговым расходам публично-правового образования законодатель отнес не только льготы, которые обусловлены налоговым законодательством, но также и льготы, которые установлены неналоговым законодательством, а именно таможенным и законодательством об обязательном социальном страховании; в-четвертых, возникает вопрос, как рассматривать льготы, предусмотренные иным законодательством, предоставление которых также затрагивает выпадающие доходы бюджетов.

- Ст. 174.3, которая устанавливает новую обязанность для каждого публично-правового образования – формировать перечень соответствующих налоговых расходов. При этом, формируя такой перечень, органы власти обязаны ежегодно проводить оценку налоговых расходов публично-правовых образований.

Следует отметить, что положения ст. 174.3 Бюджетного кодекса Российской Федерации в отношении муниципальных образований применяются согласно Закону с 1 января 2020 г. Кроме того, 22 июня 2019 г. Правительством РФ утверждены Общие требования к оценке их налоговых расходов [10]. Согласно данному Постановлению оценка эффективности налоговых расходов будет осуществляться кураторами налоговых расходов – органами исполнительной власти (местной администрации). На кураторов налоговых расходов будет возложена дополнительная обязанность, согласно которой они будут отвечать за достижение тех целей, которые заявлены в программах государства или муниципального образования, или целей социально-экономической политики, не относящихся к государственным программам соответствующие налоговому расходу, т.е. тем объемам налоговых льгот, которые были предо-

ставлены государством. Кураторы налоговых расходов кроме этого должны оценивать эффективность предоставленных налоговых льгот для бюджетного процесса.

При этом высший орган исполнительной власти в своем Постановлении установил критерии оценки целесообразности налоговых расходов, причем перечень таких критериев является открытым. И сами кураторы налоговых расходов в случаях необходимости могут установить дополнительные критерии. При этом, что является «необходимостью» в подзаконном акте не раскрывается. Представляется, что это создает дополнительные возможности органам власти самостоятельно устанавливать критерии, которые позволяют с одной стороны уменьшить налоговые расходы, в связи с отказом в предоставлении налоговых льгот, а с другой стороны есть некая «лазейка» для злоупотреблений в этой сфере.

Кроме того, Постановлением устанавливаются критерий и оценка результативности налогового расхода, которые отражают разные виды налоговых расходов: социальный, фискальный, стимулирующий, технический и целевой. В качестве критерия определяется как минимум один показатель (индикатор) программы, который позволяет судить о достижении ее целей.

Оценить же результативность налоговых расходов, согласно Постановлению, возможно только на основании оценки сравнительного анализа результативности предоставления льгот и результативности применения альтернативных механизмов достижения целей, таких как предоставление субсидий, государственных гарантий и др., результатом которой будет бюджетная эффективность или неэффективность. При этом оценка совокупного бюджетного эффекта (самоокупаемости) стимулирующих налоговых расходов осуществляется за период с начала действия соответствующих льгот или за 5 отчетных лет, а в случае, если указанные льготы действуют более 6 лет, – на день проведения оценки эффективности налогового расхода (Е) по установленной формуле.

Очень важно отметить, что результаты рассмотрения оценки налоговых расходов публично-правовых образований должны быть учтены, в частности, при формировании основных направлений бюджетной и налоговой политики субъектов Российской Федерации (муниципальных образований).

Таким образом, можно видеть, что Правительством РФ разработан механизм оценки налоговых расходов, который для субъектов РФ и муниципальных образований будет использован в бюджетном процессе на 2020 год. Аналогичная норма будет действовать и для оценки налоговых расходов Российской Федерации, поскольку 12 апреля 2019 г. Правительством РФ было принято постановление № 439 «Об утверждении правил формирования перечня налоговых расходов Российской Федерации и оценки налоговых расходов Российской Федерации» [9].

Важно отметить, что в целях повышения оценки эффективности налоговых расходов бюджетов субъектов РФ и муниципальных образований Министерством финансов в настоящее время подготовлен проект Постановления Правительства РФ «Об утверждении Методики оценки эффективности налоговых льгот (налоговых расходов) субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» [8]. В проекте данного Постановления утверждена методика, которой определяются требования к порядку, критериям оценки эффективности налоговых расходов. Методикой также определяются особенности учета оценки эффективности налоговых расходов субъектов РФ. Использование данной методики необходимо в целях распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации. Также Методикой устанавливаются две основные группы налоговых расходов: программные и непрограммные. Программные налоговые расходы являются таковыми, согласно Методике, если соответствуют целям указанных льгот (расходов) приоритетам и целям социально-экономического развития. Такие цели должны быть определены в соответствующих программах. Если же налоговые льготы (налоговые расходы) соответствуют не-

скольким целям, которые заложены в разных программах, то Методика их относит к налоговым льготам, которые не могут быть распределены, а, соответственно, являются непрограммными налоговыми льготами (налоговыми расходами).

На данный момент этот документ не принят.

- Абзацем двадцать шестым ст. 192, устанавливающий дополнительный обязательный документ при внесении на рассмотрении Государственной Думы проекта федерального бюджета на очередной финансовый год и плановый период, поскольку такой документ является обязательным, то органы исполнительной власти должны просчитать все риски, связанные с предоставлением льгот. Таким документом является отчет об оценке налоговых расходов Российской Федерации за отчетный финансовый год, который формируют кураторы налоговых расходов, определяемые на всех уровнях власти. Введение данного абзаца, как представляется, должно обеспечить возможность осуществления парламентского контроля за качеством и достоверностью указанной оценки, поскольку в настоящее время контроль за оценкой налоговых льгот со стороны Парламента отсутствует.

На основании вышеизложенного полагаем, что в условиях увеличения возможностей налоговых органов применять разные методы при осуществлении налогового контроля, отсутствуют механизмы контроля за предоставлением налоговых льгот, которые носят постоянный и не заявительный характер, тем самым влияющее на формирование доходной части бюджета. Нормы Закона № 494-ФЗ создают потенциал для дополнительных источников дохода бюджета, поскольку предусматривают обязанность в рамках осуществления бюджетного процесса органами власти всех уровней проводить постоянный мониторинг и осуществлять оценку предоставленных налоговых льгот, с точки зрения влияния их на формирование доходной части бюджета. Думаем, что своевременная и обоснованная информация о налоговых расходах публично-правового образования послужит одним из средств эффективного управления расходами бюджетов бюджетной системы в условиях становления цифровой экономики. Кроме того, в Законе устанавливается обязанность кураторов налоговых расходов оценить все риски, связанные с предоставлением налоговых льгот органами власти для достижения выполнения тех параметров, которые заложены в государственных или муниципальных программах, однако в Законе отсутствует ответственность данных лиц в случае неправильной (неправомерной) оценки налоговых расходов публично-правового образования. В связи с этим, полагаем, что для кураторов налоговых расходов, необходимо установить персональную ответственность за достоверность предоставленной информации о налоговых расходах, которая является одним из источников для составления проектов бюджетов бюджетной системы.

Библиографические ссылки

1. Вершило Т.А. Бюджет и его роль в управлении государством // Финансовое право. 2015. № 12. С. 12-14.
2. Копина А.А. Равенство, дискриминация и дифференциация налогоплательщиков // Налоги. 2017. № 22. С. 1-8.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2018 № 1713-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белоцерковца Сергея Ивановича на нарушение его конституционных прав статьей 3 Закона Астраханской области «О транспортном налоге» [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Малинина Т.А. Оценка налоговых льгот и освобождений: зарубежный опыт и российская практика. М. : Ин-т Гайдара, 2010.

5. Руководство по обеспечению прозрачности в бюджетно-налоговой сфере. Вашингтон, округ Колумбия. Управление по бюджетным вопросам. 2001 // Международный Валютный Фонд. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.b-ok.org/book/523638/77cd55> (дата обращения: 12.03.2019).
6. Руководство по обеспечению прозрачности в бюджетно-налоговой сфере. 2007. П. 187. Налоговые расходы // Международный валютный фонд [Электронный ресурс]. URL: http://www.misbfm.ru/sites/all/files/rukovodstvo_po_obespecheniyu_prozrachnosti_v_byudzhetho-nalogovoy_sfere_2007.pdf (дата обращения: 12.03.2019).
7. Руководство по обеспечению прозрачности в бюджетно-налоговой сфере. 2007. Вставка 16. Отчетность о налоговых расходах // Международный валютный фонд [Электронный ресурс]. URL: http://www.misbfm.ru/sites/all/files/rukovodstvo_po_obespecheniyu_prozrachnosti_v_byudzhetho-nalogovoy_sfere_2007.pdf (дата обращения: 12.03.2019).
8. Проект Постановления Правительства РФ «Об утверждении Методики оценки эффективности налоговых льгот (налоговых расходов) субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» // Федеральный портал проектов нормативных правовых [Электронный ресурс]. URL: <http://regulation.gov.ru/> (дата обращения: 12.03.2019).
9. Постановление Правительства РФ от 12 апреля 2019 г. № 439 «Об утверждении Правил формирования перечня налоговых расходов Российской Федерации и оценки налоговых расходов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 16. Ст. 1946.
10. Постановление Правительства РФ от 22 июня 2019 г. № 796 «Об общих требованиях к оценке налоговых расходов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» // Собрание законодательства РФ. 2019. 26. Ст. 3450.
11. Федеральный закон от 25 декабря 2018 г. № 494-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53 (ч. I). Ст. 8420.

References

1. Vershilo T.A. Byudzheth i yego rol' v upravlenii gosudarstvom (The budget and its role in state administration). *Finansovoye pravo*, 2015, No. 12, pp. 12-14.
2. Kopina A.A. Ravenstvo, diskriminatsiya i differentsiatsiya nalogoplatel'shchikov (Equality, discrimination and differentiation of taxpayers). *Nalogi*, 2017, No. 22, pp. 1-8.
3. Opredeleniye Konstitutsionnogo Suda RF ot 17.07.2018 No. 1713-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Belotserkovtza Sergeya Ivanovicha na narusheniye yego konstitutsionnykh prav stat'yey 3 Zakona Astrakhanskoy oblasti «O transportnom naloge» (The determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 17, 2018 No. 1713-O “On the refusal to accept for consideration the complaint of the citizen Belotserkovets Sergey Ivanovich on violation of his constitutional rights by Article 3 of the Law of the Astrakhan Region “On Transport Tax”). Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».
4. Malinina T.A. Otsenka nalogovykh l'got i osvobozhdeniy: zarubezhnyy opyt i rossiyskaya praktika (Assessment of tax benefits and exemptions: foreign experience and Russian practice). Moscow, In-t Gaydara, 2010.
5. Rukovodstvo po obespecheniyu prozrachnosti v byudzhetho-nalogovoy sfere. Washington, okrug Kolumbiya. Upravleniye po byudzhethym voprosam. 2001 (Guidelines for transparency in the fiscal sphere. Office of Budget Issues. 2001). *Mezhdunarodnyy Valyutnyy Fond*. URL: <https://ru.b-ok.org/book/523638/77cd55> (accessed date: 12.03.2019).
6. Rukovodstvo po obespecheniyu prozrachnosti v byudzhetho-nalogovoy sfere. 2007. P. 187. Nalogovyye raskhody (Guidelines for transparency in the fiscal sphere. 2007. P. 187. Tax expenses). *Mezhdunarodnyy valyutnyy fond*. URL: http://www.misbfm.ru/sites/all/files/rukovodstvo_po_

obespecheniyu_prozrachnosti_v_byudzhethno-nalogovoy_sfere_2007.pdf (accessed date: 12.03.2019).

7. Rukovodstvo po obespecheniyu prozrachnosti v byudzhethno- nalogovoy sfere.2007. Vstavka 16. Otchetnost' o nalogovykh raskhodakh (Guidelines for transparency in the fiscal sphere. 2007. Box 16. Reporting on tax expenses). *Mezhdunarodnyy valyutnyy fond*. URL: http://www.misbfm.ru/sites/all/files/rukovodstvo_po_obespecheniyu_prozrachnosti_v_byudzhethno-nalogovoy_sfere_2007.pdf (accessed date: 12.03.2019).

8. Projekt Postanovleniya Pravitel'stva RF «Ob utverzhdenii Metodiki otsenki effektivnosti nalogovykh l'got (nalogovykh raskhodov) sub"yektov Rossiyskoy Federatsii i munitsipal'nykh obrazovaniy» (Draft Decree of the Government of the Russian Federation “On the Approval of the Methodology for assessing the effectiveness of tax benefits (tax expenses) of the constituent entities of the Russian Federation and municipal entities”). *Federal'nyy portal proyektov normativnykh pravovykh*. URL: <http://regulation.gov.ru/> (accessed date: 12.03.2019).

9. Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 12 aprelya 2019 g. No. 439 «Ob utverzhdenii Pravil formirovaniya perechnya nalogovykh raskhodov Rossiyskoy Federatsii i otsenki nalogovykh raskhodov Rossiyskoy Federatsii» (Decree of the Government of the Russian Federation of April 12, 2019 No. 439 “On approval of the Rules for the formation of the list of tax expenses of the Russian Federation and assessment of tax expenses of the Russian Federation”). *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2019, No. 16, St. 1946.

10. Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 22iyunya 2019 g. No. 796 «Ob obshchikh trebovaniyakh k otsenke nalogovykh raskhodov sub"yektov Rossiyskoy Federatsii i munitsipal'nykh obrazovaniy» (Decree of the Government of the Russian Federation dated June 22, 2019 No. 796 “On General Requirements for Assessing Tax Expenses of the Constituent Entities of the Russian Federation and Municipalities”). *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2019, 26, St. 3450.

11. Federal'nyy zakon ot 25 dekabrya 2018 g. № 494-FZ «O vnesenii izmeneniy v Byudzhethnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii» (Federal Law of December 25, 2018 No. 494-FZ “On Amendments to the Budget Code of the Russian Federation”). *Sobraniye zakonodatel'stva RF*, 2018, No. 53 (ch. I), St. 8420.

Дата поступления: 11.02.2019

Received: 11.02.2019

МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

УДК 343.3/7

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТРАНСПОРТНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ В СТРАНАХ СНГ**ЛАРИНА Любовь Юрьевна**

кандидат юридических наук, доцент, декан
юридического факультета Рязанского госу-
дарственного университета имени С.А. Есе-
нина, г. Рязань, Россия.
E-mail: larina1708@yandex.ru

CRIMINAL LAW PROVISION OF
TRANSPORT SECURITY IN THE CIS
COUNTRIES**LARINA Lyubov Yurievna**

Candidate of Sciences (Law), Associate Profes-
sor, Dean of the Faculty of Law of the Ryazan
State University named for S.A. Yesenin, Rya-
zan, Russia. E-mail: larina1708@yandex.ru

Проведение сравнительного анализа российского и зарубежного уголовного законодательства, регулирующего отношения в области обеспечения транспортной безопасности, позволяет выявить его сильные и слабые стороны, а также рассмотреть возможность заимствования положительного опыта. Для сравнительного исследования взяты страны СНГ с учетом географической близости и с учетом того, что их правовая система наиболее близка к российской. Исследование проводилось с использованием, в основном, сравнительно-правового метода. Автором выделены некоторые тенденции развития современного уголовного законодательства стран СНГ в части обеспечения транспортной безопасности. В статье обращается внимание на тенденцию усиления ответственности за нарушение правил, обеспечивающих транспортную безопасность, в состоянии опьянения или при уклонении от медицинского освидетельствования для установления указанного состояния. В странах СНГ ответственность за большинство транспортных преступлений наступает при причинении в результате преступных действий вреда здоровью средней тяжести. Проведенное исследование позволило автору сформулировать предложения, касающиеся возможности заимствования опыта ряда стран СНГ в российское уголовное законодательство.

The comparative analysis of the Russian and foreign criminal legislation in the field of transport security allows to identify its strengths and weaknesses, as well as to consider the possibility of borrowing positive experience. The CIS countries are taken for comparative studying in view of geographical proximity and taking into account the fact that their legal system is the closest to the Russian one. The study is conducted using mainly comparative law method. The author highlights some trends in the development of modern criminal legislation of the CIS countries in terms of transport security. The article draws attention to the tendency of increasing responsibility for violation of the rules ensuring transport safety, in a state of intoxication or when evading a medical examination to establish this condition. In the CIS countries, responsibility for the majority of transport crimes occurs when there is harm to health of medium gravity as a result of criminal acts. The study allows the author to formulate proposals concerning the possibility of borrowing the experience of a number of the CIS countries in the Russian criminal law.

Ключевые слова: транспортная безопасность, преступление, уголовная ответственность, СНГ, транспорт, транспортная инфраструктура. **Key words:** transport security, crime, criminal liability, CIS, transport, transport infrastructure.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 19-011-00658 «Транспортная безопасность: теоретико-правовые основы, административно-правовые и уголовно-правовые средства обеспечения в Российской Федерации».

Вопросам обеспечения транспортной безопасности уделяет существенное внимание любое государство. Поскольку транспортная безопасность является составной частью государственной безопасности, то совершенно обоснованным является включение в уголовный закон запретов, направленных на ее обеспечение.

Для сравнительного анализа нами были выбраны уголовные законы стран СНГ (включая Украину, которая на данный момент вышла из СНГ). Такой выбор обусловлен как географической близостью, так и определенным сходством в национальном законодательстве и наличием возможности рецепции отдельных норм, имеющих положительный потенциал.

Уголовное законодательство стран очень схоже между собой, что объяснимо влиянием Модельного уголовного кодекса стран СНГ.

В большинстве стран СНГ преступления, связанные с транспортной безопасностью, помещены в отдельные главы (гл. 28 в УК Республики Беларусь [2], гл. 32 УК Туркменистана [6], гл. 14 УК Республики Казахстан [3], гл. 12 УК Молдовы [4] и т.д.). Однако нормы, обеспечивающие транспортную безопасность, не ограничиваются рамками отдельных глав и, также как и в УК России, расположены в иных главах Особенной части уголовных кодексов. Как правило, они структурно помещены законодателем в те разделы, где регламентированы преступления против общественной безопасности. В последнем случае речь идет об уgone воздушного или водного судна, либо железнодорожного состава, а также пиратстве. Хотя, например, белорусский законодатель норму об ответственности за угон или захват с целью угона железнодорожного подвижного состава, воздушного или водного судна (ст. 311 УК Республики Беларусь) поместил в главу о транспортных преступлениях, в то время как российский законодатель включил это преступное деяние в главу о преступлениях против общественной безопасности (ст. 211 УК РФ). Также как и российский, к примеру, поступил казахский законодатель (ст. 270 УК Республики Казахстан), таджикский законодатель (ст. 184 УК Республики Таджикистан). На наш взгляд, место указанного преступления среди преступлений против общественной безопасности, поскольку именно ей как основному непосредственному объекту причиняется вред при совершении рассматриваемого преступления. Транспортная безопасность как объект охраны является вторичной, точнее производной от общественной безопасности, что ни в коей мере не снижает ее значимости.

В последние годы законодатели многих стран СНГ ввели в уголовное законодательство нормы, в которых помещены уголовно-правовые запреты на управление транспортом в состоянии опьянения, а также за отказ от медосвидетельствования для установления такого состояния. В качестве примера можно привести ст. 326.1 УК Туркменистана, в которой регламентирована ответственность за управление транспортными средствами в нетрезвом состоянии, если оно повлекло по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью человека или материальный ущерб в небольшом размере. В качестве квалифицированного состава данного преступления выступает его совершение лицом, у которого не имеется права управления транспортным средством. Примечательно, что такую же ответственность несет лицо, уклоняющееся от прохождения в установленном порядке медицинского обследования

для установления состояния опьянения. Особо квалифицирующим признаком выступает повторное (в течение двух лет) совершение любого из указанных преступлений.

Это преступление, по сути, является частным случаем преступления, предусмотренного ст. 326 того же кодекса, которой регламентирован уголовно-правовой запрет на нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Управление транспортом в нетрезвом состоянии как раз выступает нарушением правил дорожного движения. Поскольку состав, предусмотренный ст. 326.1 УК Туркменистана, сконструирован как материальный, то ответственности подлежат лишь те лица, чьи действия повлекли указанные в законе последствия. При таком подходе не берется во внимание то, что такое поведение вне зависимости от последствий влечет реальную угрозу причинения вреда жизни, здоровью людей, повреждения и уничтожения имущества, нарушения работы организаций и т.д. С этой точки зрения наиболее приемлемым видится подход российского и белорусского законодателя. Так, например, в ст. 264.1 УК РФ установлена ответственность за управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения либо имеющим судимость за совершение в состоянии опьянения преступления, предусмотренного ч. 2, 4 или 6 ст. 264 либо ст. 264.1 УК РФ. Схожие нормы имеются в ст. 317.1 УК Беларуси.

Определенный интерес представляет ст. 346 УК Республики Казахстан, в которой закреплены нормы об ответственности за совершение ряда действий, предполагающих альтернативный характер: 1 – управление транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами, находящимся в состоянии опьянения; 2 – передача такому лицу управления транспортным средством; 3 – допуск такого лица к управлению транспортным средством, совершенный должностным лицом или собственником либо владельцем транспортного средства. По сравнению с российским законодательством безусловным преимуществом указанной нормы является указание на два последних действия, составляющих объективную сторону. Однако, по нашему мнению, их следует конкретизировать указанием на умышленный характер таких действий. Иными словами, виновный должен осознавать, что водитель, которому передается управление или который допускается к нему, находится в состоянии опьянения, а также то, что этот водитель ранее уже был лишен права управления транспортными средствами.

Молдавский законодатель, конструируя схожую норму, использует понятия «сильного алкогольного опьянения» и «опьянения, вызванного наркотиками и/или другими веществами, вызывающими опьянение». В практическом применении не может не вызывать трудностей установление именно сильного алкогольного опьянения, поскольку каких-либо критериев этой степени опьянения законодатель не называет. Однако при конструировании нормы за передачу управления транспортным средством лицу, заведомо находящемуся в состоянии опьянения, законодатель не использует понятие сильного опьянения. Кроме того, не понятно, почему мера опьянения является важной для алкогольного и не имеет значения для наркотического опьянения.

Интерес представляет ст. 358 УК Республики Казахстан, в которой содержится уголовно-правовой запрет на управление воздушным, морским, речным или маломерным судном лицом в состоянии опьянения, передача управления такому лицу или допуск к управлению такого лица. Общественная опасность таких действий достаточно высока, поскольку у находящегося в состоянии опьянения лица снижается концентрация внимания, быстрота реакции и т.п., и любая ошибка может привести к гибели пассажиров судна, утрате груза, причинению вреда жизни, здоровью, имуществу других лиц (например, жителям дома, на который может

упасть самолет или купающимся в реке, по которой идет речное судно). С этой точки зрения установление уголовной ответственности за такие действия представляется обоснованным, даже при отсутствии административной преюдиции.

Исследование показало, что в странах СНГ отсутствует состав преступления, аналогичный или схожий со ст. 263.1 УК РФ. В.Г. Саркисова полагает, что к нему близок состав, предусмотренный ст. 302 УК Республики Казахстан [11, с. 61]. В действующем в настоящее время УК Республики Казахстан указанная норма находится в другой статье (353) и регламентирует ответственность за нарушение действующих на транспорте правил охраны порядка и безопасности движения лицами, выполняющими управленческие функции в дорожных, строительных и других организациях и ответственными за эксплуатацию дорог и дорожных сооружений, их оборудования, а также за организацию дорожного движения, если это деяние повлекло по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью человека. Полагаем, что схожесть данной нормы с той, что закреплена в ст. 263.1 УК РФ, является минимальной.

В странах СНГ предусмотрена уголовная ответственность за приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения. Российский, казахский, таджикский и киргизский законодатель в ряд деяний, составляющих объективную сторону этого преступления, отнесли блокирование транспортных коммуникаций, чего, к примеру, в УК Азербайджанской республики (ст. 266) [1] не предусмотрено. Казахский законодатель применительно к данному составу указывает на умышленный характер действий и неосторожную форму вины применительно к последствиям приведения в негодность транспортных средств или путей сообщения. Полагаем, что необходимости указывать на умышленный характер действий нет никаких оснований.

Интересен подход туркменского законодателя, который предусмотрел ответственность за блокирование транспортных коммуникаций в отдельной норме, которая к тому же помещена в главе о преступлениях против общественной безопасности (ст. 278 УК Туркменистана). Эти преступления различаются не только по объекту, но и по объективной стороне. Так, если ответственность по ст. 267 УК РФ наступает при причинении тяжкого вреда здоровью или крупного ущерба, то в ст. 278 УК Туркменистана указаны иные последствия – перерыв движения или иное нарушение деятельности транспорта. Такое преступление, по нашему мнению, следует относить к транспортным, как исходя из непосредственного объекта, так и с учетом указанных в законе последствий.

В результате проведения компаративного исследования было также установлено, что в ряде стран СНГ к числу преступных деяний, обеспечивающих охрану общественной безопасности, отнесен захват зданий, сооружений, средств сообщения и связи (например, ст. 274.1 УК Туркменистана, ст. 292 УК Республики Беларусь). Такой состав преступления, как нам представляется, также направлен на обеспечение транспортной безопасности, поскольку в качестве объектов захвата могут выступать аэропорты, вокзалы, станции метро, железнодорожные пути и т.д. Общественная опасность таких действий очевидна. В первую очередь причиняется организационный и политический вред, но также создается угроза причинения имущественного вреда и вреда жизни и здоровью граждан. Указанный состав преступления не имеет аналогов в российском законодательстве, и, на наш взгляд, российским законодателем должен быть рассмотрен вопрос о возможности его включения в УК РФ.

При сравнительном анализе видно, что в большинстве стран СНГ за преступления, посягающие на транспортную безопасность, уголовная ответственность наступает, как правило, при причинении средней тяжести вреда здоровью. В УК РФ изначально эта группа преступлений также включала такое последствие в качестве криминообразующего признака, однако впоследствии законодатель отказался от него. Мы солидарны с С.Ю. Бытко, который придерживается позиции о том, что декриминализация деяний, влекущих последствия в виде причинения средней тяжести вреда здоровью по неосторожности, явилась причиной суще-

ственного снижения охранительной функции уголовного права [7, с. 159]. С ним солидарен и А.Ю. Пожарский, обращающий внимание на кумулятивный эффект, характерный для транспортных преступлений [10, с. 130]. Действительно, в дорожно-транспортном происшествии с участием общественного транспорта может быть причинен вред здоровью средней тяжести десяткам пассажиров или пешеходов. Значимость и опасность таких последствий не может быть признана меньшей по сравнению с причинением тяжкого вреда здоровью одному человеку в другом дорожно-транспортном происшествии.

Анализируя УК Украины, А.Ю. Пожарский обращает внимание на ст. 282, которая, как он верно заметил, не имеет аналогов в другом зарубежном уголовном законодательстве [10, с. 72]. В этой норме речь идет о нарушении правил пуска ракет, проведения всех видов стрельб, взрывных работ или совершение других действий в воздушном пространстве, если это создало угрозу безопасности воздушных полетов [6]. А.И. Коробеев, рассматривая эту норму, говорит о том, что вполне допустимо появление подобных норм в законодательстве других стран [9, с. 33]. Полагаем, что нет необходимости подобную норму заимствовать в российское уголовное законодательство, поскольку это будет нарушать принцип неизбыточности уголовно-правового запрета. Так, в случае нарушений при пуске ракет, проведении стрельб и тому подобных военных действиях ответственность должна наступать за воинские преступления, например, по ст. 349 УК РФ. Отметим, при этом, что конструкция ст. 282 УК Украины предполагает ответственность за создание угрозы безопасности воздушных полетов. Полагаем, что в любом случае нарушения пуска ракет создается указанная угроза, поскольку выпущенная таким образом в воздушное пространство ракета может изменить траекторию движения и спровоцировать непредсказуемые события, а в воздушном пространстве в мире одновременно в среднем находится около одиннадцати тысяч воздушных судов (хотя бывает и до девятнадцати тысяч) [8].

Н.М. Хачатурян обращает внимание на то, что большинство составов транспортных преступлений сконструированы по типу материальных и указывает, что это является обоснованным. Однако аргументом такой обоснованности он называет то, что «все попытки отечественного законодателя противодействовать транспортным преступлениям нормами, содержащих деликты создания опасности, успехом не увенчались» [12, с. 116]. Полагаем, что такой аргумент не приемлем. Наличие материальных составов довольно просто объяснить: поскольку многие преступления связаны с нарушением каких-либо правил и само по себе нарушение этих правил наказуемо в рамках иных отраслей права, то в рамках уголовного законодательства ответственность обусловлена наступлением определенных последствий.

Изучение опыта стран СНГ относительно уголовно-правового обеспечения транспортной безопасности позволяет выделить следующие тенденции, которыми характеризуется указанное законодательство:

1) усиление ответственности за нарушение правил, обеспечивающих транспортную безопасность, в состоянии опьянения или при уклонении от медицинского освидетельствования для установления указанного состояния. В качестве положительного опыта следует отметить то, что ответственность в ряде стран предусмотрена также за передачу управления транспортным средством такому лицу или допуск к управлению такого лица.

2) в странах СНГ ответственность за большинство транспортных преступлений наступает при причинении в результате преступных действий средней тяжести вреда здоровью, что также следует рассмотреть в качестве возможного заимствования в российской уголовное законодательство.

Библиографические ссылки

1. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-IQ (в ред. 29.03.2019 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353#pos=5 (дата обращения: 10.08.2019).
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-3 (в ред. 09.01.2019 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984#pos=6 (дата обращения: 10.08.2019).
3. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (в ред. 01.08.2019 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#pos=4833 (дата обращения: 10.08.2019).
4. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года № 985-XV (в ред. 15.11.2018 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923#pos=378 (дата обращения: 10.08.2019).
5. Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 года № 222-I (в ред. 08.06.2019 г.) [Электронный ресурс]. http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286#pos=2697 (дата обращения: 10.08.2019).
6. Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 года № 2341-III (в ред. 06.06.2019 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109#pos=6 (дата обращения: 10.08.2019).
7. Бытко С.Ю. Безопасность дорожного движения: эффективность уголовно-правовой охраны // Вестник Костромского государственного университета. 2015. Т. 21. № 6. С. 159 – 162.
8. Количество самолетов в небе побило рекорд [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2018/07/02/recordflightnumber/> (дата обращения: 10.07.2019).
9. Коробеев А.И. Транспортные преступления и транспортная преступность. М. : Юрлитинформ, 2015.
10. Пожарский А.Ю. Система норм о транспортных преступлениях в России (становление и развитие) : дис. ...канд. юрид. наук. М., 2016.
11. Саркисова В.Г. Уголовно-правовое обеспечение безопасности объектов транспортной инфраструктуры : дис. ...канд. юрид. наук. Ставрополь, 2014.
12. Хачатурян Н.М. Современное уголовное законодательство зарубежных стран об ответственности за транспортные преступления // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 3 (82). С. 115-117.

References

1. Ugolovnyj kodeks Azerbajdzhanskoj Respubliki 30.12.1999 № 787-IQ (v red. 29.03.2019) (The criminal code of the Republic of Azerbaijan dated 30.12.1999 No. 787-IQ (as amended by 29.03.2019). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353#pos=5 (accessed date: 10.08.2019).
2. Ugolovnyj kodeks Respubliki Belarus' 9.07.1999 № 275-Z (v red. 09.01.2019) (The Criminal code of the Republic of Belarus of 9.07.1999 No. 275-Z (as amended by 09.01.2019). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984#pos=6 (accessed date: 10.08.2019).
3. Ugolovnyj kodeks Respubliki Kazahstan 3.07.2014 № 226-V (v red. 01.08.2019) (The criminal code of the Republic of Kazakhstan on 3.07.2014 No. 226-IV (as amended by 01.08.2019). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#pos=4833 (accessed date: 10.08.2019).
4. Ugolovnyj kodeks Respubliki Moldova 18.04.2002 № 985-XV (v red. 15.11.2018) (The Criminal code of the Republic of Moldova of 18.04.2002 No. 985-XV (as amended by 15.11.2018). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923#pos=378 (accessed date: 10.08.2019).

5. Ugolovnyj kodeks Turkmenistana 2.06.1997 № 222-I (v red. 08.06.2019 g.) (The criminal code of Turkmenistan from 12.06.1997 No. 222-I (as amended by 08.06.2019). http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286#pos=2697 (accessed date: 10.08.2019).
6. Ugolovnyj kodeks Ukrainy 5.04.2001 № 2341-III (v red. 06.06.2019 g.) (The criminal code of Ukraine dated 5.04.2001 No. 2341-III (as amended by 06.06.2019). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109#pos=6 (accessed date: 10.08.2019).
7. Bytko S.Yu. Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya: effektivnost' ugolovno-pravovoj ohrany (Road Safety: the effectiveness of criminal law protection). *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, vol. 21, No. 6, pp. 159 – 162.
8. Kolichestvo samoletov v nebe pobilo record (The number of aircraft in the sky broke the record). URL: <https://lenta.ru/news/2018/07/02/recordflightnumber/> (accessed date: 10.07.2019).
9. Korobeev A.I. Transportnye prestupleniya i transportnaya prestupnost' (Transport crimes and transport criminality). Moscow, Yurlitinform, 2015.
10. Pozharskij A.Yu. Sistema norm o transportnyh prestupleniyah v Rossii (stanovlenie i razvitie) (System of rules on transport crimes in Russia (establishment and development), diss. ...kand. jurid. nauk., Moscow, 2016.
11. Sarkisova V.G. Ugolovno-pravovoe obespechenie bezopasnosti ob"ektov transportnoj infrastruktury (Criminal law security of transport infrastructure objects), diss. ...kand. jurid. nauk, Stavropol', 2014.
12. Hachaturyan N.M. Sovremennoe ugolovnoe zakonodatel'stvo zarubezhnyh stran ob otvetstvennosti za transportnye prestupleniya (Modern criminal legislation of foreign countries on liability for transport crimes), *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 2017, No. 3 (82), pp. 115-117.

Дата поступления: 25.07.2019

Received: 25.07.2019

УДК 341.1

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО
И БЕЛОРУССКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПОД ВЛИЯНИЕМ
АКТОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ
МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ**

МОКОСЕЕВА Марина Александровна
*кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права ФГБОУ ВО "Марийский государственный университет", г. Йошкар-Ола, Россия.
E-mail: pvl_mksv@mail.ru*

БАКУН Анна Станиславовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Международного университета "МИТСО", г. Минск, Беларусь. E-mail: anna.s.bakun@gmail.com

Анализируются трансформационные процессы в российском и белорусском законодательстве, связанные с Конвенцией Совета Европы о защите прав человека и основных свобод, Конвенцией Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма, Конвенцией ООН против коррупции, Конвенцией Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, Конвенцией Генеральной Ассамблеи ООН о правах инвалидов.

Ключевые слова: Трансформация законодательства, межправительственные организации, международные организации, международное право, конституционное право, закон о ратификации, совершенствование законодательства.

**CERTAIN ISSUES OF
TRANSFORMATION OF RUSSIAN AND
BELARUSSIAN LEGISLATION UNDER
INTERNATIONAL
INTERGOVERNMENTAL
ORGANIZATIONS ACTS**

MOKOSEEVA Marina Aleksandrovna
*Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia.
E-mail: pvl_mksv@mail.ru*

BAKUN Anna Stanislavovna
*Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Department of International Law of the International University "MITSO", Minsk, Belarus.
E-mail: anna.s.bakun@gmail.com*

The authors analyze transformation processes in Russian and Belarusian legislation related to the Council of Europe Convention on the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, the Council of Europe Convention on the Laundering, Detection, Seizure and Confiscation of the Proceeds of Crime and the Financing of Terrorism, the UN Convention against Corruption, the Convention Council of Europe on the protection of individuals with automated processing of personal data, the UN General Assembly Convention on the Rights of Persons with Disabilities.

Key words: transformation of legislation, intergovernmental organizations, international organizations, international law, constitutional law, ratification law, improvement of legislation.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-511-00003 Bel_a.

Одной из самых выдающихся трансформаций в конституционном праве является имплементация российским государством Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. ФЗ от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ. Ратифицировав Конвенцию, разработанную Советом Европы, Россия приняла на себя обязательства по совершенствованию законодательства, касающегося прав и свобод человека и гражданина. Теперь граждане Российской Федерации получили право обращаться в Европейский Суд по правам человека и его решения стали источником права обязательными для исполнения. Постановлением от 14 марта 2002 г. № 6-П "По делу о проверке конституционности ст.ст. 90, 96, 122 и 216 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан С.С. Маленкина, Р.Н. Мартынова и С.В. Пустовалова" Конституционный Суд (далее – КС) признал ст.ст. 90 и 96 УПК РСФСР, устанавливающие возможность ареста, содержания под стражей и задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений, по решению следователя, дознавателя с санкцией прокурора, неконституционными. Признавая соответствующие нормы кодекса неконституционными, КС отметил, что такой порядок задержания и применения в качестве меры пресечения заключения под стражу несовместим с принятием на себя Российской Федерацией обязательств в рамках Конвенции от 4 ноября 1950 г.

1 июля 2002 г. был введен в действие новый УПК, который отнес к исключительной компетенции суда решение вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста (п.1 ч. 2 ст. 29 Кодекса).

В 2006 и 2007 гг. Конвенция продолжает оказывать трансформационное воздействие на нормы ФЗ о статусе военнослужащих и дисциплинарного устава Вооруженных Сил Российской Федерации. Акты были приведены в соответствие со ст. 22 КРФ, гарантирующей конституционное право на неприкосновенность личности.

Следующей серьезной трансформацией стало приведение в соответствие со ст. 8 Конвенции о защите прав и основных свобод УК, УИК и ФЗ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ "Об ОРД". Статья 139 УК, которая устанавливала ответственность за нарушение конституционного права на неприкосновенность жилища, была приведена в соответствие со ст. 25 КРФ посредством раскрытия понятия "жилище" в примечании к статье.

Часть 2 ст. 91 УИК была дополнена запретом осуществления цензуры за перепиской осужденного со стороны администрации исправительного учреждения.

Статья 8 закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ "Об ОРД" также была приведена в соответствие со ст. 23 КРФ, поскольку разрешила прослушивание телефонных и иных переговоров только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении тяжких или особо тяжких преступлений, либо в отношении которых имеются сведения об обстоятельствах совершения тяжких преступлений. Дальнейшее воздействие Совета Европы и Конвенции на российское законодательство вообще является беспрецедентным и носящим глобальный характер для всех отраслей российского права [1; 2; 3; 4; 5].

В свою очередь, Республика Беларусь (далее – РБ) не ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. Однако влияние данного международного акта усматривается в ряде решений и заключений Конституционного Суда РБ, например, в Заключении Конституционного Суда РБ от 11 марта 2004 г. № 3-171/2004 "О соответствии Конституции РБ и международным договорам РБ положений Уголовного кодекса РБ, предусматривающих применение в качестве наказания смертной казни" [6], в котором орган конституционной юстиции обосновывает свои правовые позиции по вопросу отмены смертной казни, ссылаясь на Конвенцию о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. Следовательно, можно утверждать, что данная конвенция также оказала влияние на внутреннее белорусское законодательство, однако в иной форме, чем в Российской Федерации.

В 2006 году вносятся изменения в российские законы от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 "О СМИ", от 3 апреля 1995 г. № 40 "О ФСБ", УК, УПК, Налоговый кодекс, КоАП, законы от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ "Статусе военнослужащих", от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ "Противодействию терроризму" и некоторые другие нормативные акты в связи с ратификацией Конвенции СЕ об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 16 мая 2005 г.

Теперь нормы, регулирующие контрразведывательную деятельность и борьбу с терроризмом стали содержать порядок и перечень условий ограничения конституционных прав граждан. В УК вернулась конфискация имущества, как иная мера уголовно-правового характера, а ст. 205 была добавлена формулировкой, касающейся воздействия террористического акта на принятие решений органами власти или международными организациями.

Законы от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов" и от 6 октября 1999 г. № 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления" также были изменены. Высшие органы исполнительной власти субъекта и органы местного самоуправления теперь должны противодействовать терроризму и экстремизму и участвовать в профилактике терроризма и экстремизма в своих границах.

8 марта 2006 года Российская Федерация ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции и взяла на себя обязательства по принятию ФЗ по противодействию коррупции на государственной службе и в коммерческой сфере. 25 декабря 2008 года указанный закон № 273-ФЗ был принят.

25 декабря 2008 г. в связи с требованиями Конвенции ООН против коррупции были также внесены изменения в ФЗ от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ "Государственной гражданской службе".

Теперь в соответствии со ст. 20 ФЗ от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ служащий, а также претендент на замещение должности обязан представлять нанимателю сведения о своих доходах и имуществе, а также доходах и имуществе членов своей семьи (разъясняется, что это супруга, супруги и несовершеннолетних детей). Перечень запретов и ограничений для государственных служащих, сотрудников внутренних дел, прокурорских работников, судебных приставов, военнослужащих, сотрудников таможи и иных государственных служащих был дополнен. Соответствующие изменения были внесены в законы о прокуратуре, статусе военнослужащих, судебных приставах, службе в таможенных органах и Положение о службе в органах внутренних дел.

Изменения были внесены в ст. 575 ГК РФ, а также в КоАП в ст.ст. 19.28 и 19.29.

В 2011 году трансформация законодательства в данной сфере продолжается. Законом от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ в ред. от 03.07.2018 г. "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции" были внесены изменения в закон о государственной гражданской службе. На служащих была возложена обязанность, уведомлять о конфликте интересов не только работодателя, но и прокуратуру, а также правоохранительные органы. Аналогичные обязанности были возложены и на муниципальных служащих.

В свою очередь, Республика Беларусь, не являясь членом Совета Европы, не ратифицировала Конвенцию Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 16 мая 2005 г. Однако в 2004 г. ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции. В связи с тем, что на протяжении многих лет в Республике Беларусь активно ведется борьба с коррупцией, происходит ряд трансформаций белорусского законодательства, в том числе в связи с учетом норм Конвенции ООН против коррупции. Так, в Республике Беларусь в 2015 году был принят Закон "О борьбе с коррупцией" [7]. Кроме того, в 2016 году изменения и дополнения были внесены в

следующие законы РБ: "Об органах внутренних дел РБ" [8], "Об органах финансовых расследований Комитета государственного контроля РБ" [9], "О статусе военнослужащих" [10], "Об органах государственной безопасности РБ" [11], "О Следственном комитете РБ" [12], "О Государственном комитете судебных экспертиз РБ" [13]. Следовательно, можно констатировать, что в сфере борьбы с коррупцией произошла наиболее заметная и существенная трансформация белорусского законодательства под влиянием актов международных организаций, в особенности, таких как ООН.

В 2013 году в связи с принятием ФЗ от 7 мая 2013 г. "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием ФЗ "О ратификации Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных" и ФЗ "О персональных данных" вносятся изменения в 14 нормативных правовых акта.

Трансформационные явления затронули следующие законы: от 17 ноября 1995 г. № 168-ФЗ "О прокуратуре", от 7 мая 1998 г. "Негосударственных пенсионных фондах", от 25 июля 1998 г. № 128-ФЗ "Государственной дактилоскопической регистрации", от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ "Государственной социальной помощи", от 16 апреля 2001 г. № 44-ФЗ "Государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей", от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ "Связи", от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ "Муниципальной службе" и некоторые другие. Теперь защита персональных данных приобрела качественно новый уровень.

Несмотря на то, что Республика Беларусь не является членом Совета Европы и не ратифицировала Конвенцию Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, в данной области также происходит интенсификация трансформационных процессов. Так, в Республике Беларусь на данный момент базовым нормативным правовым актом, который регулирует отношения между физическими лицами и субъектами хозяйствования, собирающими персональные данные, является Закон "Об информации, информатизации и защите информации" [14]. Кроме того, была принята Концепция информационной безопасности РБ, утвержденная постановлением Совета Безопасности РБ от 1 марта 2019 г. [15]. В свою очередь, постановлением Совета Министров РБ от 10 апреля 2019 г. № 228 [16] определены особенности внесения отдельных персональных данных и их актуализации в регистре населения. Вскоре в Республике Беларусь будет принят новый Закон "О персональных данных", в котором белорусский законодатель учел все последние тенденции развития норм актов органов международных организаций в этой области. Правотворческая работа по принятию нового закона о персональных данных практически завершена, он прошел первое чтение в белорусском парламенте.

В 2014 году вносятся изменения в 25 нормативных правовых акта в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов, принятой Генеральной Ассамблеи ООН, федеральным законом от 3 мая 2012 г. № 46-ФЗ.

Изменения были внесены в законы от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 "О занятости населения", от 9 октября 1992 г. № 3612-1 "Основы законодательства о культуре", от 21 июля 1993 г. № 5473-1 "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы", от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ "Музейном фонде и музеях в Российской Федерации", от 22 августа 1996 г. № 126-ФЗ "Государственной поддержке кинематографии", УИК, Кодекс внутреннего водного транспорта, КоАП и многие другие.

Благодаря Конвенции в ФЗ от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ "Социальной защите инвалидов" появляются две новые статьи, а именно, ст. 3.1, не допускающая дискриминации по признаку инвалидности и ст. 5.1, вводящая порядок и условия функционирования федерального реестра инвалидов.

ФЗ от 8 ноября 2007 г. № 259-ФЗ "Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта" также дополняется новой ст. 21.1, регулирующей пе-

ревозку и особенности обслуживания пассажиров из числа инвалидов. На владельца транспортной инфраструктуры была возложена обязанность обеспечивать условия доступности для инвалидов перевозок автомобильным транспортом наравне с другими пассажирами.

В свою очередь, Республика Беларусь в 2016 г. ратифицировала Конвенцию ООН о правах инвалидов. В настоящее время в белорусский парламент поступил проект Закона "О правах инвалидов и их социальной интеграции". Предполагается, что в данном законопроекте будут учтены положения Конвенции ООН о правах инвалидов, а также включено лучшее из ныне действующих законов "О социальной защите инвалидов в РБ" [17] и "О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов" [18]. Являясь социальным государством [19], Республика Беларусь постоянно совершенствует законодательство в данной области с целью его максимальной реализации лицами, причисляемыми к категории инвалидов.

Таким образом, федеральные законы о ратификации стали основанием для трансформации российского законодательства актами международных межправительственных организаций [20; 21; 22]. На данный момент подобная трансформация затронула более 100 положений российских нормативных правовых актов, устранив коллизии и пробелы в праве [23; 24]. Российский законодатель достаточно активно вносит изменения и дополнения не только в действующие федеральные законы, но и принимает новые федеральные законы.

В связи с особой важностью подобных трансформационных процессов для российского государства предлагаем законодательно закрепить в п. 1 ст. 15 Закона о международных договорах, положением о том, что перечень видов международных договоров, подлежащих обязательной ратификации, должен быть открытым. Также считаем целесообразным в законе о международных договорах предусмотреть подробную процедуру исполнения международных актов, ратифицированных Россией для эффективного обеспечения результативности трансформационных процессов.

Полагаем, что в Республике Беларусь на правотворчество акты органов международных организаций оказывают меньшее влияние, чем на правотворчество в Российской Федерации. Это обусловлено, во-первых, тем, что Республика Беларусь не всегда является членом тех международных организаций, членом которых является Россия, а, во-вторых, в Республике Беларусь меньше принимается нормативных правовых актов в связи иным территориальным объемом, формой государственного устройства. Однако, несмотря на вышеперечисленные особенности, в Республике Беларусь наблюдается трансформация национального законодательства посредством влияния на него актов органов международных организаций.

Думается, что целесообразным будет расширить перечень международных организаций, членом которых может стать Республика Беларусь, например, стать членом Совета Европы, что позволило бы максимально учитывать тенденции норм международного права при совершенствовании национального законодательства.

Библиографические ссылки

1. Mokoseeva M.A. EU Constitutional Standardization and Transformation Processes // 2nd IBIMA Conference in Seville. Spain. 15-16 November. 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://docs.wixstatic.com/ugd/5333e6_af9f20385e544a53b0bb5be7d607413e.pdf (дата обращения: 24.07.2019).
2. Kanska K., The normative Force of Decisions of International Organizations. [Электронный ресурс]. URL: http://www.esil-sedi.eu/sites/default/files/Kanska_0.PDF (дата обращения: 24.07.2019).
3. Кабанова О.В. Международные правовые акты – источники конституционного права России // Власть закона. 2017. № 4. С. 129-138.

4. Осминин Б.И. Приоритетное применение международных договоров в национальной правовой системе: условия и последствия // Журнал российского права. 2017. № 12. С. 43-48.
5. Стародубцева И.А. Обеспечение согласованности международных договоров и законодательства Российской Федерации: конституционно-правовые проблемы реализации // Российская юстиция. 2013. № 10. С. 58-63.
6. О соответствии Конституции РБ и международным договорам РБ положений Уголовного кодекса РБ, предусматривающих применение в качестве наказания смертной казни: заключение Конституционного Суда РБ, 11 марта 2004 г., № 3-171/2004 // ЭТАЛОН. Судебная практика РБ / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.
7. О борьбе с коррупцией: Закон РБ, 15 июля 2015 г., № 305-3 // ЭТАЛОН. Законодательство РБ / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.
8. Об органах внутренних дел РБ: Закон РБ, 17 июля 2007 г., № 263-3: в ред. Закона от 09.01.2019 // ЭТАЛОН. Законодательство РБ / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.
9. Об органах финансовых расследований Комитета государственного контроля РБ: Закон РБ, 16 июля 2008 г., № 414-3: в ред. Закона от 19.07.2016 // ЭТАЛОН. Законодательство РБ / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.
10. О статусе военнослужащих: Закон РБ, 4 января 2010 г., № 100-3: в ред. Закона от 17.07.2018 // ЭТАЛОН. Законодательство РБ / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.
11. Об органах государственной безопасности РБ: Закон РБ, 10 июля 2012 г., № 390-3: в ред. Закона от 09.01.2019 // ЭТАЛОН. Законодательство РБ / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.
12. О Следственном комитете РБ: Закон РБ, 13 июля 2015 г., № 403-3: в ред. Закона от 09.01.2019 // ЭТАЛОН. Законодательство РБ / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.
13. О Государственном комитете судебных экспертиз РБ: Закон РБ, 15 июля 2015 г., № 293-3 // ЭТАЛОН. Законодательство РБ / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.
14. Об информации, информатизации и защите информации: Закон РБ, 10 нояб. 2008 г., № 455-3: в ред. Закона от 11.05.2016 // ЭТАЛОН. Законодательство РБ / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.
15. Концепция информационной безопасности РБ: постановление Совета Безопасности РБ, 1 марта 2016 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство РБ / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.
16. Об особенностях внесения отдельных персональных данных и их актуализации в регистре населения: постановление Совета Министров РБ, 10 апр. 2019 г., № 228 // ЭТАЛОН. Законодательство РБ / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.
17. О социальной защите инвалидов в РБ, 11 нояб. 1991 г., № 1224-ХП // ЭТАЛОН. Законодательство РБ / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.
18. О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов: Закон РБ, 23 июля 2008 г. № 422-3: в ред. Закона от 04.06.2015 // ЭТАЛОН. Законодательство РБ / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.
19. Конституция РБ, 15 марта 1994 г.: с изм. и доп., принята на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 нояб. 2004 г. // ЭТАЛОН. Законодательство РБ / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.
20. Суворова В.Я. Ратификация международных договоров и их приоритетное применение // Российский юридический журнал. 2013. № 1 (37). С. 93-95.

21. Тиунов О.И. Ратификация международных договоров в Российской Федерации // Журнал российского права. 2014. № 4. С. 16-22.
22. Чекунов С.А. К вопросу о двойном измерении ратификации международных договоров – международном и внутригосударственном // Евразийский юридический журнал. 2015. № 4. С. 100-106.
23. Irina Busygina, Mikhail Filippov, Elmira Taukebaeva. To decentralize or to continue on the centralization track: The cases of authoritarian regimes in Russia and Kazakhstan // Journal of Eurasian Studies. Volume 9. Issue 1. January 2018. Pp. 61-71.
24. Ksenia Kirkham The formation of the Eurasian Economic Union: How successful is the Russian regional hegemony? // Journal of Eurasian Studies. Volume 7. Issue 2. July 2016. Pp. 111-128.

References

1. Mokoseeva M.A. EU Constitutional Standardization and Transformation Processes // 2nd IBIMA Conference in Seville. Spain. 15-16 November. 2018. URL: https://docs.wixstatic.com/ugd/5333e6_af9f20385e544a53b0bb5be7d607413e.pdf (accessed date: 24.07.2019).
2. Kanska K. The normative Force of Decisions of International Organizations. URL: http://www.esil-sedi.eu/sites/default/files/Kanska_0.PDF (accessed date: 24.07.2019).
3. Kabanova O.V. Mezhdunarodnyye pravovyye akty – istochniki konstitutsionnogo prava Rossii (International legal acts are sources of constitutional law of Russia). *Vlast' zakone*, 2017, No. 4, pp. 129-138.
4. Osminin B.I. Prioritetnoye primeneniye mezhdunarodnykh dogovorov v natsional'noy pravovoy sisteme: usloviya i posledstviya (Priority application of international treaties in the national legal system: conditions and consequences). *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2017, No. 12, pp. 43-48.
5. Starodubtseva I.A. Obespecheniye soglasovannosti mezhdunarodnykh dogovorov i zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionno-pravovyye problemy realizatsii (Ensuring the consistency of international treaties and the legislation of the Russian Federation: constitutional and legal problems of implementation). *Rossiyskaya yustitsiya*, 2013, No. 10, pp. 58-63.
6. O sootvetstvii Konstitutsii RB i mezhdunarodnym dogovoram RB polozheniy Ugolovnoy kodeksa RB, predumtrivayushchikh primeneniye v kachestve nakazaniya smertnoy kazni: zaklyucheniye Konstitutsionnogo Suda RB, 11 marta 2004 g., No. Z-171/2004 (On compliance with the Constitution of the Republic of Belarus and international treaties of the Republic of Belarus of the provisions of the Criminal Code of the Republic of Belarus providing for the use of the death penalty as a punishment: conclusion of the Constitutional Court of the Republic of Belarus, March 11, 2004, No. Z-171/2004). *ETALON. Sudebnaya praktika RB*, Nats. tsentr pravovoy inform. Resp. Belarus'. Minsk, 2019.
7. O bor'be s korruptsiyey: Zakon RB, 15 iyulya 2015 g., No. 305-Z (On the fight against corruption: Law of the Republic of Belarus, July 15, 2015, No. 305-Z). *ETALON. Zakonodatel'stvo RB*, Nats. tsentr pravovoy inform. Resp. Belarus'. Minsk, 2019.
8. Ob organakh vnutrennikh del RB: Zakon RB, 17 iyulya 2007 g., No. 263-Z: v red. Zakona ot 09.01.2019 (On the internal affairs bodies of the Republic of Belarus: Law of the Republic of Belarus, July 17, 2007, No. 263-Z: as amended by Law dated 01/09/2019). *ETALON. Zakonodatel'stvo RB*, Nats. tsentr pravovoy inform. Resp. Belarus'. Minsk, 2019.
9. Ob organakh finansovykh rassledovaniy Komiteta gosudarstvennogo kontrolya RB: Zakon RB, 16 iyulya 2008 g., No. 414-Z: v red. Zakona ot 19.07.2016 (On financial investigation bodies of the State Control Committee of the Republic of Belarus: Law of the Republic of Belarus, July 16, 2008, No. 414-3: as amended by Law of 07/19/2016). *ETALON. Zakonodatel'stvo RB*, Nats. tsentr pravovoy inform. Resp. Belarus'. Minsk, 2019.

10. O statushe voyennosluzhashchikh: Zakon RB, 4 yanvarya 2010 g., No. 100-Z: v red. Zakona ot 17.07.2018 (). *ETALON. Zakonodatel'stvo RB*, Nats. tsentr pravovoy inform. Resp. Belarus'. Minsk, 2019.
11. Ob organakh gosudarstvennoy bezopasnosti RB: Zakon RB, 10 iyulya 2012 g., No. 390-Z: v red. Zakona ot 09.01.2019 (On the state security bodies of the Republic of Belarus: Law of the Republic of Belarus, July 10, 2012, No. 390-3: as amended by Law dated 01/09/2019). *ETALON. Zakonodatel'stvo RB*, Nats. tsentr pravovoy inform. Resp. Belarus'. Minsk, 2019.
12. O Sledstvennom komitete RB: Zakon RB, 13 iyulya 2015 g., No. 403-Z: v red. Zakona ot 09.01.2019 (On the Investigative Committee of the Republic of Belarus: Law of the Republic of Belarus, July 13, 2015, No. 403-Z: as amended by Law dated 01/09/2019). *ETALON. Zakonodatel'stvo RB*, Nats. tsentr pravovoy inform. Resp. Belarus'. Minsk, 2019.
13. O Gosudarstvennom komitete sudebnykh ekspertiz RB: Zakon RB, 15 iyulya 2015 g., No. 293-Z (On the State Committee of forensic examinations of the Republic of Belarus: Law of the Republic of Belarus, July 15, 2015, No. 293-Z). *ETALON. Zakonodatel'stvo RB*, Nats. tsentr pravovoy inform. Resp. Belarus'. Minsk, 2019.
14. Ob informatsii, informatizatsii i zashchite informatsii: Zakon RB, 10 noyab. 2008 g., No. 455-Z: v red. Zakona ot 11.05.2016 (On the State Committee of forensic examinations of the Republic of Belarus: Law of the Republic of Belarus, July 15, 2015, No. 293-Z). *ETALON. Zakonodatel'stvo RB*, Nats. tsentr pravovoy inform. Resp. Belarus'. Minsk, 2019.
15. Kontseptsiya informatsionnoy bezopasnosti RB: postanovleniye Soveta Bezopasnosti RB, 1 marta 2016 g., No. 1 (The concept of information security of the Republic of Belarus: Resolution of the Security Council of the Republic of Belarus, March 1, 2016, No. 1). *ETALON. Zakonodatel'stvo RB*, Nats. tsentr pravovoy inform. Resp. Belarus'. Minsk, 2019.
16. Ob osobennostyakh vneseniya otdel'nykh personal'nykh dannykh i ikh aktualizatsii v registre naseleniya: postanovleniye Soveta Ministrov RB, 10 apr. 2019 g., No. 228 (On the features of entering individual personal data and their updating in the population register: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus, April 10, 2019, No. 228). *ETALON. Zakonodatel'stvo RB*, Nats. tsentr pravovoy inform. Resp. Belarus'. Minsk, 2019.
17. O sotsial'noy zashchite invalidov v RB, 11 noyab. 1991 g., No. 1224-XII (On the social protection of persons with disabilities in the Republic of Belarus, November 11, 1991, No. 1224-XII). *ETALON. Zakonodatel'stvo RB*, Nats. tsentr pravovoy inform. Resp. Belarus'. Minsk, 2019.
18. O preduprezhdenii invalidnosti i reabilitatsii invalidov: Zakon RB, 23 iyulya 2008 g. No. 422-Z: v red. Zakona ot 04.06.2015 (On the prevention of disability and rehabilitation of persons with disabilities: Law of the Republic of Belarus, July 23, 2008 No. 422-3: as amended by Law dated 06/04/2015). *ETALON. Zakonodatel'stvo RB*, Nats. tsentr pravovoy inform. Resp. Belarus'. Minsk, 2019.
19. Konstitutsiya RB, 15 marta 1994 g.: s izm. i dop., prinyata na resp. referendumakh 24 noyab. 1996 g. i 17 noyab. 2004 g. (Constitution of the Republic of Belarus, March 15, 1994: as amended. and add., accepted by rep. referenda on November 24 1996 and Nov 17 2004). *ETALON. Zakonodatel'stvo RB*, Nats. tsentr pravovoy inform. Resp. Belarus'. Minsk. 2019.
20. Suvorova V.YA. Ratifikatsiya mezhdunarodnykh dogovorov i ikh prioritetnoye primeneniye (Ratification of international treaties and their priority application). *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2013, No. 1 (37), pp. 93-95.
21. Tiunov O.I. Ratifikatsiya mezhdunarodnykh dogovorov v Rossiyskoy Federatsii (Ratification of international treaties in the Russian Federation). *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2014, No. 4, pp. 16-22.
22. Chekunov S.A. K voprosu o dvoynom izmerenii ratifikatsii mezhdunarodnykh dogovorov – mezhdunarodnom i vnutrigosudarstvennom (To the question of the double measurement of ratification of international treaties – international and domestic). *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2015, No. 4, pp. 100-106.

23. Irina Busygina, Mikhail Filippov, Elmira Taukebaeva. To decentralize or to continue on the centralization track: The cases of authoritarian regimes in Russia and Kazakhstan. *Journal of Eurasian Studies*. Volume 9. Issue 1. January 2018, pp. 61-71.

24. Ksenia Kirkham. The formation of the Eurasian Economic Union: How successful is the Russian regional hegemony? *Journal of Eurasian Studies*. Volume 7. Issue 2. July 2016, pp. 111-128.

Дата поступления: 12.08.2019

Received: 12.08.2019

УДК 341

**РАЗВИТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ФРАНЦИИ:
ДОСТИЖЕНИЯ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ
ВТОРОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ 21 ВЕКА**

**THE DEVELOPMENT OF FRENCH
ENVIRONMENTAL LEGISLATION:
ACHIEVEMENTS AND NEW
CHALLENGES OF THE SECOND
DECADE OF THE 21ST CENTURY**

МУХАМЕТГАРЕЕВА

Наталья Михайловна

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры международного права и международных отношений Института права Башкирского государственного университета, город Уфа, Россия.

E-mail: nmch77@mail.ru

MUKHAMETGAREEVA

Natalia Mikhailovna

Candidate of Sciences (Philology), Senior Instructor of the Chair of International Law and International Relations of the Institute of Law of the Bashkir State University,

Ufa, Russia. E-mail: nmch77@mail.ru

ЮСУПОВА Зилья Анасовна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры международного права и международных отношений Института права Башкирского государственного университета, город Уфа, Россия.

E-mail: zilya_iousupova@mail.ru

YUSUPOVA Zilya Anasovna

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of International Law and International Relations of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, Russia.

E-mail: zilya_iousupova@mail.ru

На сегодняшний день, индустриальная модель развития мира привела к деградации окружающей природной среды. В то же время европейские страны одни из первых осознали зависимость качества жизни от наличия благоприятной для человека среды обитания. В этой связи особенно актуальным представляется изучение опыта Французской республики, которая проводит целенаправленную политику охраны окружающей среды в течение последних 50 лет. Государственная экологическая политика Франции на современном этапе предусматривает реформирование и модернизацию экологического права в це-

Today, the industrial model of the development of the world has led to the degradation of the natural environment. At the same time, European countries were among the first to recognize the dependence of quality of life on a favorable human environment. In this regard, it seems particularly relevant to study the experience of the French Republic, which has been pursuing a focused environmental policy over the past 50 years. The state environmental policy of France at the present stage provides for reforming and upgrading environmental law in order to ensure the effectiveness of sustainable development in the context of achieving a high

лях обеспечения эффективности устойчивого развития в контексте достижения высокого уровня охраны окружающей среды, поиск альтернативных инновационных подходов в экологической политике с помощью реализации решений правительственных структур.

Ключевые слова: экологическое законодательство, Французская республика, правовая охрана окружающей среды, экологическая политика.

level of environmental protection, searching for alternative innovative approaches in environmental policy through the implementation of government decisions.

Key words: environmental legislation, French Republic, legal environmental protection, environmental policy.

Французская Республика осуществляет реализацию целенаправленной политики охраны окружающей среды в течение последних 50 лет. Отметим, что Франция стала одним из первых государств, которое учредило Министерство по вопросам окружающей среды (27 января 1971 года). В 1970 – 1990 годах политика Французской Республики в сфере охраны окружающей среды заключалась главным образом в разработке специфических нормативно-правовых актов и создание специализированных учреждений по сбору и уничтожению отходов (1976 год), контролю за качеством воздуха (1981 год) и региональному использованию энергии (1982 год). Государственная политика по взаимодействию человека и окружающей среды предусматривала также принятие Национального плана охраны окружающей среды 1990 года.

Новый этап в развитии экологического законодательства Франции характеризуется принятием Экологического кодекса Франции 2000 года [1] и присоединением к Конституции Французской Республики Экологической хартии 2004 года [2]. В рамках хартии провозглашается неотъемлемая взаимосвязь человека и окружающей среды, признание окружающей среды общечеловеческим наследием. Кроме того, происходит определение основополагающих принципов, среди которых право каждого на жизнь в благоприятной для здоровья окружающей среде, установление обязанностей по принятию участия в сохранении и улучшении состояния окружающей среды, устранению ущерба, который был причинен окружающей среде человеком и иными факторами и т.п.

Государственная экологическая политика Франции на современном этапе предусматривает в качестве основной цели реформирования и модернизации экологического права обеспечение эффективности устойчивого развития в контексте достижения высокого уровня охраны окружающей среды. Правовую основу французского экологического законодательства составляет Экологический кодекс, после его принятия в данный нормативно-правовой документ вносились множественные изменения, вызванные необходимостью учета усиления процессов глобализации, тенденций роста потребления и улучшения качества жизни, необратимого изменения климата, появления новых технологий, связанных с различными воздействиями на окружающую среду. Рассмотрим правовые документы, принятые во Франции во втором десятилетии 21 века, и, в глобальном смысле, отражающие основные тенденции развития международного и европейского экологического права.

Необходимо сделать оговорку, что в рамках данной работы анализ нормативно-правовых актов Французской Республики будет проводиться на оригинальном языке с применением вольного (авторского) перевода, так как подавляющая часть французского законодательства не имеет официального русскоязычного аналога.

Среди нормативно-правовых актов, которые не были включены в положения Экологического кодекса, но при этом составляющих важную часть французского экологического за-

конодательства, возможно выделить Закон о модернизации сельского хозяйства и рыболовства и Закон об общенациональном обязательстве по охране окружающей среды.

Законом от 27.07.2010 № 2010-874 [3] «О модернизации сельского хозяйства и рыболовства» устанавливаются направления государственной политики в области развития сельского хозяйства и регулирования отношений, возникающих в связи с рыболовством и сохранением водных биологических ресурсов.

В большей степени данный нормативно-правовой акт посвящен вопросам развития сельского хозяйства как сектора рыночной экономики. Но, между тем, он затрагивает и некоторые аспекты, связанные с охраной окружающей среды, в частности, определяет поощрительные меры за предотвращение рисков загрязнения окружающей среды объектами переработки и сбыта сельскохозяйственных и пищевых продуктов, распространение которых несет риск причинения ущерба окружающей среде, определяет меры фитосанитарного надзора.

В свою очередь, Законом об общенациональном обязательстве по охране окружающей среды от 12.07.2010 № 2010-788 [4], так называемого закона «Grenelle II», определены множественные изменения в различных сферах деятельности человека, допускающих возможность возникновения риска причинения ущерба окружающей среде.

Так, в сфере сельского хозяйства устанавливается добровольная сертификация для лиц, желающих отметить свою высокую приверженность ценностям охраны окружающей среды, проводится строго определенное регулирование обращения пестицидов и нитратов. В отношении атмосферного воздуха вводится понятие «области приоритетных действий», предполагается снижение уровня загрязнения воздуха в городских поселениях. В отношении сохранения биологического разнообразия устанавливаются принципы финансирования соответствующих фондов, принципы защиты морской среды. Кроме того, ужесточается ответственность за правонарушения в области обращения промышленных и иных отходов.

Постановлением от 07.01.2010 № 2010-18 [5] и Декретом от 13.01.2010 № 2010-47 [6] были учреждены Национальное агентство по вопросам безопасности пищевых продуктов, охраны окружающей среды и труда, а так же Национальное агентство по обращению с радиоактивными отходами и Координационный комитет по вопросам промышленных радиоактивных отходов. Национальное агентство по вопросам безопасности пищевых продуктов, охраны окружающей среды и труда выступает органом исполнительной власти, ответственным за обеспечение безопасности человека, защиту его здоровья, защиту растений и благополучное состояние животной среды, а также оценку питательных и функциональных свойств продуктов питания. В его обязанности также входит сертификация и проверка ветеринарных лекарственных средств. В свою очередь, Национальное агентство по обращению с радиоактивными отходами находится в ведении Министерства экологии и устойчивого развития, транспорта и жилищного строительства Французской Республики. Оно реализует мероприятия по вопросам проведения научных, испытательских исследований ядерной энергетики, ее влияние на окружающую среду.

Множественные изменения по вопросам государственной политики в отношении применения веществ, разрушающих озоновый слой, а также в отношении фторсодержащих парниковых газов, биоцидов и химикатов были приняты в связи с введением в действие Декрета от 13.04. 2011 № 2011-396 [7]. Изменениям подверглись положения по вопросам распространения указанных химических веществ, сертификации и лицензировании деятельности, связанной с использованием фторсодержащих биоцидов и химикатов, парниковых газов. При этом указанные вещества не становятся запрещенными, они выступают объектом пристального государственного контроля с определением режима их обращения и применения.

Крупные изменения были внесены в Экологический кодекс Франции с принятием Постановления от 05.01.2012 № 2012-6 [8]. По большей степени они коснулись вопросов деятельности в сфере применения ядерных объектов, а именно перевозки ядерных веществ, пре-

сечения аварийных ситуаций в области ядерной безопасности и радиационной защиты. Проведено четкое определение содержания категории «ядерная безопасность», которая включает в себя, в том числе, радиационную защиту, профилактику и борьбу с негативными последствиями в случае аварии. При этом в общем смысле ядерная безопасность понимается как совокупность технических положений и организационных мероприятий по проектированию, эксплуатации, выводу из эксплуатации ядерных установок и радиоактивных веществ.

Процесс реформирования права окружающей среды во Французской Республике направлен, в том числе и на то, чтобы придать первостепенное значение эффективному вмешательству общественности в определение и реализацию государственной экологической политики. Законом от 27.12.2012 № 2012-1460 [9] «О реализации принципа участия общественности», определённого в ст. 7 Экологической Хартии, были внесены изменения в Экологический кодекс Французской Республики в части унификации принципов реализации государственной политики по охране окружающей среды в соответствии с конституционными положениями. Установлен принцип права каждого на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды и участие в разработке нормативно-правовых актов по вопросам окружающей среды. Кроме того, поэтапно определяется процедура получения гражданами и организациями достоверной информации о состоянии окружающей среды от органов государственной власти и порядок внесения предложений по вопросам модернизации национального экологического законодательства.

В целом можно сказать, что право на участие «заинтересованной общественности» включает всех представителей общественности, чьи права, гарантированные законом, могут быть ущемлены в результате планируемой деятельности. Таким образом, общественность признается в качестве важного источника рекомендаций, предложений или оценок, в качестве столпа государственной политики и оптимизирует процесс принятия решений. Это, вероятно, и есть прямая реализация цели, поставленной в Принципе 1 Стокгольмской декларации (1972 г.), в которой признается, что «человек несет главную ответственность за охрану и улучшение окружающей среды» [10], и соответствие Принципу 10 Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию (1992 г.), «экологические вопросы решаются наиболее эффективным образом при участии всех заинтересованных граждан – на соответствующем уровне» [11]. Следует также отметить, что и Европейская хартия по окружающей среде и охране здоровья признает, что участие общественности является центральным элементом модернизации экологического права, поскольку каждый гражданин имеет право участвовать в процессе принятия решений [12].

Еще одним важным достижением экологической политики Франции стал Закон от 17.08.2015 № 2015-992 [13], в котором провозглашается переход в выработке и потреблении энергетических ресурсов к «зелёному росту». Закон устанавливает цели и задачи французской энергетической модели (по вопросам выработки и потребления энергии) в контексте глобальных энергетических технологий и технологий Европейского союза. При этом, под понятием «зелёный рост» понимается содействие со стороны государства снижению уровня загрязнения окружающей среды и выбросов парниковых газов, путем ограничения выбросов промышленных отходов. Политика «зеленого роста» направлена на сохранение биологического разнообразия и повышения уровня энергетической безопасности.

Анализируемый закон устанавливает принцип поощрения уменьшения уровня загрязнения атмосферного воздуха, предполагает повышение уровня энергетической независимости Французской Республики посредством увеличения доли возобновляемых источников энергии, уменьшение количества природных ресурсов, используемых для выработки энергии, устанавливая в перспективе отдельные ограничения в 50% для применения ядерной энергетики (от общего уровня).

Наконец, важное дополнение Экологического кодекса Французской Республики произошло с принятием Закона от 08.08.2016 № 2016-1087 [14] «О восстановлении биологического разнообразия и природных ландшафтов».

В целом, сохранение биологического разнообразия определяется как сохранение природных «даров», важных как с точки зрения конкретной страны, так и всего человечества. Однако хозяйственная выгодность сохранения биоразнообразия заметно проявляется лишь при учёте его долговременных последствий и на уровне большой страны, материка, всего земного шара и интересов их населения за длительный период, поэтому для предотвращения ущерба биоразнообразию необходимо применение соответствующих как ограничительных (для нарушителей), так и поддерживающих (для сознательных граждан) законодательных, хозяйственных и просветительских мер.

Правовое закрепление получила проблема загрязнения водной среды некоторыми видами источников света, предложен механизм по восстановлению биологического разнообразия водной среды.

Также была разработана единая Национальная стратегия в области поддержания и восстановления биологического разнообразия, указаны меры ее реализации. В рамках данной национальной программы был расширен перечень заповедных зон для рыболовства и охраняемых морских районов, предусматривается усиление мер защиты исчезающих мигрирующих морских видов и тому подобное.

В соответствии со статьей L411-2 Экологического кодекса, введенной статьей 74 вышеупомянутого закона «О восстановлении биологического разнообразия и природных ландшафтов» 13 февраля 2017 был принят Декрет «О приоритетных зонах биоразнообразия», определяющий новое природоохранное зонирование [15]. Декрет должен способствовать восстановлению жизненно важных мест обитания исчезающих и/или охраняемых видов (например, обыкновенного хомяка (*Cricetus cricetus*), чья популяция снова резко сократилась во Франции в начале 21-го века). Этот декрет стал ответом на постоянные требования Европейского союза обеспечить надлежащую охрану исчезающих видов и наряду с последними достижениями в определении правового статуса животных (например, закон № 2015-177 от 16 февраля 2015 г. «О модернизации и упрощении законодательства и процедур в области юстиции и внутренних дел» (ст. 2) [16]. Этот закон включил новую статью в Гражданский кодекс – ст. 515-14, в которой говорится: «Животные – это живые существа, наделенные чувствами. При условии соблюдения законов, которые их защищают, животные подчиняются режиму собственности» [17]) иллюстрируют обеспокоенность государственных органов в отношении «даров» природы и подтверждают, что национальный свод законов в настоящее время соответствует европейскому праву, которое значительно модернизировало правовой статус животных или, по крайней мере, ужесточило наказания за жестокое обращение с ними [18].

Руководство Франции находится в постоянном поиске альтернативных инновационных подходов в экологической политике, одной из последних инноваций стало учреждение Совета по экологической защите, соответствующий указ № 2019-449 был опубликован 15 мая 2019 года [19]. Председателем совета является Президент Республики, в состав совета входят премьер-министр и ряд министров. О создании Совета в своем выступлении 25 апреля 2019 года объявил президент Эммануэль Макрон как об одной из мер, принятых правительством в ответ на протесты «желтых жилетов». Миссия Совета по экологической защите состоит в том, чтобы определить приоритеты в области охраны окружающей среды, биоразнообразия и изменении климата, а также обеспечить, чтобы они учитывались во всех сферах деятельности государства.

Первое заседание совета по экологической защите состоялось 23 мая 2019 года в Париже. Был обсужден законопроект, запрещающий разведку и добычу углеводородов, а также

некоторые другие меры, такие как помощь при покупке электромобилей и содействие энергетической реновации зданий.

Необходимо отметить, что национальное экологическое законодательство Франции базируется не только на конституционных принципах, но и на международных договорах Французской Республики, а также правовых актах Европейского Союза. В связи с этим, укажем, что за последние годы Французская Республика стала участником нескольких международных соглашений, направленных на защиту окружающей среды.

Так Французская Республика, являясь членом ООН, присоединилась к Резолюции № 66/288 [20], принятой Генеральной Ассамблеей ООН «Будущее, которого мы хотим». Данная резолюция провозглашает приверженность курсу устойчивого развития и обеспечение, в том числе, экологически устойчивого будущего планеты для нынешних и будущих поколений. Кроме того, под эгидой ООН были разработаны Цели устойчивого развития до 2030 года, среди которых:

- сохранение экосистем суши;
- сохранение морских экосистем;
- ответственное потребление и производство;
- недорогостоящая и чистая энергия;
- чистая вода и санитария;
- борьба с изменением климата.

Наконец, в рамках Рамочной конвенции ООН «Об изменении климата», было принято Парижское соглашение «Об изменении климата» 2015 года [21], целью которого является разработка механизмов снижения темпов глобального потепления, активизация осуществления Рамочной конвенции ООН, в частности, удержание роста глобальной средней температуры намного ниже 2 градусов Цельсия и приложение усилий для ограничения роста температуры величиной 1,5 градуса Цельсия. Страны-участники определяют свои вклады в достижение декларируемой общей цели в индивидуальном порядке, пересматривают их раз в пять лет.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что французское экологическое законодательство находится в состоянии постоянного динамичного развития. Его основами выступают конституционные принципы, определённые в Экологической Хартии 2004 года, международно-правовые нормы, а также правовые акты Европейского Союза.

Библиографические ссылки

1. Code de l'environnement [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=1E89CC8F7E5E5565A664A7B43D1FC658.tpdila11v_1?cidTexte=LEGITEXT000006074220&dateTexte=20170423 (дата обращения: 05.08.2019).
2. Charte de l'environnement de 2004 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/Droit-francais/Constitution> (дата обращения: 05.08.2019).
3. LOI n° 2010-874 du 27 juillet 2010 de modernisation de l'agriculture et de la pêche (1) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000022521587&categorieLien=id/> (дата обращения: 12.08.2019).
4. LOI n° 2010-788 du 12 juillet 2010 portant engagement national pour l'environnement (1) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000022470434&categorieLien=id/> (дата обращения: 12.08.2019).
5. Ordonnance n° 2010-18 du 7 janvier 2010 portant création d'une agence nationale chargée de la sécurité sanitaire de l'alimentation, de l'environnement et du travail [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000021637409&categorieLien=id> (дата обращения: 07.08.2019).

6. Décret n° 2010-47 du 13 janvier 2010 relatif à l'Agence nationale pour la gestion des déchets radioactifs (ANDRA) et à la création du comité de coordination industrielle pour les déchets radioactifs [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000021682935&categorieLien=id> (дата обращения: 07.08.2019).
7. Décret n° 2011-396 du 13 avril 2011 relatif à des substances appauvrissant la couche d'ozone et à certains gaz à effet de serre fluorés, aux biocides et au contrôle [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000023860912&categorieLien=id> (дата обращения: 07.08.2019).
8. Ordonnance n° 2012-6 du 5 janvier 2012 modifiant les livres Ier et V du code de l'environnement [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000025104850&categorieLien=id> (дата обращения: 07.08.2019).
9. LOI n° 2012-1460 du 27 décembre 2012 relative à la mise en œuvre du principe de participation du public défini à l'article 7 de la Charte de l'environnement (1) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000026843093&categorieLien=id> (дата обращения: 08.08.2019).
10. Декларация Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarthenv.shtml (дата обращения: 12.08.2019).
11. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 12.08.2019).
12. Charte européenne sur l'environnement et la santé adoptée à Francfort sous l'égide de l'OMS le 8 décembre 1989 (premier paragraphe) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sents.uvsq.fr/spip.php?article726> (дата обращения: 12.08.2019).
13. LOI n° 2015-992 du 17 août 2015 relative à la transition énergétique pour la croissance verte (1) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000031044385&categorieLien=id/> (дата обращения 08.08.2019).
14. LOI n° 2016-1087 du 8 août 2016 pour la reconquête de la biodiversité, de la nature et des paysages (1) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000033016237&categorieLien=id/> (дата обращения: 08.08.2019).
15. Décret n° 2017-176 du 13 février 2017 relatif aux zones prioritaires pour la biodiversité [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000034035272&categorieLien=id> (дата обращения: 12.08.2019).
16. LOI n° 2015-177 du 16 février 2015 relative à la modernisation et à la simplification du droit et des procédures dans les domaines de la justice et des affaires intérieures (1) [Электронный ресурс]. URL: [https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000030248562& categorieLien=id](https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000030248562&categorieLien=id) (дата обращения: 12.08.2019).
17. Code Civil – Article 515-14 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCodeArticle.do?idArticle=LEGIARTI000030250342&cidTexte=LEGITEXT000006070721&dateTexte=20150218> (дата обращения: 12.08.2019).
18. Мухаметгареева Н.М., Юсупова З.А. Правовая защита животных в Европе: современные тенденции развития // Евразийский юридический журнал. 2017. № 8 (111). С. 90-99.
19. Décret n° 2019-449 du 15 mai 2019 relatif au conseil de défense écologique [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000038475228&categorieLien=id> (дата обращения: 15.08.2019).
20. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН от 27.07.2012 № 66/288 «Будущее, которого мы хотим» // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/documents/> (дата обращения: 12.08.2019).

21. Парижское соглашение «Об изменении климата» 2015 года // Официальный сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/eng/109r01.pdf> (дата обращения: 15.08.2019).

References

1. Code de l'environnement. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=1E89CC8F7E5E5565A664A7B43D1FC658.tpdila11v_1?cidTexte=LEGITEXT000006074220&dateTexte=20170423 (Accessed date: 05.08.2019).
2. Charte de l'environnement de 2004. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/Droit-francais/Constitution> (Accessed date: 05.08.2019).
3. LOI n° 2010-874 du 27 juillet 2010 de modernisation de l'agriculture et de la pêche (1). URL: [https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000022521587& categorieLien=id/](https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000022521587&categorieLien=id/) (Accessed date: 12.08.2019).
4. LOI n° 2010-788 du 12 juillet 2010 portant engagement national pour l'environnement (1). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000022470434& categorieLien=id/> (Accessed date: 12.08.2019).
5. Ordonnance n° 2010-18 du 7 janvier 2010 portant création d'une agence nationale chargée de la sécurité sanitaire de l'alimentation, de l'environnement et du travail. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000021637409&categorieLien=id> (Accessed date: 07.08.2019).
6. Décret n° 2010-47 du 13 janvier 2010 relatif à l'Agence nationale pour la gestion des déchets radioactifs (ANDRA) et à la création du comité de coordination industrielle pour les déchets radioactifs. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000021682935& categorieLien=id> (Accessed date: 07.08.2019).
7. Décret n° 2011-396 du 13 avril 2011 relatif à des substances appauvrissant la couche d'ozone et à certains gaz à effet de serre fluorés, aux biocides et au contrôle. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000023860912&categorieLien=id> (Accessed date: 07.08.2019).
8. Ordonnance n° 2012-6 du 5 janvier 2012 modifiant les livres Ier et V du code de l'environnement. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000025104850&categorieLien=id> (Accessed date: 07.08.2019).
9. LOI n° 2012-1460 du 27 décembre 2012 relative à la mise en œuvre du principe de participation du public défini à l'article 7 de la Charte de l'environnement (1). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000026843093& categorieLien=id> (Accessed date: 08.08.2019).
10. Deklaraciya Konferencii OON po problemam okružhayushchej cheloveka sredy (Declaration of the UN Conference on the Human Environment). *Oficial'nyj sajt OON*. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (Accessed date: 12.08.2019)
11. Rio-de- Zhanejrskaya deklaraciya po okružhayushchej srede i razvitiyu (Rio Declaration on Environment and Development). *Oficial'nyj sajt OON*. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (Accessed date: 12.08.2019)
12. Charte européenne sur l'environnement et la santé adoptée à Francfort sous l'égide de l'OMS le 8 décembre 1989 (premier paragraphe). URL: <http://www.ssents.uvsq.fr/spip.php?article726> (Accessed date: 12.08.2019)
13. LOI n° 2015-992 du 17 août 2015 relative à la transition énergétique pour la croissance verte (1). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000031044385&categorieLien=id/> (Accessed date: 08.08.2019).

14. LOI n° 2016-1087 du 8 août 2016 pour la reconquête de la biodiversité, de la nature et des paysages (1). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000033016237&categorieLien=id/> (Accessed date: 08.08.2019).
15. Décret n° 2017-176 du 13 février 2017 relatif aux zones prioritaires pour la biodiversité. URL: [https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte= JORFTEXT000034035272 &categorieLien=id](https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000034035272&categorieLien=id) (Accessed date: 12.08.2019)
16. LOI n° 2015-177 du 16 février 2015 relative à la modernisation et à la simplification du droit et des procédures dans les domaines de la justice et des affaires intérieures (1). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000030248562&categorieLien=id> (Accessed date: 12.08.2019)
17. Code Civil – Article 515-14. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCodeArticle.do?idArticle=LEGIARTI000030250342&cidTexte=LEGITEXT000006070721&dateTexte=20150218> (Accessed date: 12.08.2019)
18. Muhametgareeva N.M., Yusupova Z.A. Pravovaya zashchita zhitovnyh v Evrope: sovremennyye tendencii razvitiya (Legal animal protection in Europe: current trends of the development). *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal*, 2017, No. 8 (111), pp. 90-99.
19. Décret n° 2019-449 du 15 mai 2019 relatif au conseil de défense écologique. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000038475228&categorieLien=id> (Accessed date: 15.08.2019)
20. Rezolyuciya, prinyataya General'noj Assambleej OON ot 27.07.2012 № 66/288 «Budushchee, kotorogo my hotim» (Resolution adopted by the UN General Assembly of July 27, 2012 No. 66/288 “The future we want”). *Oficial'nyj sajt OON*. URL: <http://www.un.org/ru/documents/> (Accessed date: 12.08.2019).
21. Parizhskoe soglashenie «Ob izmenenii klimata» 2015 goda (2015 Paris Climate Change Agreement). *Oficial'nyj sajt OON*. URL: <http://unfccc.int/resource/docs/2015/cop21/eng/109r01.pdf> (Accessed date: u 15.08.2019).

Дата поступления: 14.08.2019

Received: 14.08.2019

К АВТОРАМ

**Приглашаем Вас к сотрудничеству с журналом
«ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА»**

Цель журнала – консолидировать усилия общественности для решения актуальных проблем в области формирования правового государства.

Основные задачи журнала:

- публикация материалов, посвященных актуальным проблемам государственного строительства, вопросам реформирования правовой системы, законотворческой деятельности, развития парламентаризма, институтов гражданского общества;
- обсуждение проблем повышения эффективности научных исследований в области права, мобилизация усилий научных коллективов на разработку проблем совершенствования государственно-правовой и судебной систем, повышения правовой грамотности населения;
- организация обсуждений проектов нормативно-правовых документов и существующих в российском законодательстве проблем;
- освещение опыта зарубежных стран по совершенствованию законотворческой деятельности и правоприменительной практики, актуальных проблем развития международного права в условиях глобализации.

**ПЕРЕЧЕНЬ ТРЕБОВАНИЙ И УСЛОВИЙ ЖУРНАЛА
«Правовое государство: теория и практика»
ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ**

- Статьи предоставляются в редакцию в электронном виде (по электронной почте E-mail: niipgg@mail.ru) или на бумажном носителе с приложением электронного варианта на диске 3,5” в формате *.rtf или *.doc текстового редактора Word электронной версии.
- Объем публикации – до 0.5 п.л. (20 000 знаков, включая пробелы). В случае предоставления материала, большего по объему, что предусмотрено Порядком предоставления работ для журнала, редакция оставляет за собой право возврата материала автору для сокращения.
- Шрифт основного текста работы – 11, шрифт Times New Roman через 1,0 интервала, поля со всех сторон 20 мм. Формат документа: MS WORD (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (Иванов И.И.).
- На первой странице указывается ФИО автора, ученая степень, ученое звание, место работы, город, страна и e-mail. Название статьи печатается заглавными буквами. Далее идет аннотация не менее 100 и не более 250 слов. Редакция обращает внимание авторов на то, что общий объем предоставляемого материала, включая (Ф.И.О., ученая степень, звание, место работы, название статьи, аннотация, ключевые слова и библиографические ссылки оформляются на русском и английском языках) не должен превышать 0,5 п.л. (около 20 000 знаков с пробелами). Рукопись подписывается автором на последней странице.
- Внутритекстовые текстовые сноски оформляются в самом тексте посредством квадратных скобок: [3, с. 145]. Библиографические ссылки следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.5–2008 (без тире). Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала.
- Диаграммы, таблицы, рисунки должны быть сделаны в текстовом редакторе Word и дополнительно сохранены в отдельном файле. Фотографии и рисунки прилагаются отдельными файлами в формате TIFF или JPEG.
- Все аббревиатуры и сокращения должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
- Предоставляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует отсутствие плагиата и других форм неправомерного использования в статье информации.
- В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал возвращается автору на доработку, и рукописи подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О произведенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме.
- К статье прилагается фото в формате JPG (книжная ориентация с указанием Ф.И.О.) для размещения на сайте журнала. Также следует указать почтовый адрес, номер контактного телефона, они необходимы для связи сотрудников редакции с авторами и в журнале не публикуются.
- Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами.
- Плата за публикацию с аспирантов не взимается.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-73609 от 31 августа 2018 г. «Роскомнадзор»
Тел.: (347) 228-83-51, E-mail: niippg@mail.ru;
сайт: <http://pravgos.ru>

Адрес издательства и редакции: 450005, Республика Башкортостан,
г. Уфа, ул. Достоевского, 131, каб. 319.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Газеты. Журналы»
(Роспечать): 81192

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата юридических наук.

Подписка на журнал возможна с любого месяца

Все права защищены и охраняются Законом Российской Федерации «Об авторском праве». Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другим без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Редакция сохраняет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Автор может претендовать на вознаграждение в виде одного бесплатного авторского экземпляра журнала при условии указания им своего адреса. Редакция уважает мнение авторов опубликованных статей, но при этом их мнение не всегда совпадает с мнением редакции.

© Уфа: РИО НИИППГ, 2019

Подписан в печать 17.09.2019 г. Вышел в свет 20.09.2019 г.
Бумага писчая. Формат 60x84/8. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 16.27. Уч. изд. л. 14,62. Тираж 500. Заказ 24.
Свободная цена.

Отпечатано в редакционно-издательском отделе Института права
Башкирского государственного университета
450005, РБ, г. Уфа, ул. Достоевского, 131, к. 105.